

Бессердечный

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books)

УИНТЕР РЕНШОУ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ «УОЛЛ-СТРИТ ЖОРНАЛ»

Annotation

Хотела бы я сказать, что наша встреча была случайной. Хотела бы я сказать, что стоило только взглянуть друг на друга, как мы сразу все поняли. Хотела бы я сказать, что влюбиться в него — это лучшее, что когда-либо случилось со мной. Но все это не правда. Ретт Карсон был так же холоден, как и лед, по которому он катался. Он был таким же огрубевшим, как и его руки, которые забивали победные голы и приносили чемпионские титулы. Он был разбит. Сломлен. Я знала о нем все, но он об этом даже не догадывался. Я понимала, почему он был таким жестоким и злым. Понимала, почему он был таким бессердечным. Но не могла понять, почему позволила себе влюбиться в него и почему не смогла остановиться... даже когда он попросил об этом. С этого все и началось.

- [БЕССЕРДЕЧНЫЙ](#)
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Глава 49](#)
  - [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)
  - [Эпилог](#)
-

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

Автор: Уинтер Реншоу

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Израненные сердца #1 (про разных героев)

Номер в серии: 1

Главы: Пролог+51 глава+Эпилог

Переводчик: Юлия Ж.

Редактор: Каролина Р.

Вычитка и оформление: Екатерина Л.

Обложка: Таня П.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N ★ Переводы книг

(https://vk.com/kn_books)

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пролог

Ретт

Я небрежно швыряю ее на кровать, точно так же, как и она обошлась с моим сердцем.

Потянувшись к ее джинсам, стягиваю их вниз, мозолистыми руками грубо касаясь нежной кожи. Виноват. А случайность ли это с моей стороны?

Следующие ее трусики.

Я разрываю их прямо посередине, почти так же, как и она поступила со мной. Слишком просто. Неужели и для нее тоже?

— Ретт. — Она выдыхает мое имя, пленяя своим чувственным взглядом, но я затыкаю ей рот грубым поцелуем, рукой запутываясь в ее волосах, пока впиваюсь в губы.

Этим вечером не будет никаких ласковых поцелуев. Никаких нежностей. Это не прогулка по аллеям памяти, вовсе нет.

Поддев пальцем бретельку бюстгальтера, я оттягиваю ее и отпускаю, чем наношу удар по коже. Даже в темноте виден след от удара, но он незначителен и со временем исчезнет. Это не сравнится с тем рубцом, что она оставила на моем сердце.

Расстегнув свои джинсы, я стягиваю их и ложусь на нее сверху, впиваясь в эти губы снова и снова, высасывая воздух из ее легких и вонзаясь пальцами в изгибы чертовски идеальной задницы.

Ногами она обхватывает мои бедра.

Она хочет этого. Хочет *меня*.

Не хотелось бы разочаровывать ее, но я уже не тот, что прежде.

Она прямо подо мной, я властвую над ней.

Раздвинув ей ноги, я дразню клитор кончиком набухшего члена, прежде чем медленно приблизиться к ее входу и проникнуть внутрь ровно настолько, чтобы помучить.

Да. Я хочу трахнуть ее.

Это чувство никогда не утихало, как бы я ни пытался с ним бороться, но я не могу сделать это так, как раньше. В этом случае у нее может сложиться неверное впечатление.

Я поднимаюсь, отстраняясь от нее.

— На колени.

Долю секунды она колеблется, а затем переворачивается и становится на четвереньки.

Сегодня я собираюсь трахнуть ее сзади, чтобы не ощущать на себе этот пристальный взгляд. Не хочу видеть слабый лучик надежды в ее глазах, которому *абсолютно* нечего там делать.

Достав презерватив из кармана джинсов, валяющихся на полу, я разрываю пакетик зубами и натягиваю латекс на свой твердый член.

Я слишком долго ждал этого и так сильно возбужден.

Кончиком пальца очерчиваю ее складочки, наблюдая, как дрожит ее тело, и как только она выдыхает, одним резким движением проникаю глубоко-глубоко.

Она ахает, падает на локти и прижимается щекой к кровати, хватаясь за простыни.

Я впиваюсь пальцами в ее бедра, оставляя красные отметины там, где сжимаю плоть, и вскоре в комнате ощущается запах возбуждения и слышны короткие вздохи, вырывающиеся из ее вероломного рта.

Глубже.

Быстрее.

Жестче.

Я трахаю ее, пока мы не теряем чувство времени, пока она не начинает кричать в простыни, говорить, как ей хорошо и умолять не останавливаться. Но я ничего не чувствую.

Ничего. Ничего. Я будто онемел.

Когда все заканчивается, я выхожу из нее, бросаю презерватив в мусорное ведро и направляюсь в душ. Мне нужно смыть ее с себя.

Глава 1

Полтора года назад...

Айла

Этот говнюк умер.

Умер прежде, чем я успела с ним встретиться.

— Соболезную вашей потере, — с сильным бруклинским акцентом говорит владелец квартиры, которую арендовал мой сводный брат. Он кривит губы и хмурится, когда вручает мне связку ключей, а скрытые капюшоном темные глаза кажутся остекленевшими. Судя по всему, он фанат моего брата, и под фанатом я подразумеваю по-настоящему *преданного-до-последнего-вздоха* ярого поклонника Брайса Реннера. На нем хоккейный свитер «Нью-Йоркских Спартанцев» с надписью «Реннер» на спине жирными буквами — он не снимал его с похорон, которые состоялись сегодня утром. — Аренда оплачена до конца года, так что не торопитесь. Дайте знать, если вам что-нибудь понадобится. Я живу в квартире 12А в конце коридора.

— Спасибо. — Я беру ключи и крепко сжимаю их в ладони.

Владелец квартиры останавливается в дверном проеме, осматривая дом моего брата, будто в последний раз видит его вот таким, точно так же, как и самого Брайса.

— Он был славным малым, твой брат, — говорит мужчина.

— Так говорят, — лгу я, грустно улыбнувшись ему и наблюдая за тем, как он поглаживает ладонью дверную раму.

— Не верь всему, что о нем говорят. — Он выдыхает, затем сжимает кулак, будто злится на Бога, и, наконец, исчезает в конце коридора. Я закрываю за ним дверь и запираю ее на замок.

В раковине полно грязных тарелок, а на столешницах беспорядочно разбросаны стопки почтового мусора. Полдюжины пар кроссовок брошены в кучу рядом с обувным шкафом у входа, а куча потных хоккейных свитеров валяются в корзине для белья рядом с

дверцей шкафа в гостиной.

Уверена, что под всей этой грязью и бардаком скрывается прекрасное место. Это многовековое здание, построенное из известняка, с большим черным навесом, который выступает до самого тротуара. Здесь есть швейцар и круглосуточная охрана, а Центральный парк всего в десяти минутах ходьбы.

Пошаркав по бетонным полам, я оказываюсь перед окном, открывающим великолепный вид на город — ночь расправила свое покрывало, и огни начали мерцать и сиять. Это, должно быть, то, что называют роскошным видом.

Телефон вибрирует в кармане, возвращая меня из немного туманного и потрепанного состояния, в котором я оказалась из-за смены часовых поясов, и я улыбаюсь, увидев, что звонит мама.

— Привет, — отвечаю я.

— Как все прошло? — Ее милый и тихий голос пронизан беспокойством.

Не понимаю, почему все так беспокоятся обо мне. Ужасно трагично, что он умер, но я не знала его. Честно говоря, больше всего меня беспокоит то, что *никогда* так и не узнаю, и не потому, что не пыталась. Он не хотел иметь ничего общего с внебрачным ребенком своего отца, и каждый раз, когда я пыталась наладить с ним контакт, он совершенно четко давал это понять.

— Это была прекрасная панихида, — говорю я, касаясь пальцем кристально чистого окна во всю стену. Все настолько четкое и ясное, что, кажется, я могла бы просто протянуть руку и коснуться здания, расположенного через дорогу. Кажется, окна — единственное, что здесь не трогали, и я задаюсь вопросом, проводил ли он когда-либо время, стоя здесь и любуясь всей этой красотой. — Пришло много людей. Сотни, может, тысяча. Людям в церкви пришлось стоять.

— Кто говорил прощальную речь? — спрашивает она.

— Его тренер.

— Знаешь, печально, что в последние часы жизни с ним никого не было, — тихо говорит она. — Никого не было рядом с ним в больнице. У меня сердце сжимается от мысли, что он умер в одиночестве.

— У него могла бы быть я.

— Знаю, дорогая, — вздыхает мама на другом конце линии — у нее не то настроение, чтобы в миллионный раз это обсуждать, но все нормально, потому что я тоже не желаю. — Как ты с этим справляешься? Я знаю, что у тебя полно забот с уборкой в доме, разбирательством с его наследством и всем остальным.

— Я в порядке, мам. Я справляюсь.

— Ну, ладно, по крайней мере, теперь он снова с семьей. Они вместе, так что пусть покоятся с миром, — говорит мама, и я представляю, как она крестится. Мне смешно от того, что она так небрежно говорит о супружеской паре, чей брак разрушила около двадцати лет назад.

Я отхожу от окна и сажусь в одно из его кожаных кресел. Кожа мягкая и гладкая, без трещин и складок, и меня мучает вопрос, задумывался ли он когда-нибудь о том, чтобы завершить свою карьеру и на какое-то время остановиться на достигнутом.

В дверь тихо стучат, хотя нет, кажется, мне показалось, но через несколько секунд стук снова повторяется.

— Кто-то пришел, мам. Я позвоню позже, хорошо? — шепчу я, заканчивая разговор, прежде чем она успевает возразить.

Пригладив темную челку и поправив рубашку, я встаю на носочки, смотрю в глазок, и у меня перехватывает дыхание, а рука замирает на дверном засове. За дверью стоит мужчина, на нем черный костюм и зеленый галстук «Спартанцев». Скорее всего, это один из товарищей Брайса по команде.

Прочистив горло, я отпираю замок и распахиваю дверь.

— Привет.

Парень возвышается надо мной и так пристально смотрит своими покрасневшими, полными слез глазами, словно заглядывает мне в душу. На его лице отражается боль. Он выглядит так, будто не спал уже несколько дней.

— Ты сестра Брайса? — спрашивает он.

Я киваю.

— Прости, — говорит он и проводит огромной ладонью по

своим коротким волосам цвета кофе. Аромат лосьона после бритья заполняет пространство между нами. — Я не знаю твоего имени.

Наверное, потому, что Брайс не хотел, чтобы кто-то знал о моем существовании...

— Айла, — говорю я. — Айла Колдуэлл.

Я чувствую, мой брат хотел бы, чтобы я абсолютно ясно дала понять, что у нас разные фамилии, хотя отец один.

— Даже и не знал, что у него есть сестра, пока тренер не сказал мне об этом сегодня. Брайс никогда не говорил о своей семье, — говорит он, глядя мне в глаза. — Не важно, я зашел, потому что мы с друзьями собираемся выпить по парочке стаканчиков. Не то чтобы потусоваться вместе или типа того, просто выпить за старые времена... почтить память Брайса и все такое.

— Да. Понимаю.

Я прикусываю нижнюю губу, смотрю вниз и пытаюсь решить, что ему ответить. Полчаса назад я хотела запереться в комнате для гостей, принять горячий душ и лечь спать пораньше.

— Это за наш счет, — говорит он, как будто деньги — решающий фактор. — Знаешь, ведь ты его семья, а мы заботимся о своих.

— По правде говоря, я...

Я выдавливаю из себя извиняющуюся улыбку, но вижу, как он поникает, и этого достаточно, чтобы я почувствовала себя самой большой засранкой в мире. Может, когда он смотрит на меня, то видит Брайса и чувствует, что я последняя связь с человеком, которого в своей жизни больше никогда не увидит. Он не был обязан приходить сюда, в квартиру своего мертвого товарища, чтобы пригласить его сестру, с которой тот не общался, выпить что-нибудь за свой счет. Он сделал это по доброте душевной. Я не могу отказать. Это было бы грубо.

Думаю, я могу поднять один прощальный тост за жизнь человека, который ненавидел меня так сильно, что почти сдал в полицию за киберпреследование, хотя я всего-то спонтанно отправила сообщение в «Фейсбук». *(Примеч. Киберпреследование — это использование технологий, в частности Интернета, для преследования других людей).*

— Я сильно измотана. Эти пару дней были очень длинными, — говорю я, внезапно ощущая, как пояс моих колготок впивается в живот. Я хочу снять с себя это удручающее платье и обтягивающие колготки, но также хочу поступить по совести. — Но я пойду с вами, ребята, ради одного бокальчика.

В его остекленевших зеленых глазах появляется крошечный свет, и мне кажется, он думает, что становится ближе к своему приятелю, приглашая меня, тогда как на самом деле, скорее, наоборот. Но я не скажу об этом. Не стану омрачать память о Брайсе, потому что, несмотря на то, что он был не в восторге от меня и моего существования, я все равно любила его.

Он был мне чужим, но я все равно любила его, потому что он был частью моей семьи, а семью так или иначе нужно любить, даже когда они ведут себя как идиоты.

Особенно, когда они ведут себя как идиоты.

Мама всегда говорила, что люди, которых сложнее всего любить, больше всего нуждаются в любви. Брайс, определенно, подходил под эту категорию. Эта категория была придумана для таких людей, как он.

— Внизу ждет такси... — Парень указывает на лифт. — Можешь поехать со мной, если хочешь. Кстати, я Шейн. Капитан команды.

Понятия не имею, должны ли мы пожимать друг другу руки или обмениваться другими неуклюжими любезностями, поэтому я приглашаю его войти и прошу дать мне минутку, чтобы привести себя в порядок.

Когда через несколько минут я появляюсь, Шейн стоит у камина, глядя на фотографии Брайса. Для парня, который никогда не рассказывал о своей семье, в квартире слишком много фотографий с отцом, и несколько с матерью, которая трагически скончалась, когда он учился в старшей школе.

— Готов? — спрашиваю я.

Шейн кивает, возвращая на место деревянную рамку, и прячет руки в карманы. Я запираю дверь, когда мы выходим, и перебрасываю сумку через плечо. Он проверяет свой телефон и отправляет сообщение, когда мы входим в лифт.

— Куда поедем? — Я нажимаю кнопку первого этажа.

— В небольшой бар возле стадиона, — говорит он. — Называется «У Шотски». Это небольшое местечко, куда мы все привыкли ходить по пятницам.

— Хорошо.

У Шейна нет тяги к светским разговорам, а у меня нет сил, поэтому мы спускаемся в лифте в тишине и проходим через вестибюль к ожидающему нас такси, припаркованному за черным навесом. Шейн открывает дверь, и я сажусь внутрь.

Сейчас середина июля. На улице высокая влажность, и мне очень хочется собрать волосы, потому что к тому времени, когда мы доберемся до того бара, они удвоятся в объеме, а мне бы хотелось произвести хорошее первое впечатление при встрече с последними живыми ниточками, соединяющими меня с братом.

Он диктует водителю адрес, и мы выезжаем на проезжую часть.

— Мы были шокированы, когда тренер сказал, что у Брайса есть сестра, — говорит Шейн, засовывая телефон в карман пиджака. Он максимально наклоняется ко мне, но заднее сиденье этой «Хонды» так близко к переднему, что его колени упираются в спинку пассажирского сиденья. — Откуда ты?

— Мы не были близки, — заявляю я, сложив руки на коленях. — Я живу в Лос-Анджелесе.

— О. — Он приподнимает бровь. — Актриса?

Я качаю головой. Все постоянно так думают.

— Писатель.

— О чем пишешь?

— Обо всем понемногу. Новости. Блоги. Книги. Берусь за любую работу, — говорю я.

— Интересно. — Он прижимает пальцы к губам и тихонько хихикает. — Не думаю, что Брайс когда-либо в своей жизни читал книгу.

Я ничего на это не отвечаю, потому что не имею понятия, так ли это. Даже не знаю, какие фильмы ему нравились или как звучал его голос. За тем, как он рос, я наблюдала по фотографиям, в основном, через социальные сети, пока его учетные записи не были

заблокированы всеми возможными способами, а также по кабельным спортивным каналам, в надежде, что они покажут игру «Спартанцев».

Но они редко это делали.

Такси останавливается возле небольшого бара со стеклянными окнами и черной входной дверью. Знак на вывеске гласит «У ШОТСКИ», где буквы оформлены в виде маленьких хоккейных клюшек, кроме буквы «О», которая является шайбой.

Ну, разумеется.

Шейн придерживает для меня дверь, и я следую за ним через узкое пространство, мимо поклонников в свитерах с надписью «РЕННЕР» и товарищей по команде с их соответствующими спартанско-зелеными галстуками и черными костюмами. Все пьют и улыбаются, вспоминая жизнь Брайса.

Два пустых стула ожидают нас у кассы за высоким столом, и его товарищи по команде приветствуют меня.

— Боже, ты похожа на него, — говорит один из них. — Прости. Я просто... вау. Но ты словно его улучшенная версия. Девчачья версия. Ты...

Он замолкает, когда приятель пихает его локтем, а другой товарищ по команде предлагает купить выпить.

— У него галлюцинации. Ты *не* похожа на Брайса. Хочешь пива? — спрашивает он. Я киваю. Обычно я не пью пиво, потому что, как по мне, оно горькое и пресное, но этим вечером, учитывая все обстоятельства, я сделаю исключение. Он прикладывает руки ко рту и кричит через все помещение бармену, который показывает ему большой палец и начинает наполнять бокалы разливным пивом.

Все его товарищи по команде выглядят одинаково: мощные, с широкими плечами и накачанными бицепсами, которые напрягаются под пиджаками, точеной линией подбородка и большими руками. Им всем примерно около двадцати пяти, плюс-минус, а на безымянных пальцах левой руки нет кольца. Просто сборище не сковывающих себя никакими обязательствами, натренированных, хорошо оплачиваемых спортсменов, живущих как в сказке. Бьюсь об заклад, женщины толпами бросаются на этих парней, и я уверена, что они от этого в восторге.

«Спартанцы» просматривают свои телефоны, смеются и

показывают фотографии моего брата. Мне передают чей-то телефон, и я узнаю несколько фотографий из слайд-шоу, которое было показано на его похоронах сегодняшним утром. Насколько я понимаю, Брайс не улыбался, когда фотографировался. Возможно, он стеснялся своей улыбки, потому что половина его зубов уже много лет была выбита и восстановлена стоматологом команды, а может, он был просто унылым бедолагой. А может, и то, и то.

По этим фото я также делаю вывод, что ему нравилось хорошо выглядеть. Когда он не играл в хоккей, то был одет так, будто был какой-то важной персоной, отправляющейся в особенное место. Один из парней обмолвился, что он был настоящим сердцеедом, но прежде, чем он смог объяснить, что это означало, другой парень бросил на него испепеляющий взгляд, после чего тот замолк.

— Жаль, что вы двое не были близки, — говорит Шейн.

— Да. — Я делаю глоток свежего пива, которое кто-то поставил передо мной. — Это так.

— Он был невыносимым сукиным сыном, с которым сложно было ужиться. На льду он был крутой и быстрый, как черт, — восторженно восклицает он с вялой улыбкой на лице. — Не забил тонну голов, но малыш выкладывался по полной. Никто не работал больше него.

Остальные парни за столом поднимают свои кружки и произносят тосты за умение Брайса усердно оттачивать свое мастерство, и половина из них залпом выпивает свое пиво.

Я наклоняюсь к Шейну и спрашиваю:

— Ребята, вы не будете против, если я как-нибудь поговорю с вами о нем? Я хотела бы услышать истории. Понятия не имею, каким он был.

— Черт, — говорит Шейн, обнимая меня за плечо, как будто я один из парней. Кажется, ему уже стало легче. — С кем ты действительно должна поговорить, так это с Реттом.

— Кто такой Ретт? — Я оглядываюсь по сторонам, подсчитывая восемнадцать зеленых галстуков.

— Ретт был его лучшим другом, — говорит он, глядя в свое пиво. — Они были как братья. Неразлучны. Ретт знал его лучше, чем все мы.

Насколько я знаю, в команде двадцать человек, поэтому, учитывая отсутствие моего брата, кто-то еще отсутствует, и, судя по тому, что они говорят о Ретте так, будто его здесь нет... это сужает круг поиска.

— Я думал, мы не собираемся говорить о нем сегодня? — Парень, сидящий напротив нас с густой рыжей бородой, покрывающей большую часть его лица, взмахивает рукой в воздухе и впивается взглядом в Шейна.

— Что? Почему бы и нет? — Я перевожу взгляд от одного к другому. Их молчание дает мне понять, что здесь что-то не так. — Так что там с Реттом?

Рыжеволосый игрок отходит от нас. Шейн зажимает переносицу, упирается локтями в стол, а затем с силой выдыхает.

— Ты знаешь девушку, которая погибла вместе с Брайсом? — спрашивает Шейн, обращаясь ко мне. Его лицо становится серьезным, и он прищуривается, глядя в мои глаза.

Я хмурюсь и киваю. Все знали Дамиану Вествуд, ангела «Виктории Сикрет» и девушку с исключительной фигурой. У нее были контракты с «Диор», «Смарт Вотер» и «Нитроджиной». Кроме того, она являлась гордой обладательницей прекрасного лица, которое минимум один раз в месяц появлялось на обложке одного из журналов о моде. До этой трагической гибели ее имя было одним из самых популярных в мире моды.

— Это была невеста Ретта, — медленно произносит он, переводя взгляд на полупустой пивной бокал перед собой. Обхватив рукой залапанный пальцами стакан, он опрокидывает в себя остатки пива и сжимает губы в жесткую линию.

— Я... я понятия не имела.

Я знала, что они попали в аварию вместе, и прочитала, по меньшей мере, полдюжины статей о том, что произошло в тот день, но ни в одной из них не было упомянуто, что у Дамианы был парень, или что она была помолвлена с другим мужчиной.

— Мало кто знал об этом, — говорит он. — Для Ретта это было слишком личным. Он не хотел, чтобы люди знали о помолвке, потому что не желал извлекать коммерческую выгоду из своих отношений и превращать это в пиар, потому что очень любил эту женщину.

Сплетники любят комбинации «хорошенькая супермодель — спортсмен», понимаешь?

Я делаю глоток пива, думая обо всей желтой прессе, которую покупала с Жизелью и Томом на обложке, Дерекотом и Адрианой, Дерекотом и Кейт, Дерекотом и Джессикой...

— В любом случае, никто из нас не знает, как долго Брайс и Дамиана тусовались вместе, — говорит он. Тусовались — это мягко сказано. — Но, насколько нам известно, никто не подозревал об этом до аварии. Даже Ретт.

У меня все сжалось в груди. Не могу представить, каково это, узнать, что твоя невеста спит с твоим лучшим другом... и все это в день, когда она погибла вместе с ним в автокатастрофе.

— Ты рассказал ей, черт возьми. — Рыжий дает Шейну подзатыльник, затем качает головой и поворачивается ко мне. — Прости за него. Шейн не знает, как держать свой проклятый язык за зубами.

— Все в порядке, — говорю я.

— Какая чудовищная смерть, верно? — Он наполняет свой бокал пивом, оставшимся в кувшине, и садится на стул, сочувственно качая головой. — Теперь ты знаешь.

— Все в порядке, правда, — уверяю его я.

— Вот почему Ретта здесь нет, — говорит он, как будто я нуждаюсь в дальнейших разъяснениях.

— Не могу сказать, что я его обвиняю. Это было дерьмово по отношению к нему.

Рыжий давится своим пивом, и несколько пар глаз устремляются на меня, и я понимаю, что не должна была говорить то, что сказала в такой день, но ничего не могу с собой поделать. Честность — мое второе имя. Я никогда не извинялась за это, не буду и сейчас.

— Парни, хотите еще по бокальчику? — спрашивает Шейн. Парни ворчат и бормочут что-то невпопад, и Шейн уходит, чтобы найти бармена.

Кто-то передает мне телефон с фото Брайса на экране, его крепкие руки закинута на плечи двух товарищей по команде, и один из них держит гигантский трофей. Брайс единственный, кто не

улыбается.

— Брайс потерял два передних зуба в этой игре, — говорит мне кто-то. — Шайба угодила ему прямо в харю, выбив несколько зубов. Но мы победили, малышка!

Я хихикаю и возвращаю телефон, наблюдая, как светятся их лица, когда каждый из них вспоминает этот день. Допив свое пиво, я смотрю на часы. Не прошло и получаса, а я изо всех сил пытаюсь не заснуть. Вчера я прилетела ночным рейсом из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, затем весь день проверяла последние приготовления к похоронам, которые не смогла проконтролировать, будучи на расстоянии, а затем лично встречалась с его тренером, чтобы обсудить несколько деталей прощальной церемонии. Через некоторое время мне нужно будет встретиться с адвокатом Брайса, чтобы обсудить его наследство. После этого придется пересмотреть все его имущество и решить, что со всем этим делать.

Я еще не забронировала рейс домой, потому как что-то подсказывает мне, что это займет какое-то время. По крайней мере, я могу работать из любой точки мира, и у меня нет статьи, которая должна выйти до конца следующей недели. Сейчас у меня полно хлопот, но до тех пор, пока я спокойно к этому отношусь, я смогу справиться с ними.

Может, это и странно, но все-таки хорошо, что мы никогда не знали друг друга. Было бы тяжело быть здесь, заниматься всем этим, если бы у меня была какая-то глубокая, давняя, эмоциональная привязанность к нему. На самом деле, не знаю, смогла бы я разобраться с его вещами так небрежно и отпустить их так легко, если бы они для меня что-то значили. Можете называть меня сентиментальной, если хотите.

Всегда были только я и мама. У меня никогда не было братьев и сестер или дедушек и бабушек, двоюродных братьев, тети или дяди. Мама рассказывала мне об отце — *отце Брайса* — что он был ее боссом, когда она работала в Кеннебанкпорте в отделе сбережений и кредитов. О романе, в результате которого появилась я. Затем мой отец повел себя так, будто меня и вовсе не существовало. И когда его жене поставили диагноз инвазивная агрессивная опухоль головного мозга, он перевез семью в Сиэтл, чтобы у нее был доступ к всемирно известной команде нейрохирургов и онкологов, которые являлись специалистами в данной области.

Шейн возвращается с двумя кувшинами пива и сразу же доливает мне еще.

Думаю, я останусь на второй раунд.

— Как долго ты пробудешь в городе? — спрашивает Шейн.

Я пожимаю плечами, поднимая свой бокал к губам.

— Столько, сколько нужно.

— Если тебе что-нибудь понадобится, просто позвони. — Он просит телефон, который я выуживаю из сумки и отдаю ему, и наблюдаю за тем, как он вбивает туда свой номер. Не думаю, что у меня будет желание общаться с незнакомыми людьми, но на случай, если мне что-то понадобится, хорошо, что он будет готов оказать мне помощь.

Год назад моя соседка по комнате в колледже переехала сюда, и я обязательно ей позвоню. У меня такое чувство, будто мы намерстаем упущенное, но я не против. Раньше мы были неразлучны, и я скучала по ней, как сумасшедшая, с тех пор, как мы закончили учебу и пошли каждая своей дорогой. Я мысленно добавляю в свой список дел звонок Бостин и убираю телефон.

— Хочешь выпить с нами коктейль? — спрашивает Рыжий.

— Какой?

— «Кровь оленя», — говорит он, наблюдая за выражением моего лица. — Шутка. Мы пьем «Ягер-бомб». *(Примеч. «Ягер-бомб» — коктейль, который делают из ликера и энергетического напитка).* Это был любимый коктейль Брайса.

Забавно. Это был и мой любимый коктейль в те дни, когда я относилась к жизни менее серьезно.

— Да, я с вами. — Я встаю со своего места и следую за ребятами к бару, где все выстраиваются в очередь, чтобы взять коктейль.

— Эй, это Ретт? — слышу я возглас одного из парней. Проследив за его взглядом, я вижу, как светловолосый, почти двухметровый широкоплечий Адонис с грохотом ставит свой коктейль на стол и швыряет деньги на барную стойку, а затем стремительно несется к выходу, прежде чем кто-нибудь может его остановить.

— Да, — говорит второй парень. — Это он.

Первый парень почесывает бровь, наблюдая за тем, как Ретт уходит.

— Черт.

Глава 2

Ретт

— Как ты? — Этим воскресным утром мать Дамианы дотрагивается своей рукой до моей щеки, глядя такими же медово-карими миндалевидными глазами, благодаря которым ее дочь зарабатывала миллионы. — Мы за тебя волновались.

— Не стоило. Будете кофе? — Я указываю на кофе-машину, стоящую на кухонном столе позади меня, и Ирена бегло бросает взгляд на нее.

— Нет, спасибо.

Отец Дамианы, Джордж, сидит в гостинной, его руки спокойно лежат на подлокотниках мягкого кресла. Он смотрит на пустой экран телевизора, не двигаясь и не говоря ни слова.

— Спасибо, что пришел вчера, — говорит Ирена и кладет руку на мою ладонь.

— Вам не нужно благодарить меня за то, что я пришел на похороны своей невесты.

— Ну, учитывая все то, что всплыло на этой неделе. — Она делает паузу и касается крестика, висящего на цепочке, скручивая ее. — Мы бы поняли, если бы ты...

Ее слова повисают в воздухе, и покрасневшими глазами она смотрит в мои глаза. Она, наверное, гадает, почему, черт возьми, я выгляжу таким спокойным и сдержанным. Она не спала несколько дней, отец Дамианы за эти дни едва ли проронил несколько слов, а я стою здесь, делая кофе, как ни в чем не бывало.

— Мы не хотели оставаться надолго, — говорит Ирена, побуждая своего мужа встать. — Просто решили провести тебя, прежде чем покинем город. Позвони, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо, Ретт?

— И вы звоните, если что. Я буду здесь, если понадобится.

Я провожаю их до двери, отмечая, что модельная походка

Дамианы досталась ей от матери. Если бы она только переняла ее непоколебимую преданность и верность, мы бы не стояли сейчас здесь и не обсуждали это.

Ирена обнимает меня за плечи своими длинными руками и целует в обе щеки, прежде чем вытереть слезы с глаз и взять за руку Джорджа. Я запираю за ними дверь и возвращаюсь к своему кофе.

Я не сказал Ирене, но я тоже не спал.

Кроме того, я уверен, что она могла все и так понять по моему лицу — по темным кругам под глазами и затуманенному взгляду. В мыслях я продолжаю воспроизводить образ тех двоих, *трахающихся* снова и снова. И это не остановить. Каждый раз, когда закрываю глаза, я вижу их.

Дотянувшись до чашки в шкафчике, я слишком быстро хватаю ее дрожащими от отсутствия сна руками, и она падает, разбиваясь о столешницу. Вытащив из-под раковины мусорное ведро, я начинаю бросать куски разбитой керамики поверх сломанной рамки с фотографией Дамианы, Брайса и меня во время прошлогодней игры с «Метс». (Примеч. «Метс» — нью-йоркская команда по бейсболу).

Она стоит между нами, улыбаясь, и мы оба обнимаем ее, и от меня не ускользает ирония этой фотографии, лежащей среди разбитых остатков рамки.

Не знаю, давно ли Брайс и Дамиана начали спать вместе, и планировали ли они во всем мне признаться, но даже в самых страшных снах я не ожидал получить *тот* телефонный звонок. Я бы предпочел застукать их вдвоем, тогда, во всяком случае, я бы получил удовольствие, надирая *его* зад и посылая *ее* куда подальше.

Мой телефон вибрирует, скользя по столешнице, и имя Шейна высвечивается на экране. Ребята звонили мне всю неделю, проверяя, все ли со мной в порядке. Даже присутствовали на похоронах Дамианы.

— Привет. — Я плечом прижимаю телефон к уху, продолжая поднимать оставшиеся осколки керамики.

— Просто позвонил узнать, как ты. — В последнее время Шейн напряжен и неловок, как и остальные члены команды. Все вокруг меня ходят на цыпочках. Когда я вхожу в комнату, они замолкают. Когда прохожу мимо, пелятся. Не нужно обращаться со мной, как с

ребенком. С психикой у меня все нормально.

Злой? Да.

Взбешен до чертиков? Еще бы.

Слаб и уязвим? *Едва ли.*

— Да сам понимаешь, — говорю я.

Он не понимает.

Никто не понимает, каково это, потому что с ними никогда не случалось ничего подобного.

В этой ужасной аварии столкнулась фура и два гребаных предателя, которым посреди ночи приспичило покинуть свой гостиничный номер, чтобы перекусить блинчиков, *предположительно после интенсивного сеанса траха.*

— Ты ходил к Брайсу? — спрашивает Шейн.

— Неа.

Я хотел, но не смог. Брайс был для меня братом. Лучшим другом. Единственным сукиным сыном, который меня понимал, потому что во многом *был* похож на меня.

Но он отнял у меня две вещи, которые мне чертовски были дороги, и теперь я сделаю все, чтобы забыть этого ублюдка.

Вчера утром, когда ушел с похорон Дамианы, я остановился возле церкви, где несколько минут назад началась прощальная церемония с Брайсом. Я просто стоял там. На крыльце. Без единого движения. В одиночестве. Вел диалог с самим собой о том, пожалею ли я об этом когда-нибудь. В конце концов, я решил, что так и сделаю, и, пробравшись внутрь, остановился перед алтарем и внимательно слушал, как тренер говорит о том, каким парнем был Брайс, как для других был готов на все, что угодно, и что у него было золотое сердце. Кажется, он даже использовал выражение «верный до конца».

Я не был готов слушать эту чушь, поэтому просто свалил.

Люди привыкли, что о мертвых нужно говорить только хорошее, забывая все то плохое, что они совершали, и вспоминая их так, будто они были святыми. Брайс был совсем не святой, как при жизни, так и после смерти. Будь я проклят, если должен слушать кого-то, кто

присваивает ему посмертные заслуги.

— Некоторые парни уверены, что видели тебя в баре «У Шотски», — осторожно произносит Шейн.

— Да, я там был, — не спору я.

Он молчит, и, вероятно, задается вопросом, почему я не присоединился к ним, но у меня нет сил объяснить ему это. Я зашел туда и выпил последний коктейль, поминая гребаного ублюдка, который этого не заслуживал, потому что решил, будто должен отдать последнюю дань уважения этому мудаку, чтобы двигаться дальше.

На самом деле, после этого мне стало легче. Я выпил первоклассного джина, вспомнив на мгновение хорошие времена, и тихо сказал: «Пошел ты, мудак», а затем свалил оттуда.

— Уверен, что с тобой все в порядке? — спрашивает Шейн.

— Лучше некуда.

Шейн смеется, затем замолкает, будто не понимая, шучу я или нет.

— Тогда все в порядке. Увидимся на встрече в следующий понедельник?

— На какой еще встрече?

— Тренер организывает собрание команды. В десять часов на ледовой арене. Он отправлял письмо по электронной почте.

Я не проверял свою почту в течение нескольких дней. Поклонники активизировались и отправляли всякие странные письма, читать которые у меня не было никакого интереса — кажется, так сказала моя ассистентка. Сам я их не видел. Когда-нибудь я попрошу ее прочесть мне их все, но пока это не столь важно. И всякие психопаты не получают ответ, потому что пусть идут нахрен.

— Я буду там, — говорю я.

— Хорошо. — Шейн прочищает горло. — Ладно, мужик. Тогда увидимся.

— Ага.

— О, подожди, — говорит он, перед тем как я завершаю звонок.

— Ты видел сестру Брайса вчера?

— У Брайса есть сестра? — это, должно быть, какая-то больная извращенная шутка. Наверняка объявилась какая-то сумасшедшая поклонница, которая пытается прибрать к рукам то, что осталось на его огромном банковском счете, прежде чем какой-то дальний родственник успеет это сделать за нее.

— Очевидно, да.

— Неа. Я не видел ее. — Да и нет никакого желания видеть.

— Ты уверен, потому что она... — шепчет он. — Странно.

— Почему же?

— Она сказала, что хочет встретиться с тобой, потому что мы сказали ей, что ты знал его лучше, чем любой из нас. Я подумал, может, она уже поймала тебя?

— Звучит безумно. — Я почесываю висок. — Не хотелось бы показаться мудаком, Шейн, но я не хочу тратить ни минуты своего времени на кого-то, кто хоть как-то связан с этим ублюдком.

— Понял, Ретт, — говорит он, выдыхая в трубку. Он не понимает, да никогда и не поймет. — Увидимся, мужик.

— Ага.

Глава 3

Айла

Проснувшись сегодня утром, я столкнулась с ужасным похмельем и немного растерялась, когда поняла, что нахожусь не дома, а за несколько тысяч километров от него. Не помню, как вернулась сюда и в котором часу, но мило, что обо мне позаботились. Эти «Спартанцы» — хорошие люди, и я надеюсь, Святой Брайс никогда не воспринимал их как должное.

Мне удалось раздобыть «Ибупрофен» и запить его стаканом апельсинового сока с почти истекшим сроком годности, а затем я решила начать день с разбора вонючих тарелок в раковине. Мыть тарелки, из которых Брайс ел меньше недели назад, было в некотором смысле странно, и не думаю, что смогла бы в полной мере выразить словами то, что чувствовала, а это говорит о многом, потому что я зарабатываю на жизнь, связывая слова в предложения.

Мне было тринадцать, когда мама рассказала мне, что у меня есть сводный брат, и в тот первый день мне показалось, что я выиграла в лотерею. В мире был кто-то примерно моего возраста, у кого было пятьдесят процентов моей ДНК, кто-то, с кем я могла бы поговорить о тупости средней школы или несправедливости правил мамино комендантского часа.

Я воображала, как мы часами болтаем по телефону, узнаем друг друга, летаем по всей стране, чтобы провести время вместе. Я представляла, как хвастаюсь перед своими друзьями тем, что у меня самый крутой старший брат, который сделает для меня все.

Представьте мое разочарование, когда я нашла его в интернете и отправила ему электронное письмо, только для того, чтобы получить яростный, злобный, наполненный ненавистью ответ, смысл которого можно было выразить одним словом: «Отъебись».

Я плакала *несколько недель*.

Теперь же, смеясь про себя, я думаю о том, какой наивной дуручкой была, вытираю руки чистым полотенцем и перехожу к обувному шкафу. У меня куча пластиковых контейнеров,

доставленных сегодня утром из Лонг-Айленда. Пока я собираюсь все отправить на склад, и когда-нибудь нанять аукциониста. Швыряя его обувь в коробку, я замечаю, что большую ее часть почти не носили, и она вся одинакова.

Бьюсь об заклад, он бесплатно получал их только за то, что был знаменит. Я слышала, что спортсмены получают финансовую поддержку от спонсоров и миллионные контракты только за то, что носят исключительно определенные бренды. Мой брат тоже занимался чем-то подобным?

Я никогда этого не узнаю.

Тем не менее, я провела всего несколько дней в мире Брайса, и уже начинаю понимать, кем он был.

Мудаком.

Мудаком, который жил в прекрасном месте и относился к нему ужасно.

Мудаком, который никогда не улыбался на фото.

Мудаком, который увел девушку у своего лучшего друга прямо у него из-под носа.

Мой телефон гудит на кухонном столе, и я поднимаюсь с корточек, маневрирую среди коробок и спотыкаюсь о коврик.

— Бостин! — отвечаю я.

— Айла! — визжит она на другом конце линии, ее энтузиазм так же заразителен, как и в Айове. — Когда мы сможем увидеться?

— Хм, прямо сейчас.

— Хорошо, потому что я уже еду, — говорит она монотонным голосом. — У меня с собой кофе «Дин&Делука».

— Откуда ты знаешь, где я?

— Ты звонила мне вчера вечером, помнишь?

Наклонившись, я опираюсь локтями на столешницу.

— Нет. Я ничего не помню о вчерашнем вечере.

— Неудивительно. Ты всегда не могла удержаться от алкоголя, — говорит она, вздыхая. — К тому же ты сказала, что пьешь «Ягер», а когда это происходит, ты всегда совершаешь глупые поступки.

Думаю, тебе стоит проверить свой телефон, чтобы убедиться, что ты не звонила своим бывшим. — Она прочищает горло. — Этану... Ною.

Черт. Кажется, она права. И очень хорошо меня знает.

— В любом случае, я буду у тебя через пять минут, — говорит Бостин.

Я завершаю звонок и, задержав дыхание, проверяю историю звонков. И когда вижу, что в истории вызовов нет ни Этана, ни Ноя, мне становится легче. И так всегда. Когда я пьяна, то начинаю названивать бывшим. Выпив слишком много, я становлюсь излишне сентиментальной и плаксивой идиоткой, и на время забываю все причины, по которым у нас ничего не вышло, даже если эти причины были серьезными.

Открыв браузер, я проверяю историю своих запросов, потому что знаю, что когда пьяна, я питаю слабость к электронной почте, хотя, полагаю, это касается всех писателей. Мой агент говорит, что я единственный человек из ее знакомых, который, когда пьянеет, начинает писать всем подряд, но я ей не верю. Я точно знаю, таких много.

История моих запросов в Гугл выглядит как-то так:

Который час сейчас в Лос-Анджелесе?

Во сколько открывается «Старбакс»?

«Старбакс» + Лексингтон-авеню + Нью-Йорк

Сколько калорий содержится в большой порции освежающего напитка со вкусом гибискуса?

Что лучше «Старбакс» или «Дин&Делука»?

Черепашьи мемемммммме

Черепашьи мемем

Черррррепашьи мемем

Смешные черепашьи мемы

Детеныш морской черепахи гифка

Есть ли в «Ягермейстере» настоящая кровь оленя?

Ретт Карсон

Ретт Карсон + нью-йоркские «Спартанцы»

Ретт Карсон хоккеист

Разрешены ли домашние животные?

Девушка Ретта Карсона

Какой рост у Ретта Карсона?

Биография Ретта Карсона

Фотографии Ретта Карсона

Так-так. Должно быть, прошлой ночью я провела небольшое расследование. Я смеюсь и подключаю телефон к зарядному устройству. Ничего об этом не помню. Интересно, нашла ли я что-нибудь стоящее, да и с чего бы это, черт возьми, я стала такой любопытной, что мне, во что бы то ни стало, нужно было нарыть все, что угодно, об этом несчастном мужчине.

Через секунду после того, как слышу стук в дверь, на моем лице появляется гигантская улыбка, и я слегка подпрыгиваю, когда смотрю в глазок и вижу несравненную Бостин Бекфорд. Стараясь не снести с ног, я обнимаю ее, зарываясь лицом в распущенные волосы цвета солнца, и вдыхаю такие знакомые духи «Коко Мадмуазель».

— Ладно, ладно. Боже, пусти меня. Ты же знаешь, я не люблю обниматься, — смеется она. — Дай мне хоть кофе поставить, чтобы я не пролила его тебе на спину.

Я отпускаю ее и следую за ней на кухню. Она вручает мне мой кофе и садится на один из барных стульев.

— Ты хорошо выглядишь, — говорит она, долго осматривая меня. — То есть, сейчас выглядишь усталой, но вообще хорошо. Совсем не постарела.

— Не думаю, что старость заметна, когда тебе от двадцати четырех до двадцати пяти. — Я подмигиваю ей, потягивая свой кофе, а затем, прикрыв глаза, наслаждаюсь им, потому что он потрясающий.

— Я считаю, ты могла бы попросить кого-нибудь помочь со всем

этим. — Она бросает взгляд на вещи Брайса, не пытаясь скрыть осуждение. — Это место невероятно прекрасно, но в то же время напоминает свалку. Этот мужчина жил как животное. — Она прикрывает ладонью рот. — Черт. Прости. Я не должна была так говорить о нем.

Я машу рукой.

— Он, и правда, *жил* как животное. Я все утро мыла его посуду, и несколько раз подумывала просто выбросить ее, потому что она была очень грязной.

Бостин соскальзывает со стула и подходит к окну.

— Ты только посмотри на этот вид из окна. Знаешь, на что выходят *мои* окна? Знаешь? На парковку и караоке-бар. Я бы убила за такой вид.

Она возвращается обратно в гостиную, глядя на кучу пуховых подушек на полу и полупустые бутылки пива, засоряющие журнальный столик. Не говоря ни слова, она начинает убираться, взбивает подушки и уносит мусор. Пять минут спустя гостиная выглядит потрясающе.

— Как обстоят дела в спальне? Хочешь, чтобы я занялась ей? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Конечно.

Бостин исчезает в коридоре с кофе в руке. Через секунду она издает визг, и я мчусь к ней через всю квартиру.

— *Использованные презервативы!* — вскрикивает она, прикрывая рот рукой. — Они буквально повсюду.

— Я уж было подумала, что ты нашла что-то ужасное! — Я прижимаю ладонь к груди, и мне очень хочется ударить Бостин за то, что она так сильно напугала меня.

— *Вот это — ужасно.*

— Не ужасно, а просто... неприлично. — У меня появляются рвотные позывы при виде засохшей спермы моего брата, почившей в своем последнем латексном пристанище. Разве он не мог выбросить их в мусорку, как делают все нормальные люди?

Слава Богу, Бостин здесь.

— Без обид, но твой брат был *неряшливой свиньей*, — говорит она, сморщив нос. Затем берет из ящика чистую футболку, делает из нее перчатку и с осторожностью начинает собирать использованные презервативы, как детектив собирает улики с места преступления в сериале «Закон и порядок». — Неужели мама его ничему не научила?

Я уклончиво пожимаю плечами и решаю не говорить, что его мать умерла, когда он был совсем юн, и что после этого его воспитывал отец, *наш* отец. Уверена, что однажды говорила ей об этом, много лет назад, но, вероятно, мы обе были пьяны и навеселе, а я рассказывала ей столько историй из своей жизни, что ей было сложно поспевать за мной.

— Теперь все хорошо? — спрашиваю я, задерживаясь в дверях. Она показывает мне язык, и я поворачиваюсь на каблуках. — Я говорила, что люблю тебя?

— Да, да, — кричит она.

Я возвращаюсь на кухню, беру свой телефон, подключаю его к модным колонкам на барной стойке и включаю лучшие хиты Rolling Stones, которые на протяжении многих лет всегда напоминали мне о Брайсе. Может, потому, что когда-то я увидела фотографию, где на нем была футболка с их изображением, а так как я мало знала о нем, то просто предположила, что он являлся их поклонником.

Через два часа большая часть вещей Брайса упакована и подписана. Девять коробок стоят в углу у входа, в основном в них обувь и одежда. Я отложила его хоккейную экипировку, потому что уверена, что в ближайшем будущем можно будет поместить ее в какой-нибудь зал славы или продать с аукциона, а деньги отдать на благотворительность.

— Кто такой Ретт Карсон? — Бостин появляется будто из ниоткуда, прислонившись к стене в коридоре.

— Боже, ты напугала меня. — Я прижимаю руку к груди. — Откуда ты знаешь Ретта?

— Я *не* знаю Ретта, — говорит она. — Я спрашиваю, кто он, потому что твой статус в «Фейсбуке» с прошлой ночи гласит: «Ретт Карсон».

— Что? Нет, не может быть. Дай посмотреть. — Я выхватываю

телефон из ее рук и близко подношу экран к глазам. И, разумеется, вижу свое имя и фото, а рядом слова «Ретт Карсон». — Черт, черт, черт.

У моего нового статуса уже четыре лайка, два сердечка и один «LOL».

Люди, какого черта?

Я проверяю имена тех, кто поставил лайк, и сразу же понимаю, что это все «Спартанцы», которых я, должно быть, по пьяни добавила вчера к себе в друзья. Мои руки дрожат, щеки горят.

Я хочу провалиться под землю и никогда не вылезать оттуда.

— Я просто искала кое-кого вчера вечером, — говорю я и дрожащими руками отсоединяю телефон от динамиков на кухне, открываю свой аккаунт и пытаюсь найти способ удалить этот статус. — Должно быть, я случайно набрала его имя в статус вместо строки поиска.

— Кто он такой?

— Это парень из команды Брайса.

— Удали это! — говорит Бостин, размахивая руками.

— Пытаюсь!

Минуту спустя статус, наконец, удален, но уже слишком поздно.

— *Не могу* поверить, что сделала это, — говорю я. Наши взгляды встречаются, и я медленно закрываю рот.

— А я могу. — Бостин скрещивает руки на груди, ее розовые губы изгибаются в ухмылке. Рада, что хоть одна из нас находит это забавным. — Ты больше никогда не сможешь общаться с этими парнями.

— Неа. Никогда.

Глава 4

Айла

— Мам, я перезвоню позже, хорошо?

В понедельник вечером я стою у ледовой арены «Спартанцев». После похорон прошло уже девять дней. Сегодня мне позвонил тренер Брайса и спросил, могу ли я как-нибудь зайти и обсудить вопрос создания фонда в его честь, и когда я сказала, что могу прийти немедленно, от шока он потерял дар речи. Неужели я все еще должна пребывать в трауре? Тем более по совершенно незнакомому человеку, который терпеть меня не мог?

— Когда ты вернешься домой? — спрашивает она, еще раз подтверждая, что мама — единственный человек во всем мире, с которым чрезвычайно сложно закончить телефонный разговор.

— Я ведь уже говорила, — мягко напоминаю ей, — как только все утрясется.

Я не говорю ей, что летом Нью-Йорк прекрасен, что вчера я провела весь день с Бостин и что квартира Брайса слишком шикарна для того, чтобы позволять ей пустовать следующие пять месяцев.

— А как насчет твоей квартиры в Лос-Анджелесе? У тебя есть договор аренды, — говорит мама так, будто мне нужно напоминать об этом.

— Брайс оплатил аренду до конца года, а я все еще плачу свою половину арендной платы за квартиру, — говорю я. — Я сказала Вивиан, что буду не против, если она захочет сдавать мою комнату, но, думаю, ей больше по душе иметь маленькое любовное гнездышко с Фернандо.

Мама хихикает.

— О, перестань. Надеюсь, они не трогают твои вещи.

Я закатываю глаза. Ей-богу, у моей мамы талант создавать проблемы на ровном месте. Она просто не может остановиться. Хотя хочет, как лучше.

— Мам, я сегодня занята, — говорю я. — Люблю тебя. Перезвоню позже, хорошо?

Я завершаю звонок, прежде чем у нее появляется возможность возразить, и вхожу через парадные автоматические двери.

В справочнике справа от меня я нахожу кабинет тренера Харриса, он располагается на втором этаже. Поднимаясь по лестнице, я прохожу мимо портретов «Спартанцев», развешенных в алфавитном порядке.

Ридли Алистер.

Уайетт Этвуд.

Брэндон Бриггс.

Ретт Карсон.

О, Боже. Ретт.

Щеки заливаются румянцем, когда в памяти снова и снова отчетливо всплывает мое фиаско в «Фейсбуке». Я все еще не могу поверить, что сделала это.

Чудо, что я смогла взять волю в кулак и показаться у штаб-квартиры «Спартанцев». Я не шутила, сказав Бостин, что больше никогда не смогу встретиться с этими парнями снова.

Если бы все было так просто.

Звук шагов и мужских голосов эхом прокатывается по лестничной площадке, становясь все ближе и громче. Я украдкой рассматриваю портрет Ретта, изучая его точеные скулы, ямочку на подбородке, загорелое лицо и пронзительный взгляд синих глаз, и когда поворачиваюсь, чтобы дотянуться до перил, мой взгляд все еще прикован к его красивому лицу.

Спустя секунду после того, как его образ отпечатывается у меня в памяти, я теряю способность дышать и понимаю, что лежу на полу, а весь воздух будто выкачен из легких.

Мне протягивают руку, и я понимаю, что по закону подлости, должно быть, наткнулась на одного из игроков, когда те спускались вниз. Вкладываю свою ладонь в его грубую и мозолистую. Когда он помогает мне встать, я прикрываю глаза, защищаясь от флуоресцентных ламп, стараясь придумать разумное оправдание. Но

мы не встречаемся взглядами. На самом деле, он даже не смотрит на меня.

Но я знаю, это он.

Ретт.

Он смотрит мимо меня, его взгляд направлен на что-то вдалеке. Он не улыбается, не извиняется и не обращает на меня внимания.

Просто уходит.

— Айла? — Я узнаю Шейна, с которым познакомилась на прошлых выходных, хотя он выглядит совершенно по-другому: на нем белая футболка и выцветшие зеленые шорты из китайского хлопка. Волосы мягкие и пушистые, без всяких средств для укладки, и он не пахнет одеколоном из универмага «Мейси».

— Привет, — говорю я.

— Что случилось? — Шейн засовывает свои руки в карманы, качаясь на пятках. Не знаю, пытается ли он так начать разговор или хочет выяснить, зачем я здесь.

— Я пришла на встречу с тренером Харрисом, чтобы обсудить некоторые вопросы. — Я перекидываю сумку через плечо и еще раз оглядываюсь на дверь. Может, Ретт задержался на улице, но его там нет.

— А, понятно. — Он смотрит мне в глаза. — Ты в порядке?

Я киваю.

— Да.

— У тебя все еще есть мой номер?

Я снова киваю, затаив дыхание и ожидая, когда он спросит о моем статусе в «Фейсбуке».

— Слушай, если когда-нибудь захочешь...

— Айла?

Услышав свое имя, я поворачиваюсь и вижу, что тренер Тейлор Харрис стоит на верхней площадке лестницы, одетый в зеленый спортивный костюм «Спартанцев». Удивительно, что он так легко меня узнал, встретив всего однажды на похоронах Брайса.

— Привет. — Быстро прошептав извинения, я отворачиваюсь от

Шейна и направляюсь к Харрису.

— Спасибо, что пришли, — говорит он со странным выражением на лице. Мешки под его красными глазами говорят о том, что он все еще не пришел в себя после случившегося, и, возможно, я должна быть тем, кто его утешит. — Конференц-зал готов.

Своей огромной рукой он обнимает меня за плечи, как парня. Мы поднимаемся дальше по лестнице и поворачиваем за угол, останавливаясь в конце коридора.

— Входите, — говорит он позади меня.

Я сажусь рядом с местом во главе стола на тридцать персон, и бросаю взгляд на кувшин с водой.

— Угощайтесь. — Он подталкивает его ко мне, и я наливаю стакан воды.

Позади меня раздается тихий стук, и, обернувшись, я вижу женщину с добрыми карими глазами и гладкими черными волосами, она прижимает к груди папку с файлами.

— Чарити, — говорит тренер. — Входи.

Она закрывает за собой дверь и садится напротив меня.

— Айла, Чарити — наш менеджер по работе с персоналом, — говорит он, усаживаясь на свое место и выдыхая. Он скрещивает руки перед собой, его взгляд направлен на меня.

Мой взгляд устремляется к папке, на которой, как я теперь заметила, синими чернилами написано имя Брайса.

— Что это? — спрашиваю я.

— Это досье Брайса, — говорит Чарити, постукивая острым красным ногтем по нему. — Вы знали, что он назначил вам 100% страховой премии?

— Подождите, что? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Да-да. Если хотите взглянуть, здесь все написано.

У меня отвисает челюсть и пропадает возможность связывать слова в предложения.

— Осталось несколько формальностей, — продолжает она. —

Он не указал ваш номер социального страхования, поэтому придется пройти через несколько процедур, прежде чем страховка будет выплачена, но, в конце концов, по ней вы получите три миллиона долларов.

Что это за двадцатилетний мужчина такой, которому был нужен страховой полис на три миллиона долларов?

— Бау, — это все, что я могу сказать. В комнате жарко. Я не говорю им, что последние двенадцать лет мне казалось, что этот парень меня *ненавидит*. Не так, как грибы или зеленые оливки в пицце. Я имею в виду подлинную, реальную, откровенную ненависть. Тут что-то не сходится. Не станете же вы оставлять три миллиона долларов тому, кого ненавидите. — Вы уверены?

Чарити и тренер обмениваются взглядами, слегка посмеиваясь.

— Да, Айла, — говорит она, ее голос сладкий, как мед, и спокойный, как океанский бриз.

Она открывает папку, достает лист бумаги и кладет его передо мной, чтобы я могла видеть.

Так, я полагаю, выглядит его неряшливый почерк...

Назначенный бенефициарий — Айла Лейн Колдуэлл — 100%

Не знала, что ему известно мое второе имя.

— Здесь сказано, что его завещание хранится в юридической фирме «Гринбриер», которая расположена в Нижнем Ист-Сайде. Вероятно, когда будете готовы, вы захотите обратиться к ним. Вот их номер, — говорит Чарити, указывая на строку в документе передо мной. — Могу все для вас записать.

Я буду очень шокирована, если Брайс оставил мне что-нибудь, помимо этого. Это... очень щедро с его стороны. Слишком. И совершенно не нужно, ведь я даже не знаю, хочу ли этого.

Так он пытается извиниться?

Я бы предпочла заурядные братско-сестринские отношения вместо всех этих денег.

В этом нет никакого смысла.

Кроме того, даже не представляю, что буду *делать* с тремя миллионами долларов. Потому что до сегодняшнего дня я была уверена в том, что проживу остаток дней как голодающий художник — без гроша в кармане, но не без царя в голове, с чашкой горячего чая, чтобы согреться, но при этом я буду счастлива.

— Вы в порядке? — спрашивает Чарити, протягивая руку через стол и накрывая мою. Она видит шок на моем лице.

— Если честно, я немного шокирована. — Я выпрямляюсь и прочищаю горло. — Мы не были близки.

Тренер фыркает, кивая.

— Да. Мы уже поняли. Мы и не догадывались, что у него есть сестра. Узнали только из этого.

— Я даже не встречалась с ним. — Я качаю головой, впитывая тишину, повисшую в комнате. — Так или иначе. Вы хотели поговорить со мной о фонде?

Тренер расправляет плечи.

— Да, мы хотели бы создать благотворительную организацию, которая носила бы имя Брайса, возможно, организовать уроки хоккея для молодых людей из малообеспеченных семей или стипендии. Не совсем уверен, в каком направлении хотим двигаться, но мы решили, что это будете решать вы.

— О, гм. — Я никогда не была во главе того, что не связано с компьютером, «Майкрософт Ворд», тысячами фраз и бесчисленными часами в одиночестве за закрытой дверью.

— Если вы готовы к этому, мы бы хотели, чтобы вы стали генеральным директором нашей организации, — говорит Харрис.

Я никогда не была командным игроком, предпочитая делать все самостоятельно. Думаю, поэтому я стала писателем, а Брайс спортсменом.

Я шокирована, но ничего не говорю. Перевожу взгляд от одного к другому, и хотя это последнее, куда я хочу тратить свое свободное время, я не могу сказать «нет». Не могу прийти сюда, взять три миллиона и не отблагодарить мужчину, оставившего мне их, таким странным образом обеспечив меня на всю жизнь.

— Конечно, — говорю я с легкой улыбкой на лице.

Харрис и Чарити улыбаются, как будто я только что сделала их день.

— Только я совершенно не имею понятия, как это делается, — говорю я.

Харрис достает телефон из кармана и прижимает подбородок к груди, когда проводит пальцем по своим контактам. Через секунду вырывает страницу из блокнота и пишет имя и номер для меня.

— Это адвокат команды, — говорит он. — Он поможет вам подать все необходимые документы. — Тренер записывает второе имя и номер. — А это мой приятель, который делает много благотворительных дел. Если вам еще что-то понадобится, дайте знать. Я бы очень хотел, чтобы команда принимала в этом участие, поэтому в любое время, когда ребята нужны, они к вашим услугам.

Пошатываясь, я встаю, и Чарити вручает мне копию с информацией о страховке Брайса.

— Спасибо. — Я поворачиваюсь, и, уходя, прохожу мимо зеркала в коридоре.

Я точно не похожа на миллионера.

Да и не хочу на него походить.

Мои руки дрожат, когда я осознаю, что дальше уже ничего не будет как прежде.

Мне нужен коктейль, и чтобы меня кто-то хорошенько ущипнул, потому что это все похоже на сон, от которого я могу проснуться в любой момент.

Как только выхожу на улицу, я звоню Бостин и спрашиваю ее, где в Манхэттене самые крепкие напитки, и мы договариваемся встретиться в клубе «Прескотт» в девять вечера.

Глава 5

Ретт

Здесь никого нет, но именно поэтому я сюда и приехал. Никто в здравом уме не пьет в понедельник вечером.

Мне нравится этот бар.

Здесь меня знают.

Никто не таращится и не пялится.

Здесь не позволяют клиентам щелкать фотокамерами.

И я уверен, что если закажу высококлассную выпивку, точно получу высококлассную выпивку.

— Еще? — спрашивает бармен, постукивая по деревянному прилавку передо мной. Он сжимает губы, пытаясь не осуждать меня.

— Не нужно. — Я поднимаю свой хрустальный стакан, показывая, что он только наполовину пуст. Неудивительно.

— Могу я еще что-то для вас сделать? — спрашивает он, глядя на меня своими печальными глазами. Он знает.

Читал статьи.

Слышал новости.

Все слышали эти гребаные новости.

— Да. Можешь сказать этим чертовым девушкам, чтобы не шумели?

Он поворачивается в их сторону, их раздражающее хихиканье доносится до нас подобно полномасштабному торнадо. Нас отделяют семь пустых барных стульев, но даже океана было бы недостаточно, чтобы я их не слышал.

— Не могу, Ретт. Извините. — Бармен поднимает белую тряпку, вытирая мнимую пылинку на стойке. — Они платят, и не слишком уж шумят. Хотите пойти в заднюю комнату и спрятаться там ненадолго?

Я начинаю раздражаться. Нет, я не хочу идти в чертову комнату.

Не хочу сидеть в одиночестве в вип-ложе, как проклятый, самонадеянный неудачник.

Я вливаю в себя остатки напитка, толкаю к нему пустой стакан, и он кивает в молчаливом понимании.

Девочки не переставали болтать с тех пор, как пришли сюда. Они говорят о цветах. Обручальных кольцах. Платьях.

Твою ж мать.

— Коктейль из виски, горького пива, сахара и лимонной корочки, пожалуйста. — Темноволосая красавица с красными губами усаживается через два места от меня. Она кладет на барную стойку маленький черный клатч и отбрасывает челку с лица, показывая свои глаза — карие, глубокие, с черной подводкой.

— Это мужской напиток. — Мне понадобилась минута, чтобы осознать, что именно я тот засранец, который произнес эти слова.

Она обращает на меня внимание.

— Простите?

— Коктейль из виски, горького пива, сахара и лимонной корочки, — говорю я. — Ты что, восьмидесятилетний мужчина?

Она выдыхает, закатывая свои красивые глаза. Меня всегда привлекали красивые глаза. Я мельком оцениваю ее внешность, когда она отводит взгляд. Упругое тело с изгибами, обернутое в черный с головы до ног. Сексуальные туфли на каблуках с открытым мыском. Грудь выпирает из декольте так, чтобы взгляд мужчины задерживался там надолго. Должно быть, она ждет кого-то, чтобы выпить. Никто не приходит в бар в таком виде просто так.

Через секунду она достает свой телефон, нажимает кнопку питания и издает стон, глядя на черный экран. Когда бармен возвращается с ее напитком, я слышу, как она спрашивает, есть ли у него зарядное устройство для телефона, но он извиняется и говорит, что нет.

Глубоко вздохнув, она сосредоточивается на стеллаже с алкоголем перед собой. Она предпочитает игнорировать меня, и, возможно, я этого заслуживаю, но я не собираюсь извиняться. Она пьет мужской напиток. Виски. Горький. Сладкий. Если добавить к

этому кубинскую сигару, она может сойти за моего деда.

— Ты не первый человек, который говорит мне, что я пью, как мужчина, — говорит она язвительным тоном. Она все еще смотрит перед собой, когда облизывает ложку от своего напитка, прежде чем сделать глоток. — Тебе повезло, что сегодня я не пью «Ягер-бомб».

Она смеется, как я полагаю, сама над собой.

— *Мне повезло?* — спрашиваю я. У девушки железные нервы. «Ягер-бомб» напоминает мне Брайса, а этот ублюдок последний, о ком я хочу сейчас думать.

— Я плохо себя веду, когда пью «Ягер». — Она делает еще один маленький глоток, а затем впивается взглядом в свой стакан. — По крайней мере, так говорят. Обычно я ничего не помню.

— Как удобно.

Опираясь локтем на стойку и держа в руке стакан, она поворачивается ко мне.

— В моей жизни нет ничего удобного.

— Я не собирался говорить с тобой о жизни, — фыркаю я. Я знаю такой тип женщин. Они говорят о спиртных напитках так, будто в этом есть что-то более глубокое, более значимое.

К черту глубокое.

К черту значимое.

Я бы *трахнул* ее, но, скорее всего, когда все закончится, она захочет пообниматься и рассказать историю своей жизни, а это, откровенно говоря, мне не интересно.

— Как насчет того, чтобы *не исказить* мои слова? — Она делает глоток, впиваясь в меня взглядом своих карих глаз, бросая молчаливый вызов. Они завораживают. Меня к ней тянет, и я не могу отвести взгляд. — И раз уж искажаешь мои слова, то как насчет того, чтобы не делать поспешных выводов?

Она смелая. Мне это нравится. И я уважаю это в *девушке из бара, которую поначалу посчитал, черт возьми, не особо умной.*

Наконец, я отворачиваюсь, и мы растворяемся в тишине, только звуки хихикающих девушек доносятся до нас с противоположного конца бара.

— Боже, они раздражают, — произносит она неодобрительно. Наклоняется немного ближе, но в то же время держится на безопасном расстоянии.

Бармен возвращается с моим забытым напитком, а затем подходит к девушке. Наклонившись над стойкой, говорит ей, что звонил ее друг, и он не придет, потому что что-то случилось, и встретится с ней завтра.

Она встает.

Кто, черт возьми, может устоять перед такой красоткой? К тому же, она одета так, будто собиралась потрахаться.

Ну, что же.

Его потеря — моя выгода.

В ее стакане остается немного алкоголя, и я смотрю, как она выпивает остальную часть, будто торопится выбраться отсюда.

Может, ей больно. Может, она смущена или в данный момент пытается не уронить достоинство, но я не могу отпустить ее. Не сейчас. Только после того, как повеселюсь.

Я встаю со своего места, не чувствуя земли под ногами. Точно не знаю, сколько я выпил, кажется, слишком много, но мне насрать. Я собираюсь на охоту. Я хочу эту девушку. Хочу взять ее у стены. В своей постели. Хочу трахать ее до тех пор, пока не перестану ничего чувствовать, а она не сможет ходить прямо, а после этого выкину ее из своей жизни, потому что теперь мне нужно стать именно таким ублюдком.

Обязательства для неудачников.

Цветы и конфеты для придурков.

Отныне только принципы имеют значение.

— Что ты делаешь? — спрашивает она, слегка рассмеявшись при виде того, как я подсаживаюсь к ней.

— Я Ретт, — говорю я, положив руку на барную стойку и впиваясь в нее взглядом. А затем в пьяном исступлении, добавляю, — и сегодня ты пойдешь домой со мной.

— Наихудший. Способ знакомства. В мире.

— А похоже, что меня это волнует?

— Нет. Ты выглядишь как мужчина, которому никогда в жизни не приходилось стараться, чтобы добиться своего, — говорит она, вздрагивая.

— В точку.

— Ты даже не знаешь, как меня зовут, — добавляет она, уголки ее рта изгибаются. Я привлек ее внимание, и то, что она до сих пор не плеснула мне в лицо свой напиток, обнадеживает.

— Может, скажешь? — спрашиваю я.

Она сжимает губы, борясь с улыбкой, и, похоже, удивлена этим. То, как она смотрит на меня, говорит мне о том, что она не пресмыкается перед знаменитостями, а это еще одна причина, по которой эта женщина, несомненно, в моем вкусе.

— Айла, — говорит она после затянувшейся паузы. Она пристально смотрит на меня, будто пытается меня понять.

Удачи.

Затем встает и собирает свои вещи.

— Куда ты? — Я тоже встаю, смущенный, потому что, очевидно, секунду назад все шло хорошо.

— Домой.

— Зачем?

— Ты пьян. Очень пьян. — Она, кажется, раздражена этим фактом. — И обидел меня, решив, что я *легкая добыча*.

Я смеюсь, следуя за ней к выходу. Хихикающие девочки перестают болтать и смотрят в нашу сторону, но мне на это плевать. Пусть смотрят. Пусть видят, чего лишаются. *Настоящего* мужчины. *Честного* мужчины. Того, кому будет не плевать на единственную стоящую вещь в мире — секс.

Я кладу руку на ее плечо, чтобы остановить, и она замирает. Я не должен был прикасаться к ней, потому что теперь выгляжу, как чертов псих, а она немного испугана.

Мой рот открывается, и я готов извиниться, но я не из тех, кто когда-нибудь сожалел о чем-либо, поэтому останавливаюсь.

Убрав от нее руку, я расправляю плечи и отступаю на шаг назад. На каких-то пару секунд я представляю нас двоих в постели, вспотевших и запыхавшихся. Это могло бы быть горячо. И я уверен, что мне чертовски сильно необходимо снять напряжение. Но сейчас мои шансы равны нулю, так что...

— Тебе нужна помощь? Или еще что-то? — шепчет она, подходя ко мне.

— Что? Боже. Нет.

— Ты пьян и флиртуешь с совершенно незнакомыми людьми в каком-то случайном баре. Кажется, тебе требуется помощь.

Это не какой-то случайный бар, но у меня нет желания сидеть здесь и доказывать ей это.

— Две последние недели выдались нелегкими. — Это все, что я ей говорю. Это все, что ей нужно знать, и я не буду ничего уточнять, если она спросит. Не в моих правилах оправдываться, но после нескольких последних дней, что я пережил, я делаю исключение.

Изучая меня, она сжимает губы.

— Тебе нужно, чтобы я отвезла тебя домой?

— Нет, мне не нужно, чтобы ты отвезла меня домой, — повторяю я ее слова. — Мне не нужна гребаная нянька.

Айла скрещивает руки на груди.

— Поверь, я не нянька. Чаще всего я с трудом могу позаботиться о себе. Я просто предлагала подвезти тебя, а не вытирать твою задницу.

Проклятье.

Эта женщина, эта Айла... она напоминает мне... *меня*. Тем, как разговаривает. Как пьет. Смотрит. Как никому не позволяет втапывать себя в грязь. Единственный человек, которого я знал, и который напоминал мне меня, был Брайс, но я никогда не встречал таких женщин.

— Что? — спрашивает она. — Почему ты на меня так смотришь?

— Можешь отвезти меня домой, если от этого тебе станет лучше. — Звучит жалко. Знаю. Но что поделать. Если сегодня Айла покинет этот бар, я никогда больше не увижу ее. Никогда не узнаю,

каково это, трахнуть равного себе, и в моем извращенном, слегка пьяном уме мне любопытно узнать, на что это похоже.

Кроме того, она самая сексуальная чертовка, которую я когда-либо видел. А это единственное, что действительно волнует мужчину.

— *Если мне от этого станет лучше?* — передразнивает она меня. — Я делаю это не по собственной прихоти, Ретт. А потому, что *ты нуждаешься во мне.*

Мои губы открываются, и я почти говорю ей, что мне никто не нужен, но потом вспоминаю, что играю роль раненой птицы, и как только эта девушка только в мое гнездышко, она вся моя.

— Пойдем, — она берет меня под локоть и тащит к двери, — ты платишь за такси.

Глава 6

Айла

Черт. Черт. Черт.

Что, ко всем чертям, я творю?!

Ретт засовывает ключ в дверной замок своей квартиры. После нескольких попыток открыть дверь, он, наконец, добивается успеха и проводит меня в темную квартиру, в которой едва ощутимо пахнет ветивером и древесиной. Интересно, как сильно он разозлился бы, если бы узнал правду. Если бы узнал, что я — сестра Брайса, и что я знала, как его зовут, прежде чем он представился мне в клубе «Прескотт».

Но, честно говоря, я не планировала встречаться с ним этим вечером, к тому же, у меня не было подходящего момента, чтобы упомянуть об этом в беседе. Я не умалчиваю об этом намеренно и не притворяюсь кем-то, кем на самом деле не являюсь.

Я вздыхаю. Можно найти миллион оправданий, но это не отменяет того факта, что я поступила неправильно.

Ретт снимает туфли и включает свет. Раздается эхо. Квартира просторная, больше, чем у Брайса. Лучше. И чище. Все блестит и лежит на своих местах. Даже не похоже, что здесь живут люди.

Город за окном сверкает ночными огнями. Я могла бы часами стоять здесь, просто наслаждаясь этим видом, но сначала главное.

— Могу я одолжить твое зарядное устройство? — спрашиваю я, вытаскивая свой разрядившийся телефон из клатча. — Эта штука разряжается, когда батарея на тридцати семи процентах. Я давно собиралась зарядить его.

Он указывает на кухню, где я сразу же вижу знакомый белый шнур, подключенный к розетке. Если бы телефон мог зарядиться всего за двадцать минут, я могла бы заказать такси и благополучно отправиться домой.

Обернувшись, я вижу, что Ретт ушел. Понятия не имею, куда он

делся. Может, отключился в какой-нибудь комнате, но я не собираюсь искать его. Прислонившись к столешнице, я намереваюсь зарядить телефон так быстро, как только могу, а затем свалить отсюда.

Нехорошо находиться здесь и притворяться, что я его не знаю. Чувствую себя мошенником, которого в любую секунду могут раскрыть, и что-то подсказывает мне, что лучше не испытывать гнев Ретта Карсона на себе.

В его глазах таится гнев, и чем дольше он смотрит на меня, тем больше мне кажется, что в них бушует огонь, дожидаясь возможности вырваться наружу.

Шарканье, раздающееся из коридора, подсказывает мне, что Ретт жив, здоров и не отключился в какой-то из комнат, но я не готова к тому, что вижу, когда он заходит.

Иисус, Мария и Иосиф...

Я стараюсь не смотреть на него, но не могу отвести взгляда. Физически не могу.

Он не человек, а греческий бог, высеченный из камня самим Микеланджело.

— Ты всегда ходишь без рубашки, когда незнакомки из баров отвозят тебя домой? — спрашиваю я, маскируя свое возбуждение сарказмом, не отрывая при этом от него глаз. На нем нет рубашки. Спортивные штаны с заниженной талией демонстрируют две точеные линии, указывающие на *очень* заметную выпуклость.

— Все время, — говорит он, усаживаясь в одно из своих кресел в гостиной. Он чешет затылок, ухмыляясь мне.

Он не похож на человека, чья невеста недавно умерла в результате трагической автомобильной катастрофы, но я заставляю себя воздержаться от осуждения, потому что очень мало знаю о ситуации, в которой он оказался, и, уверена, есть что-то еще.

К тому же, все переживают горе по-своему.

Отвернувшись, я проверяю телефон. Он по-прежнему заряжается, но экран черный. Он отказывается работать, в отличие от местечка у меня между ног.

— Тебе куда-нибудь нужно? — спрашивает он.

Кажется, сейчас он... не особо пьян. Может, он протрезвел после того, как мы покинули клуб «Прескотт», в его действиях появилось больше последовательности. Но я не могу не задаться вопросом, не заманил ли он меня сюда под ложным предлогом.

Думаю, теперь мы квиты.

Опираясь на мраморную столешницу, я думаю о брате и о том, сколько раз он, вероятно, стоял здесь, на этой самой кухне, болтая о всякой ерунде со своим лучшим другом. Я представляю их смеющимися, подшучивающими друг над другом. Треплющимися о женщинах, хоккее и обо всем остальном.

— Сегодня был долгий день, — говорю я честно, — поэтому просто хочу вернуться домой и лечь спать.

Он поднимается с кресла, направляясь ко мне и глядя своими холодными голубыми глазами. Он не хочет, чтобы я уходила, и по какой-то безумной причине я тоже хочу остаться. Или, может, мне просто любопытно, что произойдет, если я это сделаю.

Он интересный, этот Ретт.

В нем что-то есть. Хотела бы я, чтобы он достал это и выплеснул, чтобы я увидела, что внутри. Бьюсь об заклад, это было бы захватывающе.

— Кто этот засранец, что тебя сегодня продинамил? — спрашивает он.

В замешательстве я прищуриваюсь, но потом понимаю, в чем дело: он решил, что в клубе «Прескотт» у меня встреча с кем-то особенным.

— О, это моя подруга, Бостин. — Я машу рукой. — Мы собирались выпить. Но у нее что-то произошло. Меня не продинамили.

— Как скажешь. — Он делает шаг ко мне, его взгляд скользит по моему облегающему платью.

Может, я переборщила с нарядом. Ну и что? У меня редко появляется возможность приодеться, к тому же, Бостин сказала, что клуб «Прескотт» — шикарное место. Так и есть.

Я не жалею об этом.

— Это моя история, — смеюсь я, нервничая не так сильно, как на самом деле звучит мой голос. Но его тепло внезапно наполняет пространство вокруг меня, и наша близость внезапно заставляет меня задаваться вопросом, каковы его губы на вкус. Я вдыхаю, втягивая в себя его естественный запах.

— Чем зарабатываешь на жизнь, Айла?

Его вопрос застаёт меня врасплох, хотя бы потому, что он не похож на мужчину, которому интересно, как зарабатывает на жизнь объект его вожделения.

— Я писатель. — Ненавижу давать такой ответ, но в последнее время это стало чем-то вроде общего заявления, потому что существует так много разных писателей и так много разных областей для писательства, что, кажется, никто не заботится о том, какого рода писатель именно ты. А для человека, далекого от этой сферы деятельности, они все одинаковы.

— Что пишешь? — Ретт задает еще один неуместный вопрос, который мало кто осмеливается задать.

— Спрашиваешь, потому что тебе действительно интересно, или пытаешься вести светскую беседу, надеясь, что это поможет тебе трахнуть меня? — Мой ответ забавляет меня и застаёт врасплох. Его взгляд опускается на мои губы, и я почти слышу, как он раздумывает над тем, как наказать меня за такую смелость.

Удачи.

— Хочешь знать правду? — спрашивает он.

— Что за вопрос? Конечно, хочу. — Боже, в этом мире почти не осталось правды.

— Ты выглядишь очень встревоженной, — говорит он. — Будто тебе помешали хорошенько трахнуть. А я мог бы тебе в этом помочь. Так что, может, мы просто прекратим этот «хочу-получше-тебя-узнать» разговор и покончим с этим? Потому что ты не перестаешь смотреть на меня с тех пор, как я появился здесь, и ясно, как день, что мы думаем об одном и том же.

Я могу ударить его.

Но вместо этого смеюсь, потому что удивлена.

Если бы он был кем-то другим...

— Хочешь знать *мою* правду? — спрашиваю я.

— Конечно.

— Как ни странно, я очарована тобой. — Я хочу протянуть руку и прикоснуться к нему. Убрать каштановые волосы за уши и позволить ему прикоснуться к себе.

— Почему *как ни странно*? Почему не можешь быть просто очарована?

А парень-то нахальный.

— Потому что *ты странный*, — говорю я.

— Как это я странный? Уверена? — Не могу понять, обиделся он или нет.

Я скрещиваю руки на груди. Не знаю, почему я так внезапно ушла в оборону. Я полностью согласна с тем, что Ретт Карсон — человек с закидонами.

Сексуальный хоккеист Адонис с закидонами.

— Ты странный, — говорю я и, прочистив горло, меняю позу, — потому что у тебя хватило смелости оскорбить мою выпивку, затем ты решил, что хочешь меня трахнуть, а потом убеждаешь отвезти тебя домой, потому что настолько пьян, что едва можешь стоять на ногах. Но, оказавшись дома, выглядишь, будто и не пил вовсе. Хотя, если подумать, то, возможно, это не делает тебя странным. Возможно, это делает тебя кем-то совершенно другим.

— Жалким. — Он произносит это слово так, будто оно оставляет горький привкус во рту.

— Я собиралась сказать манипулятором.

— Ты права, — говорит Ретт, скидывая с себя маску. — Чертовски права. И ты не собиралась трахаться со мной, не так ли?

Я кусаю нижнюю губу. Сумасшедшая мысль промелькнула в моей голове по пути сюда, когда мы были в такси, и он нарочно прижал свою ногу к моей, а я не отводила ее на несколько секунд дольше, чем следовало.

— Нет, — лгу я.

Почему он просто не соблазнил меня, как нормальный парень?

Разговор ни о чем. Лесть. Притворный интерес. Обычные трюки сработали бы просто отлично, потому что этот мужчина легко мог разжечь во мне огонь, но теперь, если пересплю с ним, я стану жалкой.

Не говоря уже о том, что в этом есть что-то неправильное. Было бы несправедливо утаить одну важную деталь, из-за которой он, возможно, не захочет иметь со мной абсолютно никаких отношений.

Эй, тут такое дело, я — сестра парня, который на прошлой неделе полностью разрушил твою жизнь...

Краем глаза я замечаю, что экран моего телефона загорается. Телефон заряжен, или, по крайней мере, заряжен достаточно. Ретт тоже это видит. Будет странно, если я задержусь здесь еще.

На телефон валит поток сообщений, начиная с того момента, как Бостин пыталась связаться со мной. Ее соседка по комнате потеряла ключи и могла опоздать на ночной самолет в Лондон, поэтому Бостин пришлось вернуться и помочь ей, чтобы та не пропустила свой рейс.

— Мне нужно идти, — вздыхаю я.

Его взгляд все еще сосредоточен на мне, он более натянут и напряжен. Алкоголь, должно быть, выветривается, и передо мной предстает настоящий Ретт. Выражение его лица непреклонное. Его, кажется, не расстраивает то, что я ухожу, он не просит меня остаться.

— Да, — говорит он. — Нужно.

Я опускаю взгляд на его губы и на изгиб мужественного подбородка. Замечаю пару ямочек и пытаюсь представить себе, как его мускулистые стальные руки будут обнимать меня, прижимая к твердой груди.

Когда выхожу из транса, я заказываю такси и засовываю свои вещи в клатч.

Между нами возникает странная тишина, и каждый из нас думает о том, что могло бы быть, если бы мы отбросили осторожность и воплотили в жизнь наши безрассудные, приправленные алкоголем желания.

Я подхожу к двери и поворачиваюсь, чтобы в последний раз попрощаться с Реттом. Выражение его лица жесткое, глаза сверкают. Либо он злится, потому что я не переспала с ним, либо думает о чем-

то или о ком-то другом. Не удивлюсь, если он уходит в себя, чтобы испытать боль и гнев. Кажется, так и есть.

— Пока, Ретт, — говорю я, слегка взмахнув пальцами.

Кажется, он, наконец, приходит в себя, его глаза становятся яснее, когда взгляд останавливается на мне, но все же он ничего не произносит. Не буду обижаться на то, что этот мужчина, внезапно свалившийся на меня сегодня, не проворчал хотя бы «мне жаль» в мой адрес.

Я покидаю его квартиру, чувствуя себя немного печальной. В основном, из-за него. Печальной, потому что, несмотря на всю его кажущуюся беспечность, я вижу, что он глубоко несчастен. Он утонул во всей этой грязи, которой его в последнее время поливают. Но, возможно, все еще не так плохо, даже если он этого и не осознает.

Или, может, осознает, но ему все равно.

Жизнь вставляет ему палки в колеса, и так он ей отвечает.

Стоя возле его многоквартирного дома, я осматриваю улицу в поисках такси, красной «Шевроле Импала». Уже начало июля, но в ночном воздухе чувствуется непривычный холодок, поэтому я обхватываю себя руками. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на его дом, и вижу, как гаснет свет в его квартире.

Через мгновение подъезжает машина, и я забираюсь внутрь и называю адрес Брайса мужчине средних лет с бостонским акцентом, на котором надета кепка с эмблемой «Метс».

Только оказавшись на полпути к дому, я открываю клатч и понимаю, что случайно забрала зарядное устройство Ретта.

Глава 7

Pemm

— Вот, держи, — говорит моя помощница Эллисон, стоя во вторник утром у моей двери и протягивая белый бумажный пакет из магазина «Эппл».

— Ты святая, Элли. Я когда-нибудь говорил тебе это? — Я достаю зарядное устройство и подключаю к нему свой разряженный телефон.

— Каждый день.

— Какая-то девушка украла его прошлой ночью, — вздыхаю я.

Она осторожно заходит в мою квартиру, закрывая за собой дверь, и опускает руки. Она всегда такая чопорная, такая правильная. Эллисон — яркий пример выпускников Лиги Плюща, трудолюбивый перфекционист. Ее самый большой недостаток — отсутствие уверенности в себе, что не позволяет ей претендовать на работу, которую она действительно заслуживает. Она слишком хороша для этой работы, я знаю об этом, и могу потерять ее в любой момент. Но пока этого не произошло, я буду продолжать платить ей достаточно, чтобы она была счастлива, и при этом эгоистично надеяться, что в ближайшее время она не найдет ничего лучше.

— Кто ворует зарядное устройство? — спрашивает она, сморщив нос. — Может, ей нужен был сувенир, а оно просто попало под руку?

— Неа. Кажется, это было случайно.

— О, кстати, я ответила почти на все твои письма, — говорит она, как всегда быстро возвращаясь к делам. — Кроме писем от психов. Я удалила их, как ты и просил.

— Хорошо.

— Кстати, мне звонили сегодня утром из журнала «Пипл». — Ее кроткий поспешный тон вызывает у меня тревогу. — Они выразили свои соболезнования, сказали, что понимают, что прошло еще

слишком мало времени, но интересовались, дашь ли ты интервью.

— На тему? — Я абсолютно точно знаю ответ.

— Они хотят сделать темой номера историю... гм... — Она замолкает и не смотрит мне в глаза.

Я фыркаю.

— Ни за что, блядь. Без вариантов. Они сраные придурки, если считают, что я когда-нибудь захочу получить выгоду из худшей гребаной недели всей моей гребаной жизни, только для того, чтобы они могли продать свои журналы.

— Так я и думала, — говорит она. — Я позвоню и скажу им, что ты не хочешь давать интервью.

Я сжимаю челюсть, продолжая готовить кофе.

— Хочешь?

— Нет, спасибо, — говорит она. — Также, ESPN (*Примеч.: ESPN — американский кабельный спортивный телевизионный канал*) планирует снять документальный фильм о Брайсе... они интересуются, хочешь ли ты принять в этом участие. «Спартанцы» согласились. Они будут сниматься в следующем месяце.

— Гребаный ад. Нет.

— Я им передам. — Эллисон смахивает свои тонкие светлые волосы с лица, надевает очки в толстой оправе и вешает громоздкую большую сумку на свое миниатюрное тело. — Если ты не против, я возвращаюсь в офис.

Я киваю, наливая черный кофе в кружку цвета моей души.

Эллисон идет к выходу, и я слышу, как щелкает замок на двери, но женские голоса привлекают мое внимание. Повернувшись, я подношу кружку с кофе ко рту, делаю глоток и чуть не выплевываю все, когда вижу, что девушка, которую я встретил вчера вечером, стоит у меня в дверях.

— Ищешь это? — Она поднимает зарядное устройство, которое держит в руках. — Сожалею. У меня нет привычки брать вещи, которые мне не принадлежат.

Борясь с ухмылкой, я делаю глоток кофе.

— Привычка или нет, но ты заслужила наказание, не так ли? Кража — это преступление.

— Как и твоя жалкая попытка подцепить меня.

— Кто сказал, что я пытаюсь подцепить тебя?

Она закатывает глаза, входит в мою квартиру и кладет украденные вещи на стол.

— Так или иначе, вот.

— Ты проделала весь этот путь, чтобы отдать мне это?

Айла оглядывается, пожимает плечами, а затем пристально смотрит на меня.

— Ага. А что?

— Этим утром я отправил свою помощницу, чтобы купить новое зарядное устройство, — говорю я.

Она смеется.

— Какая же я глупая. *Ну конечно, у тебя есть помощница.*

— Ты издеваешься?

— Типа того. — Она покусывает губу, и я тоже хочу укусить ее. — Ага.

— Закрой дверь, Айла, — требую я.

— Что? — спрашивает она, выгибая левую бровь.

— Закрой. Дверь.

— Зачем?

— Чтобы я наказал тебя за совершенные преступления.

— Мы серьезно к этому вернулись? — Она снова закатывает свои красивые карие глаза.

— Ладно. Я сам это сделаю. — Я с грохотом ставлю свою кружку на стол, чуть не разбив ее, и подхожу к двери. — Неужели это так сложно?

— Не любишь рано вставать? — спрашивает она, оглядывая меня с ног до головы.

— Я люблю рано вставать, — поправляю я ее. — Мне просто не

нравятся женщины, которые воруют у меня вещи, а затем оскорбляют и издеваются надо мной в моей же квартире.

— Излишне чувствительный? — Ее ресницы трепещут. Она не закатила глаза, но это почти то же самое.

— Я? Чувствительный? — усмехаюсь я. — Это у тебя вчера снесло крышу только потому, что какой-то пьяный парень флиртовал с тобой в баре.

— Какой-то пьяный парень не флиртовал со мной, — говорит она, сверкая глазами. — Какой-то пьяный парень сказал: «Ты сегодня поедешь ко мне» и ожидал, что я подниму юбку и скажу ему, где ее придержать.

— Шикарно.

Она скрещивает руки на груди.

— Мы спорим или флиртуем? Я не могу понять, но мне правда нужно знать это, потому что от этого зависит мое дальнейшее поведение.

Я едва знаю эту женщину, но мне чертовски *нравится* ее рассудительность.

— Мы не спорим, — говорю я, пристально глядя на свою жертву, и направляюсь к ней. — Но, пожалуйста, не беспокойся. Поверь мне, я переживу.

Я все еще хочу трахнуть ее. Трахнуть так, как никогда никого не трахал. Без обязательств. Без чувств. Только похоть.

На хер букетно-конфетный период.

На хер предложения руки и сердца и обручальные кольца с бриллиантами от «Тиффани».

Больше никогда.

Я хочу ее тело, и *только* тело. И эти губы. Боже, я хочу эти губы.

— Хорошо. — Она приоткрывает свои пухлые губы, чтобы что-то сказать, но я прикладываю к ним палец, призывая к молчанию.

— Айла, хватит болтать, — приказываю я.

Она снова выгибает бровь, явно не понимая моей команды. На ее лице отражается шок, и я думаю, она не ожидала, что жалкий алкаш

из бара станет кем-то вроде этого.

— Твой рот когда-нибудь закрывается? — спрашиваю я, поднимая руки к ее шее. Запускаю пальцы в ее густые темные волосы, подушечками больших пальцев лаская нежную кожу лица.

Айла облизывает губы, и я наблюдаю, как сжимается ее горло, когда она глотает.

— Я постоянно о чем-то думаю. — Ее голос тише, чем раньше. — Много говорю. Много думаю. Много пишу.

— Айла, — шепчу я, наклоняясь, приближая губы к ее губам. Ладонью я чувствую, как при этом бьется ее пульс. Мои легкие наполняет ее цветочный парфюм, и хотя я никогда раньше не слышал об этом аромате, мне кажется, он напоминает мне о доме. Прогоняя прочь весь шум, все мысли и чувства из головы, я наказываю ее грубым поцелуем, пальцами запутываясь в ее волосах. Я вдыхаю воздух, который она выдыхает, тая передо мной, и мне кажется, она первая женщина, которую я поцеловал после Дамианы.

В этом поцелуе скрыта свобода, которую я никогда не ощущал.

Опускаю руки на бедра, затем скольжу под ее рубашку, сжимая талию. Ее поцелуи сдержанные и мягкие, суровый контраст со всем, что я собираюсь с ней сделать. Она проводит руками от моих бицепсов к плечам и удерживает ладони там, прижимаясь всем своим телом ко мне.

— Ты в этом хорош, — говорит она, затаив дыхание и борясь с улыбкой.

— Знаю.

Я обхватываю этот идеально очерченный подбородок, направляя ее рот туда, где ему и следует быть, и впиваюсь в ее губы еще одним поцелуем. Наши языки сплетаются.

Стянув с нее рубашку, я отбрасываю ее в сторону и тянусь к лифчику. Она не останавливает меня. На самом деле, клянусь, я чувствую, как ее губы изгибаются в улыбке.

Ей нравится.

Одним движением я расстегиваю ее лифчик на спине, и она позволяет ему упасть с плеч, а затем на пол. Сливочная кожа ее груди в сочетании с полнотой и идеальным размером — комбинация,

которой я не в силах противостоять. Схватив Айлу за талию, я сажаю ее на гладкий мраморный стол.

— Это безумие, — шепчет она. — Ты ведь это знаешь, правда? Нормальные люди так не поступают.

— Нормальные люди — зануды. — Я обхватываю губами розовый бутон ее соска, сосу его, а затем кусаю, пока она не начинает стонать. Пальцами она зарывается в мои волосы, ногтями впивается в кожу моей головы, и все кажется таким правильным.

Прижав губы к ее нежной коже, я целую ее ключицу, ложбинку между грудью, затем низ живота, который подрагивает в ответ на мое прикосновение.

Мой член напрягается под тканью спортивных штанов, умоляя освободить его, жаждет попасть в ее рот. Добравшись до ее леггинсов, я стягиваю их вниз и сбрасываю с нее туфли. На ней нет трусиков. Знала ли она, что этим утром я собираюсь трахнуть ее на своем столе?

Ее киска блестит в тусклом утреннем свете. Она вся мокрая. А всего-то надо было поцеловать ее.

Я знал, что она безумно хочет заняться со мной сексом.

Наклонившись, я широко раздвигаю ее ноги и медленно провожу языком по сладким складочкам. Айла начинает тяжело дышать и откидывается назад, опираясь на локти. Она сладкая, ее вкус может вызвать привыкание. Я смотрю вверх, мимо ее налитой груди, и наблюдаю, как она кусает нижнюю губу, ожидая следующего моего движения.

Погружаю два пальца в нее, и мой член становится еще тверже, в то же мгновение я понимаю, насколько она узкая. То, как я трахаю ее пальцами, пробую языком и наблюдаю, как она извивается и корчится, когда я ласкаю ее тело, возбуждает меня еще сильнее, и я становлюсь еще тверже.

Проведя рукой по ее боку, я дотягиваюсь до ее руки и тяну. На ее лице играет раскованная улыбка, взгляд дикий, и когда она соскальзывает со стола, ее обнаженное тело трется о мое, и она улыбается, ощущая контуры моего пульсирующего члена.

Хватается за пояс моих штанов и стаскивает мою одежду вниз, опускаясь на колени и обхватывая головку губами.

— О, Боже, — выдыхаю я, тянусь к ее волосам и сжимаю их в кулаке, когда она сосет и лижет мой член, так что мои глаза закатываются от блаженства.

— Не останавливайся. Боже, ты в этом хороша.

Она сосет все сильнее, быстрее, сжимает мой ствол ладонью и наслаждается каждым мгновением. Она хороша. Действительно хороша. Но мне этого мало.

Добравшись до ящика со всяким барахлом слева от меня, я вытаскиваю презерватив, который лежит там со времен моей помолвки, и, зажав пакет между зубами, разрываю его.

— Вставай, — говорю я. У меня нет времени быть милым, и, давайте посмотрим правде в глаза, этот небольшой обмен любезностями не имеет ничего общего с романтикой.

Айла поднимается и вытирает уголки рта, а я жадно обхватываю ее налитую грудь, прижимаясь к ней. Ее плавные изгибы и мои твердое орудие могут создать убойную комбинацию в постели, но мы не собираемся заходить так далеко, потому что я трахну ее прямо здесь, прямо сейчас, а потом пошлю куда подальше.

— Повернись. — Я надеваю презерватив и сжимаю основание члена, когда она поворачивается спиной ко мне. Локтями она опирается на стол и наклоняется, когда я обхватываю ее персиковую попку. Не слишком упругая, не слишком мягкая.

Айла разводит шире ноги, и я становлюсь между ее бедер. Скольжу пальцами по ее влажной киске, и когда они покрываются ее влагой, я задаюсь вопросом, всегда ли она так заводится.

Сменив пальцы на кончик члена, я придвигаюсь ближе, дразня ее, прежде чем погрузиться глубоко внутрь.

Айла стонет, откидывая голову назад. Я хватаю ее за плечо, сдерживая себя, когда погружаюсь в ее тугую киску.

Вот оно.

Вот она жизнь.

Без девушки. Без обязательств. Без обманщицы невесты, которая погибла из-за того, что тайно мечтала о члене моего лучшего друга.

Только это.

Глава 8

Айла

Когда все заканчивается, я понимаю, что не могу дышать.

Говорить, кстати, тоже.

— Боже, Айла. — Ретт дышит с таким же трудом, как и я, когда вытаскивает из меня свой член. Мое тело покрывается мурашками от холода, царящего в его квартире, и я поворачиваюсь, чтобы собрать одежду... которая разбросана повсюду.

Что. Черт возьми. Я натворила?

Вдохнув как можно глубже, я пытаюсь собрать себя в кучу и делаю то же, что и любая нормальная девушка сделала бы в подобной ситуации: приклеиваю на лицо огромную удовлетворенную улыбку.

Давая понять, что я удовлетворена. Сполна. Секс и все то, что мы вытворяли, было *потрясающим*.

Но что-то подсказывает мне, что все это закончится для меня очень плохо.

Натянув леггинсы и надев бюстгальтер, я подмигиваю ему, когда ловлю на себе его взгляд.

— Кажется, мне следует попросить твой номер, — говорю я.

Он морщит нос.

— Зачем?

— Не знаю. На случай, если забеременею или что-то типа того. Ты так *обильно* кончил. А презервативы не защищают на сто процентов.

Его лицо становится серым, пока он не осознает, что я шучу.

— В любом случае, — я надеваю свою рубашку через голову и расправляю волосы на плечах, — спасибо.

Я почти дохожу до двери, когда он говорит:

— Спасибо за что? Что, черт возьми, это значит?

— Просто такое выражение. Что я должна сказать? — Я пожимаю плечами. Если признаюсь ему, что это было потрясюще, и мы должны это повторить, совершу ошибку. Большую, ужасную ошибку, которую потом не смогу исправить.

— Ничего, — говорит он. — Не говори ничего. Не нужно делать все это неловким и благодарить меня за секс. Кто так делает?

— Прости. От этого ты чувствуешь себя использованным? — Я прячу смешок, прикрывая рот рукой, и он подходит ко мне с гигантской ухмылкой на лице, напирая на меня своей твердой, как сталь, грудью, пока я не упираюсь спиной в дверь.

— Боже, у тебя длинный язычок. — Он поднимает руку к моему лицу и проводит большим пальцем по моей нижней губе. Его взгляд сосредоточен на моих губах, будто он воспроизводит последние тридцать минут в голове.

Я остро осознаю тот факт, что наши губы в нескольких сантиметрах друг от друга, может, даже в миллиметрах. И если бы он хотел снова поцеловать меня, я бы позволила ему. Я бы не сказала «нет». Не протестовала и не пыталась бы остановить его, несмотря на то, что так было бы правильно.

Поцелуи с Реттом не похожи на поцелуи с другими мужчинами, и я не уверена, почему они так хороши — то ли из-за его мощной, сложной ауры, то ли из-за того, что это безнравственно и аморально.

Я хочу спросить, что происходит у него внутри, когда наши взгляды встречаются. Хочу знать, что *это* было. И почему он выбрал меня? Но я знаю, что он *никогда* не расскажет мне этого, поэтому спрашивать бессмысленно. Кроме того, скорее всего, он просто парень, повернутый на сексе, который, увидев девушку в баре, решил идти до конца.

В глубине души я понимаю, что это произошло только потому, что мы хотели получить взаимное удовольствие, и это не имеет ничего общего с романом, о котором мы читаем в книжках.

— Мне пора идти, — говорю я, выдыхая.

Его улыбка исчезает вместе с ямочками, на которые я только сейчас обратила внимание, и его стальной взгляд темнеет.

— Да, — говорит он, будто принял такое же решение, но по своим личным причинам. — Тебе пора.

— Эй, эй, эй. Подожди-ка секунду. — Бостин сидит с открытым ртом, когда я заканчиваю рассказывать ей все грязные подробности последних двадцати с лишним часов своей жизни.

Я ничего не скрываю.

И рассказываю ей все, как есть — правду.

Рассказываю, что сделала и как.

И опускаю голову, закончив свой рассказ.

— Мы с тобой вообще знакомы? — Она шокирована.

— Что тебя больше всего потрясло? То, что я переспала с незнакомцем, или то, что я не сказала ему, кто я?

— Э-э, и то, и другое, — говорит она, и по ее тону я понимаю, что должна была прочесть ее мысли. — Ты *буквально* самый честный человек, которого я знаю. И никому не доверяешь. Только мне и своей маме. И ты всегда говоришь правду, даже если она неприятна. Это не ты. Совсем не ты. В твоей светлой голове есть кто-то еще, который управляет тобой.

— Похоже на то.

Я съезжаю по стене на пол гостиной моего брата, притянув колени к груди, пока Бостин смотрит на меня так, будто видит впервые.

— Может, сходим куда-нибудь и выпьем? — спрашиваю я. — Вчера не получилось. И я так и не рассказала тебе то, что собиралась.

— О, да. Пойдем в «Прескотт»?

— Что связывает тебя с этим местом?

Она смеется.

— Переживаешь, что снова столкнешься с ним?

— Да!

— Его там не будет.

Я фыркаю, чувствуя, как начинаю улыбаться при мысли, что снова наткнулся на него. Какая же я плохая.

— Откуда ты знаешь, что его там не будет? — спрашиваю я.

— Интуиция. Во всяком случае, там лучшая выпивка в городе. К тому же, бармен, работающий во вторник вечером, равнодушен ко мне. Он угощает меня бесплатными напитками, а у меня не будет денег до пятницы, так что...

Я вздыхаю и представляю, как неудобно было бы снова наткнуться на Ретта, но шансы на это, без сомнения, ничтожны.

Никто не пьет по вторникам, а если и пьет, то, конечно же, не идет в тот же бар, где был накануне, тем более, что в городе есть 1784 альтернативных варианта.

Наплевать.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Поехали.

Глава 9

Ретт

— Он не заслуживает тебя. — Я толкаю свой напиток в сторону Эллисон, потому что ей он нужнее, чем мне, а бармен сегодня обслуживает медленнее обычного.

Она обеими руками обхватывает стакан, ее руки напряжены до кончиков пальцев. Выпив, она изо всех сил старается не кривиться, но у нее не получается. Я не виню ее. Крепкая дрянь; на любителя. Но когда пройдет жжение, наступит такое сладкое забвение, которого она раньше никогда не испытывала, пусть даже и временное.

— Все хорошие уже заняты. — Она приподнимает очки, чтобы промокнуть уголки глаз краем рукава. Эллисон одевается так, будто на дворе осень, независимо от того, какое сейчас время года. Но она миниатюрная, и ей всегда холодно, поэтому я не обращаю на это внимания.

— Неправда, — говорю я. — Ты просто его еще не встретила.

Ее невинные голубые глаза наполняются слезами, но она улыбается.

— Так мило, что ты говоришь это, Ретт. Но я знаю, ты делаешь это только потому, что люди должны говорить так в подобных ситуациях.

— Прости. У меня хреново получается. Правда.

— У тебя куча своих проблем, — говорит она, ее голос понижается до шепота. — Тебе не обязательно это делать. Мы можем уйти после того, как допьем.

— Нет, — говорю я. — Оставайся здесь. Пей столько, сколько хочешь, я плачу. А завтра позвонишь и скажешь, что заболела.

Она смеется, хотя ее глаза все еще грустные.

— Ретт, я не смогу позвонить и сказать, что болею.

— Почему? Я — твой босс, и говорю, что сможешь. Черт, бери всю хренову неделю, если хочешь.

Я смотрю на бармена, который совсем не смотрит в нашу сторону. Этот не похож парня, к которому я привык, и, к слову, обычно я не приезжаю сюда в середине недели.

Я поднимаю руку, пытаюсь привлечь его внимание, но он смотрит поверх японских бизнесменов, которых обслуживает, на пару женщин, входящих в дверь.

— Не может быть, — бормочу я.

Эллисон поворачивается на своем месте, вытянув шею, чтобы посмотреть, на что я уставился.

— Ой. Это та девушка, которую я видела утром.

— Ага. — Я потираю ладонью свою трехдневную щетину. — Да, это она. Никогда бы не подумал, что она может кого-то преследовать.

— Думаешь, она преследует тебя? Она даже не взглянула сюда. И, похоже, даже не осмотрелась вокруг. К тому же, она не одна, — говорит Эллисон, мой писклявый голос разума.

— Они всегда так делают, — говорю я. — Хорошие преследователи не выглядят так, будто они тебя преследуют.

— Хм-м-м, — недоверчиво протягивает она.

Наконец, бармен подходит, и у меня появляется такое чувство, будто я не видел его много лет. Я заказываю виски с лимоном и лимонный martini для Эллисон, потому что в лучшие дни она как солнечный лучик, и сейчас он ей необходим, чтобы поднять настроение.

— Кажется, это последний мой бокал, — говорит она, когда бармен возвращается с ее напитком.

— Вечер только начинается, Эл, — говорю я, мой взгляд сосредоточен на другой стороне бара, где Айла, похоже, с головой погрузилась в какую-то увлекательную беседу.

Эллисон права. Айла ни разу не взглянула в моем направлении. Ни разу. Даже на долю секунды.

Внутри меня растет беспокойство. Я не могу сидеть и делать вид, что ее здесь нет. Не могу сидеть и притворяться, будто это не ее вкус все еще ощущается на моем языке, и что это не ее парфюм был на моей коже весь день, или что это не я прокручивал снова и снова в

голове наш утренний секс. Я даже подрочил днем, думая о ней, потому что мой член не переставал пульсировать каждый раз, когда я проходил мимо кухни.

— Поздороваешься с ней? — Эллисон прерывает мои пошлые мыслишки.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Скорее всего, нет.

— Почему?

Ох, Эллисон. Такая молодая. Наивная. Она понятия не имеет, как все происходит.

— Если я здороваюсь с ней... — Моя фраза повисает в воздухе. Я не могу объяснить это Эллисон. Она является моим личным помощником уже три года, и мы никогда не обсуждали мою сексуальную жизнь. Кроме того, не уверен, что смогу цензурно рассказать ей о том, как все происходит. Если я здороваюсь с Айлой, это будет означать, что мы официально знакомы, а я не хочу быть ее *знакомым*. Я хочу быть случайным парнем, с которым она трахалась в случайный будний день. — Это сложно, Эллисон.

Я выпиваю свой виски, задерживая взгляд в направлении Айлы. Ее подруга очень оживлена, размахивает руками, когда говорит, и выпучивает глаза. Должно быть, слушать ее очень изнурительно, но Айла держится молодцом.

Храни ее Господь.

Эллисон вертится на своем сиденье, поворачиваясь ко мне лицом, когда облизывает сахар с края своего бокала мартини.

— Кстати, очень вкусно.

— Рад, что тебе нравится.

Я украдкой бросаю быстрый взгляд за плечо Эллисон, потому что, по-видимому, не могу сегодня держать себя в руках, только на этот раз меня встречают две пары любопытных глаз.

Меня засекли.

Айла немного ерзает, ее взгляд перемещается к Эллисон, затем ко мне, затем к напитку в ее руке. Ее подруга одаривает меня испепеляющим взглядом.

Стоп, стоп, стоп.

Не то чтобы я встречаюсь с Айлой. У меня здесь не свидание с цыпочкой, несмотря на то, что это именно так все и выглядит со стороны.

— Босс, я в дамскую комнату, — кричит Эллисон, спрыгивая с места. — Сейчас вернусь.

Айла и ее подруга наблюдают за тем, как Эллисон уходит, а затем Айла отворачивается, поэтому я больше не могу видеть ее лицо. Она злится? И что еще более важно, почему меня это беспокоит?

Выдохнув, я делаю еще глоток виски и пытаюсь восстановить спокойствие. Мне нечего доказывать, и ей я ни черта не должен, но я был бы не против уйти отсюда с чистой совестью, с которой и пришел.

Я не козел. Может, и был таким несколько лет назад, когда был новичком в НХЛ, и многомиллионный контракт свалился на меня, заставив чувствовать себя королем мира все шесть месяцев.

Но не сейчас.

Решаю допить свой напиток и поздороваться. Сейчас самый подходящий момент, ведь меня заметили.

Я делаю последний глоток, когда кто-то резко толкает меня в правое плечо.

— Ты собираешься поздороваться или будешь и дальше сидеть здесь, как будто мы не трахали друг друга взглядами, пока твоя девушка была в дамской комнате? — спрашивает Айла.

Ненавижу, что она опередила меня.

И снова я выгляжу жалким.

— Трахали друг друга взглядами? Так вот как вы, детки, теперь это называете? — спрашиваю я, и она закатывает глаза, шлепая меня по руке. — Я мог бы поклясться, что ты пялилась на меня. Откуда мне знать, что это были сексуальные намеки.

— Не важно. — Она смотрит на дверь туалета, как будто ждет, что Эллисон появится в любой момент. — Просто хотела быть взрослее и подойти поздороваться.

— Не зазнавайся. Я собирался подойти. Хотел сначала допить.

— М-м, хм. — Айла пытается сдержать улыбку, и я ожидаю, что сейчас она заговорит о моем «свидании», а я с большим удовольствием докажу ее неправоту. — Ладно, береги себя.

Она быстро машет мне, прежде чем вернуться к своей подруге, и они, похоже, продолжают разговор с того места, где остановились. Они не смотрят на меня и не притворяются, что говорят *не* обо мне, это очевидно.

Я окончательно потерял ее интерес.

Ей все равно.

В любом случае, я уверенный в себе мужчина. Я не тот мужчина, которого волнует, что думают другие, или мужчина, который судит о своей сексуальности по тому, скольких девушек ему удастся уложить в постель за месяц. Но будь я проклят, прямо сейчас мое эго слегка пострадало.

Это был... *секс из жалости*?

Я зарываюсь пальцами в свои волосы. Боже. Держу пари, она знает, кто я. Бьюсь об заклад, она знает все о том, что произошло. И я уверен, она трахалась со мной, потому что ей было меня жаль.

— Все в порядке? — Эллисон вернулась. Ее глаза выглядят немного остекленевшими, она слегка воспрянула духом, что подтверждает небольшая улыбка на ее лице. — Алкоголь начинает действовать. Думаю, это была не такая уж и плохая идея.

— Эллисон, дай мне секунду. Я скоро вернусь.

— Конечно. — Она дарит мне снисходительную улыбку и поднимает бокал ко рту.

Спустя секунду я уже пересекаю бар, сфокусировавшись на своей цели.

Глава 10

Айла

— Айла. — Его голос прерывает нашу девчачью болтовню, и Бостин хмурится.

Поворачиваясь к нему лицом, я стараюсь не злорадствовать, потому что чувствую что-то вроде победы. Он подходит *ко мне*. Он преследует *меня*. Он хочет *меня*.

— Да? — отвечаю я.

Он хватается меня за локоть и, словно неандерталец, тащит прочь от бара, в укромное местечко между двумя пустыми столами с мерцающими свечами.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— То, что произошло между нами утром, было из жалости, ведь так? — интересуется он.

Я в бешенстве.

— Я не трахаюсь из жалости, так что нет.

Он изучает мое лицо. Кажется, мой ответ его устраивает.

— Это все из-за этого? — спрашиваю я.

Ретт выдыхает, но молчит. Видимо, он проглотил язык.

— Я хочу снова встретиться, — говорит он после молчания.

Бросаю взгляд на серую мышку, которая сидит в другой стороне бара и мелкими глотками попивает лимонный мартини, и сжимаю зубы.

— Серьезно? — спрашиваю я, скрестив руки. — Ты вот так просто бросил девушку, с которой у тебя свидание, чтобы пойти и сказать мне, что хочешь снова трахнуть меня... и ожидаешь, что я соглашусь?

Уголок его полных губ приподнимается, и он тихо смеется.

— Я не на свидании.

Закатив глаза, я говорю:

— Конечно. Как скажешь. Но я не собираюсь снова с тобой встречаться, так что не трать свое время.

— Она моя помощница, — говорит он, его слова пропитаны отчаянием. — Ее бросил парень. Я пригласил ее выпить по стаканчику, спаиваю ее и даю пару выходных.

— О. — Я снова оглядываюсь. Я пока не видела ее лица, но смутно вспоминаю, как утром наткнулась на девушку, похожую по комплекции на нее, когда возвращала ему зарядное устройство.

— Да-да. — Он делает глубокий вдох. — В любом случае, как я уже говорил, я хочу снова увидеть тебя.

— Зачем?

Он смеется.

— Ты спрашиваешь зачем?

— Да. Зачем?

— Что, черт возьми, я должен ответить?

— Я не ищу парня, — выпаливаю я.

— Я и не хочу быть чьим-то парнем.

— Тогда что ты от меня хочешь?

Он подходит ближе, сокращая расстояние между нами, и едва касается ладонью моей щеки.

— Мне было хорошо с тобой этим утром, — говорит он, опуская руку. — Я просто хочу еще немного... этого.

— Значит, ты хочешь подругу для секса.

— Что-то вроде того. Да, — говорит он. — Никаких условий. Никаких ярлыков. Никаких обязательств. Просто секс.

— Ты говоришь, как чистокровный американец, — говорю я, вздыхая.

Ретт закатывает глаза.

— Ладно, так зачем тебе это? Я всего лишь девушка, с которой еще двадцать четыре часа назад ты даже не был знаком, — говорю я.

Он потирает ладонью свою щетину и выдыхает.

— Ты напоминаешь мне меня.

У меня отвисает челюсть.

— Не обижайся, но я не похожа на тебя.

Ретт смеется.

— Ты точно такая же, как и я, и поэтому это должно случиться. А теперь дай мне свой телефон.

* * *

— Не знаю, как ты это делаешь.

В среду утром я вылезаю из постели, воспоминания о прошедшей ночи очень туманны. Помню лишь, что пошла с Бостин в клуб «Прескотт», уединилась с Реттом, а затем разрешила ему забить свой номер в телефоне, тем самым согласившись стать его секс-подружкой.

Я написала ему, когда возвращалась домой, чтобы у него был мой номер, и он ответил через несколько минут, пригласив к себе.

И я пошла.

Как последняя дура.

— Делаю что? — спрашивает он, ворочаясь, пока простыни обвиваются вокруг его талии.

Бьюсь об заклад, мы спали максимум три часа, в крайнем случае, четыре, и сегодня я чувствую сладкую боль между бедер, но я не жалуясь, ведь это того стоит. Ретт трахал меня в таких позах, о которых до прошлой ночи я даже не подозревала, и из-за этого я ощущаю себя совершенно новой женщиной.

— Втягиваешь меня в это, — говорю я, стоя перед раковиной. Дверь открыта, и я чищу зубы. Я, как идиотка, принесла сумку с вещами для ночевки, но понимаю, что мы не встречаемся, это никогда не перерастет во что-то большее, и мне не нужно, например, постепенно переносить свои вещи, поэтому пусть все идет своим чередом. — У меня никогда в жизни не было секс-приятеля, хотя такие предложения поступали. Это не мое.

— Ты пытаешься сказать, что мне повезло?

— Да. Типа того. — Я выплевываю зубную пасту в раковину и поворачиваюсь к нему, впитывая его красоту в теплом утреннем свете. — И еще, чтобы ты не запорол свой шанс.

Не могу поверить, что делаю это, но солгала бы, если бы сказала, что вся эта ситуация не льстит мне. Этот мужчина был помолвлен с ангелом «Виктория Сикрет» и иконой стиля. Он богат и красив. Профессиональный спортсмен. Он мог бы трахнуть любую женщину на планете... и все же предпочел меня.

И знаете, что еще? Он хорош в постели. *Очень* хорош.

Я выхожу из ванной, собираю одежду с пола, запихивая ее в сумку, и достаю чистую.

— На что ты смотришь? — спрашиваю я, просовывая ноги в джинсы. Он смотрит на меня, я чувствую это.

— Просто наслаждаюсь видом. — Ретт опирается спиной на подушку, затем кладет руки под голову, обхватывая пальцами шею, а на его лице отражается сонная, удовлетворенная улыбка. Я закатываю глаза, притворяясь, что меня это раздражает, но в то же время я, черт возьми, знаю, что это не так.

Мой бюстгальтер свисает с хромированной ручки на ящике тумбочки, но, когда я пытаюсь его достать, Ретт протягивает ко мне руку и тащит в постель. Теперь я на нем сверху, с голой грудью, его руки прокладывают путь к ней, чтобы зажать пальцами соски и потянуть их. Я слегка улыбаюсь, двигая бедрами по его твердой выпуклости, которую отделяют от меня джинсы и простыни.

— Хочешь еще? — дразнюсь я, опускаясь настолько, чтобы наши губы немного касались друг друга.

Он целует меня, обхватывая руками мое лицо, его пальцы впиваются мне в затылок. Это спокойный, нежный поцелуй, который так не похож на то множество способов, которыми он трахал меня прошлой ночью.

Меня никогда не трахали так жестко, в прямом и переносном смысле. Когда наши взгляды встретились сегодня утром, я кое-что заметила, и это заставило меня задуматься, пытался ли он вытряхать из себя боль, что кажется безумным и немного странным, но это своего рода единственное, что сейчас имеет смысл.

И, возможно, я в долгу перед ним. Я позволю ему использовать себя. Я охотно сделаю это.

Мой брат конкретно поймел его, так что теперь он имеет меня.

— Мне нужно идти. — Я отстраняюсь от него. — У тебя есть мой номер.

Он садится, когда через мгновение я застегиваю свой бюстгальтер, а затем чешет свой висок. Его волосы сексуально спутаны, и эта комната пахнет нами.

— Ты и сама можешь мне звонить, знаешь ли, — говорит он. — Это соглашение работает в обоих направлениях.

— Приятно слышать. — Я натягиваю рубашку через голову и поправляю подол. Сегодня у меня встреча с адвокатом, с которым связался тренер Харрис. Он поможет мне создать фонд для Брайса. — Думаю, я все равно буду ждать твоего звонка.

— Конечно, будешь.

Я подмигиваю ему, ухмыляясь, и ухожу.

Когда выхожу на улицу, мне приходит от него смс.

Петт: Спасибо.

Умник.

Глава 11

Ремт

Этим утром я все еще чувствую аромат ее духов, когда тренер Харрис о чем-то болтает. Не знаю, о чем. Я не слушаю.

Она приезжала прошлой ночью, в четвертый раз с тех пор, как мы условились о сексе без обязательств, но на ночь не осталась, потому что подошли сроки сдачи ее статьи, и ей нужно было работать всю ночь, чтобы успеть закончить ее.

Когда она ушла, я уткнулся лицом в ее подушку и до сих пор все еще чувствую ее запах.

Позвольте пояснить: я прекрасно переношу одиночество. На самом деле, мне оно нравится. Но хорошо, что по ночам я не остаюсь наедине со своими мыслями. По вечерам, когда у всех есть какие-то свои дела, и никто не хочет выйти прогуляться, или когда все слишком заняты, чтобы ответить на твое сообщение, можно довольно глубоко увязнуть в своих мыслях, которые ты игнорировал в течение большей части дня.

Но вдруг появляется Айла.

Я смотрю на нее... на ее попку... губы... и не вижу ничего, кроме них.

Она — мое отвлечение.

Только отвлечение.

— Карсон, есть возражения? — рявкает тренер, глядя в мою сторону. Некоторые из парней смотрят на меня. До этого я слышал, как кое-кто из них говорил обо мне, потрясенный тем, как я могу просто продолжать стоять, как ни в чем не бывало.

Пошли они.

Если бы они только знали.

— Благотворительная акция, — шепчет стоящий слева от меня Шейн себе под нос.

— По какому поводу? — шепчу я.

— Для Брайса, — говорит он, отказываясь смотреть мне в глаза.

— В эту пятницу, — говорит тренер. — Вы все должны прийти на арену в семь часов. Мы будем кататься в память о Брайсе при сотрудничестве с созданным в его честь новым фондом. Присутствие обязательно.

В память о Брайсе?

На хер это дерьмо. Я пас.

Мой стул ужасно скрипит, когда я отталкиваюсь от стола, и все взгляды направляются на меня. Тренер хмурит седые брови и велит мне снова сесть на свою задницу, но я уже уйду. Задолбали. Я пальцем о палец не ударю, чтобы почтить память этого человека.

Узкие стены коридора давят на меня, и я не могу дышать.

Иногда я могу вытолкнуть все это из головы, забыть об этом на некоторое время. А иногда это бьет меня, сбивая с ног и высасывая весь воздух из моих легких. Независимо от того, как сильно я пытаюсь это игнорировать, что-то душит меня, постоянно напоминая о себе.

Спустя несколько минут я уже на улице, пробираюсь мимо туристов и прохожих, некоторые из них узнают меня и зовут по имени, но я продолжаю идти дальше.

Ведь я должен.

Если остановиться, отдохнуть и подумать об этом, можно почувствовать тяжесть всего этого и пойти на дно. И погрязнуть в этом так глубоко, что уже невозможно будет выбраться.

Вытащив телефон из кармана, я без раздумий отправляю Айле смс.

Я: Чем занимаешься?

Она: Не поверишь. Работаю.

Я: Я даже не знаю, кем ты работаешь. Писателем, верно? Что пишешь?

Она: Может, следует как-нибудь спросить об этом.

Я: Я не веду задушевных разговоров.

Она: Это называется общение, и я знаю, что ты не ведешь задушевных разговоров, ты трахаешь меня уже неделю, но ни разу не выкрикнул мое имя. Если честно, я немного разочарована.

Я: Я могу выкрикивать твое имя, если хочешь. Хотел спросить. А ты хочешь выкрикивать мое имя?

Она: Может быть.

Я: Никогда бы не подумал, что тебе нравится кричать.

Она: Какой ты пронцательный. Мне это нравится, друг по перепиху.

Я: Приезжай.

Она: Не могу. Приближается срок сдачи статьи.

Я: Я всю жизнь буду покупать тебе кофе, если сейчас же ты уделишь мне час своего времени.

Она: Только если это будет «Дин&Делука» — иначе сделка не состоится.

Я: Согласен. Встретимся через час.

Она: Тебе повезло — я падкая на кофе. И оргазмы.

Я усмехаюсь, качая головой. Обычно я люблю оставлять последнее слово за собой, но для нее в этот раз сделаю исключение.

Засовываю телефон в карман и, повернув за угол к своей квартире, останавливаюсь у «Дин&Делука», чтобы купить подарочную карту, потому что не знаю, что она пьет, или как она пьет, а затем иду домой и принимаюсь ждать.

Сев в любимое кресло, я включаю телевизор и проверяю часы. Она будет здесь с минуты на минуту.

Я бесцельно клацаю свой телефон, просматривая старые сообщения, фотографии и электронные письма — я смотрю, но не вижу. Мой разум находится в другом месте, где-то между тупиком и краем забвения.

Но прежде, чем понимаю, что делаю, я натыкаюсь на старую переписку с Дамианой.

Мое сердце замирает.

В тот день, когда она умерла — в день, когда я узнал правду — я взял все ее вещи, что были здесь, засунул в картонную коробку и выбросил в мусорный бак. Я уничтожил фотографии. Удалил ее фотографии с телефона. Прежде чем почувствовать сокрушительную боль утраты в груди, я уничтожил все доказательства того, что она была в моей жизни.

За исключением этих писем, как оказалось.

Последнее письмо было четыре недели назад — накануне ее смерти.

От: Дамианы Вествуд

Тема: На: на: на: Романтический вечер?

Представители «Гуччи» хотят, чтобы я осталась во Флоренции еще на одну неделю. Придется отменить наш романтический вечер в эти выходные. Мне очень жаль, малыш. Я бы предпочла провести время с тобой, но они отказались от другой модели и хотят меня, а я не хочу их подводить, потому что контракт с ними станет переломным моментом в моей карьере. В общем, я буду дома в понедельник, обещаю.

Люблю тебя.

Твоя, и только твоя...

Дамиана

P.S. Когда я вернусь, мы должны определиться с дизайном свадебного торта. Можешь в это поверить? Всего через шесть месяцев я стану миссис Ретт Карсон! Не могу дождаться!

Я узнал, что она никогда не была во Флоренции, а ее бывший агент случайно проговорился, что она никогда не заключала контракт с «Гуччи», никогда не работала с ними.

Всю ту неделю она проводила время с Брайсом, на каком-то курорте в Фингер Лейкс. (Примеч.: Фингер Лейкс — группа озер на западе штата Нью-Йорк).

Стук в дверь вырывает меня из этого глубокого, темного места и напоминает о том, что единственное, что сейчас имеет значение — сногшибательный, ничем не отягощенный, ни к чему не обязывающий секс, — ожидает меня по ту сторону двери.

— Как вовремя, — говорю я, открывая дверь.

— Сделаем это по-быстрому. — Закрыв дверь, Айла обнимает меня за шею, поднимаясь на носочки, и прижимает свои губы к моим.

Глава 12

Айла

Завтра в восемь утра я должна сдать окончательный вариант рукописи агенту, но я здесь, стою в коридоре квартиры Ретта Карсона, пока он срывает с меня одежду и сжимает в своих объятиях.

Наши губы находят друг друга, языки встречаются. Я обхватываю ногами его твердое, как камень, тело, и ничто больше не имеет значения.

Он укладывает меня на кровать и свободной рукой стягивает джинсы, позволяя им упасть на пол. Когда он стягивает футболку через голову и наши взгляды встречаются, на его губах появляется улыбка, а в глазах блеск, из-за которого мой живот слегка сжимается.

Бабочки.

Только бабочкам здесь не место.

Когда он так смотрит на меня, мне с трудом удастся помнить, что это всего лишь похоть, что по множеству причин это никогда не сможет стать чем-то большим.

Я закрываю глаза, вдыхая мужской запах простыней, когда чувствую, как кровать прогибается под его весом. А затем ощущаю тепло, исходящее от его тела, нависающего над моим. Ретт проводит ладонью по внутренней стороне моего бедра, и я раздвигаю ноги для него, руками тянусь к его члену, обхватывая его пульсирующую длину.

Двумя пальцами он скользит между моими складочками, погружаясь глубоко внутрь меня, и не останавливается до тех пор, пока я еле слышно не вздыхаю. Через мгновение подносит пальцы ко рту, пробуя меня на вкус.

— Боже, ты такая сладкая, — рычит он. — И влажная.

Прижав ладони к его телу, я слегка отталкиваю его.

— У меня мало времени, — поддразниваю я. — Близится срок, помнишь?

Он наказывает меня поцелуем и тянется к верхнему ящичку тумбочки, доставая пакетик из фольги.

* * *

Я падаю на его грудь, когда мы заканчиваем. Мое тело ватное, я измотана.

Он хотел, чтобы сегодня я была в позе наездницы, и так я и сделала. Я измотала его, покачиваясь взад-вперед, пока большим пальцем он нежно ласкал мой клитор. Когда он попросил трахать его жестче, я подчинилась. Когда он попросил трахать его быстрее, я тоже подчинилась.

Это ведь не жалость, когда ты получаешь от этого удовольствие, правда?

Тем не менее, я хочу забрать его боль, боль, причиненную моим братом, и оставить себе. Он все время кажется таким несокрушимым, таким целостным, но я знаю, что невозможно пройти через то, через что прошел он, и остаться невредимым.

Так не бывает.

Никто не может быть таким бессердечным.

Я прижимаю ладонь к его груди и чувствую, как бьется его сердце. Открыв глаза, я вижу, что он смотрит на меня, но делаю вид, что меня это не волнует. Убрав челку с глаз, я осторожно поднимаюсь с него и направляюсь в ванную, чтобы принять душ.

Когда я возвращаюсь, он не двигается. Просто лежит там, будто задумался. Или, может, просто вымотался. В сегодняшнем дне было что-то особенное, как в эмоциональном смысле, так и в физическом, словно он что-то отпускал.

Может, я ищу смысл там, где его нет. Иногда я так делаю. Слишком много думаю о том, о чем не следует думать. Копаюсь у людей в мозгах, пока не остается больше никаких причин для этого.

— Так что же ты ешь? — спрашивает он.

Наконец-то!

Мы трахаемся уже неделю, а он только сейчас хочет узнать чуть

больше обо мне.

— Все, — отвечаю я, глядя на часы. Сегодня я буду работать допоздна.

— Все — это...

— Блоги. Новости. Фантастику.

— У тебя есть псевдоним?

— Неа. Просто я, — говорю я, возвращаясь в спальню, и понимаю, что вся моя одежда находится в коридоре. — Ты любишь читать?

Его взгляд задерживается на моем теле. Он впитывает меня, как будто мучается жаждой, как будто это не я несколько минут назад оттрахала его до беспамятства.

— Немного, — говорит он, отказываясь развивать тему.

— Где мой пожизненный запас кофе? — спрашиваю я, подмигивая.

— Подарочная карта лежит на столе. — Он поднимается с кровати, его член все еще стоит, и направляется в ванную. — Ты не думала, что я сделаю это, не так ли?

— Подарочная карта — это не то же самое, что пожизненный запас, Ретт. — Я забегаю на кухню и забираю карту. Пятьсот баксов. Неплохо. Схватив свою одежду возле двери, я возвращаюсь в спальню, чтобы одеться. — Но пока сойдет и так.

— Где бы ты нашла пожизненную поставку кофе? — возражает он. — Подумай, Айла.

— Я бы нашла. — Я натягиваю на себя джинсы, мои ноги уже болят от езды на нем последние полчаса, но это приятная боль, будто после усиленной тренировки. Так и было. Бьюсь об заклад, я сожгла достаточное количество калорий, трахая его, чтобы позволить себе двойной кукурузный чизбургер из закусочной «Уитмена», которая, благодаря Бостин, стала моей последней зависимостью в Нью-Йорке.

Ретт надевает чистую футболку и спортивки, и в глубине души мне нравится, что он не сразу смывает меня с себя. Это говорит о том, что его устраивает это. Мы. Что я не какая-то грязная маленькая игрушка.

— Что ты делаешь в эти выходные? — спрашиваю я небрежно, так же, как спросила бы об этом любого другого человека в любой другой ситуации.

Он переводит взгляд на меня.

— Не надо.

— Не надо что? — Я пожимаю плечами.

— Не строй со мной планы на будущее, — говорит он.

— Кто сказал, что я пытаюсь строить планы? Я просто спросила, что ты делаешь в эти выходные. Я всего лишь пытаюсь поговорить, а не назначить тебе свидание.

— С этого все и начинается.

Я закатываю глаза, усмехаясь.

— Да уж. В одно мгновение мы трахаемся, а в следующее я спрашиваю, что ты делаешь в эти выходные, и *та-да-да-дам* мы встречаемся. Именно так все и происходит.

— Ты издеваешься надо мной. В моей собственной квартире. — Ретт подходит ко мне сзади и шлепает по заднице. — Тебе лучше уйти отсюда, прежде чем я решу наказать тебя за это.

Застегнув джинсы, я бросаю на него игривый взгляд.

— К твоему сведению, я тебя не боюсь. Вообще.

Кроме того, как он ведет себя. Даже когда улыбается, всегда чувствуется какой-то мрак, гнев внутри него. Я вижу это в его глазах. Где-то там тикает бомба замедленного действия.

Причина, по которой я спрашивала об этом, состояла в том, что мне было интересно, собирается ли он на благотворительное шоу в эту пятницу на ледовой арене.

Не думаю, что он пойдет, ведь это в поддержку Брайса... но, если он это сделает и увидит меня, это будет конец, а все только налаживается.

Мне нравится Ретт. С ним весело. И в моих извращенных мыслях мне кажется, что ему это нужно.

Я нужна ему.

Просунув руки в рукава рубашки, я натягиваю ее на голову и

поправляю.

— В этот уик-энд я занята... у меня дела... поэтому я и спрашивала. Хотела предупредить, что буду недоступна.

С уверенностью Джорджа Клуни и Райана Гослинга вместе взятых Ретт медленно идет ко мне, и его губы растягиваются в улыбку, которая прожигает меня изнутри и заставляет мое сердце парить. Наши взгляды встречаются, и мне интересно, это последний раз, когда он смотрит на меня вот так.

Ведь это вполне вероятно.

Я думаю о том, чтобы рассказать ему правду.

Каждый день.

И тогда говорю себе, что уже слишком поздно. Что я давно упустила свой шанс.

— Всегда есть время для того, что действительно хочется, — говорит он. — Если захочешь, то найдешь его.

Да. Правда. Но мне все еще нужно знать, будет ли он там в пятницу вечером.

Задержавшись в дверном проеме, я все же решаюсь сказать ему правду. Я должна. Должна выложить все прямо здесь и сейчас. Покончить с этим. Совершить правильный поступок.

— Ретт. — Я вздыхаю, формируя мысли в слова.

— Да? — Он приподнимает бровь. Но в этот момент его телефон начинает вибрировать. Подняв палец в воздух, призывая меня замолчать, он отвечает: — Алло... да, привет. — Он садится. Что ж, не в этот раз.

— Я ухожу, — шепчу я. Он кивает, поворачиваясь ко мне спиной, когда я ухожу.

Нужно положить этому конец.

Глава 13

Ретт

Лицо Ирены озаряется, когда в пятницу днем она смотрит на меня через весь зал ее любимого ресторана. Она машет мне и улыбается, а мой живот стягивает в узел, когда я понимаю, насколько она напоминает мне женщину, о существовании которой я пытаюсь забыть.

— Привет, дорогой, — говорит она, указывая на место напротив себя. Она тихо благодарит администратора, но в то же время не отводит от меня взгляда. Она теребит свои короткие темные волосы и ерзает на месте, что очень на нее не похоже. — Большое спасибо за то, что согласился сегодня встретиться со мной. Знаю, нужно было предупредить заранее.

— Все в порядке. — Я сажусь и беру бокал вина, который она предварительно заказала для меня.

Она выдыхает, сжимая свои красные губы.

— Сегодня в городе я занимаюсь некоторыми вопросами, связанными с имуществом моей дочери, и хотела бы поговорить с тобой о том, что беспокоит меня уже некоторое время.

— Хорошо.

— Есть кое-что, что, как мне кажется, ты должен знать, — говорит она, опуская взгляд к нетронутой корзине с хлебом, стоящей между нами. — Кое-что о Дамиане.

По правде говоря, я ничего не хочу знать, но не собираюсь грубить Ирене. Она не сделала ничего плохого.

— Это случилось в прошлом году, — начинает она, прочищая горло. Ее щеки розовеют, и она замолкает, нервно улыбаясь. — Боже, я так волнуюсь. — Ее ресницы трепещут, будто она пытается сморгнуть слезы, и на секунду отводит взгляд в сторону. — Мне очень трудно говорить, Ретт. Я хочу, чтобы ты это знал. В том, что я скажу, нет ничего простого.

— Ирена, вы заставляете меня нервничать. — Я сажусь прямо, оглядываясь, чтобы посмотреть, не обращает ли на нас кто-нибудь внимание, но сейчас три часа дня, и здесь пусто.

— Ладно, позволь мне попробовать снова. — Ее нервная улыбка быстро исчезает. — В прошлом году моя дочь узнала, что беременна.

Все вокруг начинает вращаться. В ушах звенит, грудь сдавливает.

Ирена протягивает свою тонкую руку через стол и кладет ее на мой сжатый кулак.

— Это был не твой ребенок, дорогой. Его.

Я сжимаю челюсть так сильно, что начинает болеть все лицо.

Мало того, что она трахалась с моим лучшим другом, так она делала это с первого года наших с ней отношений. И вдобавок ко всему, так сказать, проклятая вишенка на торте, этот хитроумный сукин сын обрюхатил ее.

— Она была так расстроена, — говорит Ирена, чем наносит еще один удар. — Я была единственной, кому она сказала. Она думала, что потеряет тебя... и карьеру. Все, что ей было дорого, было поставлено на карту. Она не любила Брайса. Никогда. Мы еще вернемся к этому, Ретт. Но она думала о... ну, ты понимаешь... но потеряла ребенка. Был очень маленький срок. Поэтому она не говорила тебе об этом. Не хотела причинять тебе боль, она так тебя любила. Все еще хотела выйти за тебя замуж, и мы с Джорджем говорили ей, что идеальнее тебя ей не найти.

— Разве от этого мне должно стать легче? — со злостью спрашиваю я. Никогда в жизни я не разговаривал с Иреной таким тоном, но сейчас я зол, меня одолевают ужасные мысли, которых я обычно стараюсь избегать.

— Ретт. — Ирен, похоже, в шоке. Она поднимает руку к бриллиантовому кулону, свисающему с ее шеи.

— Зачем вы рассказываете мне об этом сейчас?

У нее отвисает челюсть, и она заикается, отвечая мне.

— Милый, я просто подумала, что ты должен знать. Я не смогу нормально жить, скрывая эту тайну.

Она снова обхватывает своей рукой мою, наклоняясь вперед.

— Моя дочь была очень сложной женщиной, — говорит она. — Ее сердце поистине было скрыто за семью замками. Все эти двери, замки и ключи. Никто не мог добраться до него. Они могли пройти первую дверь, иногда вторую. Но на этом все. Остальные были заперты наглухо. Только она знала, что там внутри.

— Как поэтично.

Ирена наклоняет голову, и ее взгляд смягчается.

— Я знала ее лучше всех, Ретт. Поэтому верь мне, когда я говорю, что тебя она *любила*. Действительно любила. Однажды я спросила ее, почему она поступила так. Я хотела знать, что толкнуло ее в объятия мужчины, который не любил ее, пока рядом с ней был мужчина, который любил ее несмотря ни на что. Она сказала, что сделала это, чтобы испытать адреналин. По крайней мере, поначалу. Брайс здесь ни при чем. Она не любила его, ты должен это знать. Когда я сказала ей, насколько она эгоистична, она сломалась. Она поклялась никогда больше не делать этого, потому что ты для нее был единственным. Единственным. Не знаю, почему она не остановилась, Ретт. Не знаю. Хотелось бы, чтобы у меня были ответы на эти вопросы. Я знаю, что тебе нужно расставить все точки над «i». И успокоиться. И мне больно осознавать, что ты никогда не получишь их. Не от нее. Не так, как ты хочешь. Не в этой жизни.

— Пожалуйста, Ирена, — говорю я, вздыхая. — Со мной все будет хорошо. А как насчет вас? Как вы справляетесь?

Я пытаюсь поменяться с ней ролями, переключив все внимание на нее. Для женщины, которая только что потеряла единственную дочь, Ирена переживает горе с изяществом и уравновешенностью английского дипломата.

— Ты только говоришь так, но когда я смотрю на тебя, я вижу это. Вижу боль в твоих глазах. Вижу, потому что знаю, каково это. Мы с тобой очень похожи, Ретт. Мы умеем хорошо притворяться. Мы отвлекаем себя, делая вид, будто ничего не произошло. Боль настолько глубоко, что мы ее даже не чувствуем, но она все равно всегда там. — Она прижимает ладонь к груди. — Хотелось бы, чтобы ты тоже это увидел, но ты слишком занят, делая вид, что в порядке, вместо того, чтобы просто посмотреть в зеркало и осознать, что на самом деле это не так.

— К чему вы все это говорите? — Я смотрю на часы, проверяя время.

— Я всегда была сторонником открытости, — говорит она. — И у меня никогда не было секретов. Знаешь, мы с Джорджем знаем друг о друге все. *Абсолютно все*. В любом случае, обдумав всё последние несколько недель, я поставила себя на твое место и решила, что, возможно, если будешь знать все, ты сможешь двигаться дальше.

— Я двигаюсь дальше.

Ирена вздыхает. Она не купилась на это.

— Ты должен пойти к ней.

— Это вряд ли, — отвечаю я с сарказмом.

— Тебе стоит сделать это. Чтобы покончить с этим раз и навсегда. — Она делает небольшой глоток вина, первый с тех пор, как я сел. — Она похоронена на семейном кладбище в поселке Хэмпстед, в поместье моих родителей. Тебе понадобится ключ, чтобы открыть ворота.

— Я не пойду к ней.

— Возможно, сейчас ты не готов, — говорит Ирена. — И это нормально. Но только простив ее, Ретт, ты сможешь двигаться дальше.

Я ничего не говорю.

— Прости ее, Ретт. Не ради нее, а ради себя.

Я вливаю в себя оставшееся вино и собираю все свое самообладание в кулак.

— Я должен идти.

— Ретт. — Ирена смотрит на меня широко распахнутыми глазами. — Я не хотела тебя огорчать.

Я ухожу. Ухожу, потому что, если этого не сделаю, я взорвусь. Взбешусь. А я не хочу, чтобы она это видела. Она хороший человек, и хотела, как лучше, но, черт возьми. Это своего рода бомба, которую бросают кому-то в уединенном месте. Не в ресторане со звездой Мишлена в Верхнем Ист-Сайде, посреди пятничного дня.

В тот момент, как ступаю на тротуар, я уже вытаскиваю телефон

и открываю переписку с Айлой. Когда поворачиваю за угол, меня осеняет, что в последний раз, когда приходила, она сказала, что у нее очень напряженный уик-энд, но она мне нужна. Мне чертовски нужно ощутить ее вкус на языке, почувствовать ее киску на своем члене, зарыться руками в ее волосы, и чтобы этот остроумный маленький ротик был прижат к моему.

Если я не получу этого в ближайшее время...

Я пишу ей смс.

Я: Приезжай. Прямо сейчас.

Она: Слышал слово «пожалуйста»? Ознакомься с ним. Словарь Мерриама-Уэбстера. Страница 603.

Я: Я серьезно. Жду тебя у себя. Через час.

Она: Этим вечером я занята. :-(Прости. Может, встретимся завтра?

Я: Приходи позже, когда закончишь с тем, что ты, черт возьми, считаешь важнее меня.

Она: Я подумаю об этом. Могу быть поздно. И, возможно, очень уставшей.

Я засовываю телефон в карман, убежденный в том, что Айла отталкивает меня. Может, она решила прервать нашу маленькую договоренность. Может, неделя — это для нее слишком много. Трудно найти девушку, которая в самом деле не хочет отношений и согласна на секс без обязательств. В основном, девушки так просто говорят, надеясь, что вы передумаете после того, как увидите, насколько она идеальна для вас. Или, может, ей просто не нравится быть секс-игрушкой, готовой бежать по первому зову.

Мой телефон вибрирует в кармане, и я надеюсь на то, что, возможно, она передумала, но понимаю, что ошибся, когда на экране вижу смс от Шейна.

Шейн: Я пойму, если ты не захочешь прийти сегодня, но тренер уверен, что ты придешь. Так нужно. Начало через час. Сделай это

ради детей.

Глава 14

Айла

На полпути к сцене я чувствую, что мне не хватает воздуха, и не из-за того, что я иду быстро. Давление в груди почти невыносимо, и я не в силах расслабиться.

Если Ретт придет сегодня, если увидит меня, это будет конец.

В прошлый раз я должна была дождаться, пока он закончит разговаривать по телефону, чтобы во всем признаться.

Я не очень хороша в чистосердечных признаниях, потому что мне никогда не приходилось делать этого раньше. Я всегда откровенна и честна с самого начала, со всеми. Я не опытная лгунья. Хорошая лгунья смогла бы выкрутиться из своей лжи, но не я.

Может, «ложь» — слишком громко сказано? Лучше сказать, умалчивание. Это ведь можно простить? Даже не знаю.

Но, кажется, скоро узнаю.

Через автоматические двери я прохожу на арену «Спартанцев» и иду напрямиком к катку, где дети в зеленых футболках с портретом Брайса, одетые в хоккейную экипировку, уже выстроились вдоль ограждения.

На трибунах уже толпятся родители и зрители, хотя начало только через час. Идея кататься на коньках принадлежала тренеру Харрису. Я никогда не слышала ни о чем подобном. Думаю, идея заключалась в том, что чем больше минут ребята будут кататься, тем больше денег они заработают на благотворительность.

Что было для меня странно, потому что благотворительный фонд уже получит хорошенькую сумму денег, как только я получу наследство, но адвокат, которого мне порекомендовал тренер, посоветовал пополнять фонд за счет пожертвований, а не денег из собственного кармана.

Я настояла, чтобы мы делали и то, и другое, если это возможно.

— Эй. — Шейн сразу замечает меня, проезжая мимо. Он и

некоторые из парней скользят по льду, красуясь перед детьми. — Рад, что ты сделала это.

— Все здесь? — спрашиваю я. И, говоря «все», я имею в виду абсолютно всех.

Он хмурится, осматривая помещение.

— Вигновского и Загами нет.

Мое сердце бьется быстрее, тяжелее. Сейчас Ретт выйдет из-за угла, я просто знаю это.

— Значит, все участвуют? Из команды? — Я буду перефразировать свой вопрос столько раз, сколько потребуется, чтобы получить окончательный ответ. Скоро я буду говорить короткую речь, и прежде, чем выйду на сцену, мне нужно знать, увидит ли он меня.

Шейна поджимает губы.

— Хм, не думаю, что Карсон придет. Я написал ему. Он прочитал, но не ответил. Я бы не рассчитывал на него.

Черт. Как сложно получить окончательный ответ.

— Ты готова выступить с речью?

— Ага.

Не совсем. Я ненавижу публичные выступления. *Ненавижу вот это.*

— Круто, круто. — Он мешкает, будто хочет продолжить общение, но все темы для разговора исчерпались.

— Шейн, иди сюда, — кричит ему один из игроков.

— Встретимся позже, хорошо? — говорит он, мило мне улыбаясь.

— Конечно. — Я засовываю руку в карман, вытаскиваю свою напечатанную речь и читаю ее в четыреста тридцать седьмой раз за сегодня. Иногда я поднимаю взгляд, осматриваясь по сторонам, выискивая знакомое лицо, но не нахожу.

— Айла. — Тренер Харрис закидывает свою руку мне на плечи и вторгается в мое личное пространство вместе со своим старомодным одеколоном. — Рад тебя видеть. Уже почти все ребята приехали.

Начнем?

Все... ребята?

Колени подкашиваются, а живот скручивает. Быстро проверив время на телефоне, я понимаю, что не успею выпить воды, воспользоваться уборной или удрать отсюда.

— Ты готова? — спрашивает он, направляя меня к катку. Передо мной расстелен ковер, чтобы я могла ходить, потому что у меня нет коньков. Он ведет меня к самодельной временной сцене. Молодая девушка в наушниках подает мне микрофон и шепчет, что он включен.

Все происходит слишком быстро.

Свет гаснет. Прожектор направляется на меня. Толпа затихает, и я не вижу их, но знаю, что их глаза устремлены на меня.

Улыбаясь, я занимаю свое место.

— Добро пожаловать всем, меня зовут Айла Колдуэлл. Брайс Реннер был моим братом, — говорю я. — Большое вам спасибо за то, что пришли сегодня, чтобы почтить память Брайса Реннера и отпраздновать открытие Фонда, который мы создали в его честь. Мы надеемся, что этот Фонд позволит нам привлечь молодежь нашего города, которая интересуется игрой в хоккей. Также рассчитываем предоставить стипендии и программу обучения, в которую будут входить тренировки с профессиональными игроками, индивидуальные семинары и поездки в лагеря. Есть одна вещь, в которой я уверена. Мой брат был больше всего увлечен хоккеем. Он жил этим видом спорта. И теперь, с вашей помощью, его наследие и любовь к игре будут жить в сердцах многих других. Спасибо.

Толпа аплодирует, и тренер берет микрофон из моих рук. Свет прожектора временно слепит мне глаза, и я ничего не вижу, поэтому на ощупь пробираюсь сквозь толпу, собравшуюся у боковой линии.

Добравшись до холла, я понимаю, что снова могу видеть.

Снова могу дышать.

Прислонившись спиной к холодной кирпичной стене, я смотрю в коридор, уверенная в том, что сейчас увижу Ретта. В полной уверенности, что он придет ко мне со взглядом полным ненависти и беспощадной усмешкой.

Но никого нет.

Все внутри наблюдают, как начинается шоу.

Звуки дурацкой спортивной музыки потоком льются из колонок, распространяясь по коридорам, отражаясь эхом от стен.

Тренер говорил, что это может продолжаться несколько часов. В последний раз это длилось до часа ночи. Все зависит от ребят, и поскольку это межсезонье, в это время их выносливость различна.

Медленно вдохнув как можно больше прохладного воздуха, я возвращаюсь назад.

Если Ретт там, и если он слышал мою речь, все уже не будет как раньше.

Что сделано, то сделано.

* * *

Ледовая арена пустеет в пятнадцать минут первого ночи. Уставшая, едва держа глаза открытыми, я прощаюсь с ребятами. Тренер Харрис говорит мне, что в скором времени свяжется со мной по поводу окончательных данных.

Стоя снаружи, я заказываю такси, потому что уже слишком поздно ходить по городу одной, поэтому просто стою под неоновым знаком.

Маленький зеленый значок на экране телефона говорит мне, что у меня есть несколько непрочитанных сообщений, пришедших этим вечером. Большинство из них — от мамы, два — от Бостин, одно — от моего соседа по комнате в Лос-Анджелесе, и одно — от Ретта.

Мое сердце замирает.

Я нажимаю на его имя.

Волна облегчения окатывает меня. В сообщении фото его пустой постели и подпись:

Еще не слишком поздно для меня, если не слишком поздно для тебя.

Я проверяю время. Он отправил его двадцать минут назад.

Значит, его сегодня здесь не было.

Следовательно, он все еще не знает.

С моих плеч спадает тяжесть, но я все же считаю, что с этим следует покончить.

Не хочу чувствовать себя так же, как чувствовала сегодня вечером. Никогда.

Я получаю уведомление о том, что мое такси прибудет через минуту, поэтому быстро пишу смс Ретту, что еду к себе домой. Он отвечает почти мгновенно.

Ретт: Если больше не хочешь продолжать эту связь, то просто скажи.

Я: Я устала. Можем поговорить об этом завтра утром?

Ретт: Нет. Я не хочу говорить. Здесь не о чем говорить. Если не хочешь трахаться, значит, ты не хочешь трахаться.

Я: Это не так.

Ретт: Тогда тащи сюда свою маленькую попку прямо сейчас и докажи это.

Я закатываю глаза. Подъезжает машина, и я сдаюсь. Я пишу ему, что приеду, но не собираюсь с ним трахаться.

Все закончится сегодня ночью.

Так будет правильно.

Глава 15

Айла

— Знал, что ты придешь, — говорит он, открывая дверь в одних спортивках. Сегодня его загорелый мускулистый торс будет сильно меня отвлекать, и мне хотелось бы, чтобы он прикрылся, потому что теперь все, что я хочу сделать, это вскарабкаться на него и пуститься во все тяжкие.

Он берет меня за руку, втаскивает внутрь и захлопывает дверь. Затем обрушивается на меня своими губами, пока рукой скользит под мою блузку.

Я отталкиваю его.

— Прекрати.

Ретт замирает, сбитый с толку.

— Я же тебе сказала, что сегодня мы этого не будем делать.

— Тогда почему, черт возьми, ты пришла?

— Чтобы поговорить с тобой лично. — Я поправляю свою блузку, пока мое сердце бьется со скоростью сто ударов в секунду.

— Серьезно? — усмехается он, зарываясь пальцами в свои волосы песочного цвета.

— Seriously что?

— Ты расстаешься со мной, а ведь мы даже не встречались.

— Просто я больше не могу. Я не такая. Прости. Я считала, что смогу это сделать, но оказалось, что нет. — Я прочищаю горло, осмеливаясь взглянуть ему в глаза.

— Что изменилось?

Его вопрос застает меня врасплох. Я ожидала, что он даст мне пинка под зад и выставит за дверь.

— У тебя есть кто-то еще? — спрашивает он. — Ты встречаешься с кем-то еще?

— Нет, — говорю я, рассекая рукой воздух. — У меня никого нет.

— Тогда почему *ни с того ни с сего* это вдруг стало тебе в тягость?

Правда прожигает меня изнутри, подступает к горлу и вертится на кончике языка, но когда я бросаю взгляд на Ретта, то вижу лишь его манящие глаза. Глаза, в которых читается то, что он все еще жаждет и хочет меня, несмотря на то, что я только что его оттолкнула... И у меня не хватает духу сказать ей — не после всего, через что он прошел. Я пока не готова вывалить на него все это. Если я смогу найти выход из этой ситуации, то, возможно, мне удастся не причинить ему боль.

— Мне нужны отношения, — говорю я, решив играть роль девушки, которую волнует перспектива дальнейших отношений. Этого должно быть достаточно, чтобы отпугнуть его. — Как-то странно трахаться с незнакомцем. Ты не можешь насытиться мной, но при этом даже не знаешь меня. Для тебя это нормально?

Нахмурившись, он сжимает губы.

— И это все? — Он скрещивает руки на груди.

— Вкратце.

— Тогда да. Для меня это нормально, — говорит Ретт, притягивая меня к себе. — Теперь иди сюда, потому что ты права, я не могу тобой насытиться.

Я прижимаю ладони к его груди.

— Я хочу чего-то более серьезного. Того, что ты не можешь мне дать, — добавляю я, потому что, чем больше невозможных заданий я ему дам, тем проще будет ему уйти. Ведь именно этого я и добиваюсь. Это для его же блага. Я делаю это для него.

— Серьезно — это не всегда лучше, — ухмыляется он. — То есть, почти всегда.

— Я не согласна. Так отношения развиваются. Да, иногда это причиняет боль, — говорю я, — но в этом вся суть.

— Боже, ты заставляешь меня желать тебя еще сильнее. — Он обхватывает мой подбородок и впивается своими губами в мои.

— Послушай, Ретт, — останавливаю я его. Не хочу отвлекаться на поцелуй. — Если ты не хочешь серьезных отношений, я не смогу быть с тобой.

— Пойми, ты ошибаешься. — Он притягивает меня ближе к себе, его руки крепко сжимают мою талию. — Все самое лучшее находится на поверхности, там, где все идеально. Когда копнешь глубже, ты поймешь: все, что было до этого, всего лишь чертова иллюзия. Вот тогда ты осознаешь, что в серьезных отношениях нет ничего хорошего, и никогда не было.

Я отвожу взгляд в сторону.

— Фишка в том, — говорит он, — что не стоит копать глубже.

— Мне нужно идти. — Я отхожу от него, но он тянет меня назад.

— Зачем ты так поступаешь? Что ты от меня скрываешь?

— Если я скажу тебе, — произношу я, проглатывая комок в горле и позволяя себе немного откровенности, — то опущусь ниже плинтуса, а я не думаю, что ты этого хочешь.

Сейчас он выглядит тихим, задумчивым.

— Не хочу, — говорит он. — Я не хочу *этого*. Но я все еще хочу тебя. Хочу тебя в своей постели. Хочу, чтобы твои дерзкие сообщения разрывали мой телефон. Хочу быть с тобой. Уверен, мы сможем найти точки соприкосновения. Думаю, ты бы не возвращалась каждый раз, если бы не получала от этого удовольствие.

Боже, он прав. Именно по этой причине я продолжаю возвращаться. Мне нравится быть с ним.

Наши взгляды встречаются, и Ретт прижимает ладонь к моей щеке.

— Я не хочу встречаться с тобой, Айла. Не хочу быть твоим парнем, — говорит он. — Все, чего я хочу, это лишь физическая связь, настолько удивительная, что ничто из того, что у нас когда-либо будет с кем-то другим, ни на йоту и не приблизится к этому. И прелесть заключается в том, что никто из нас не пострадает, потому что мы никогда не зайдем слишком далеко. Мы будем знать, когда стоит бросить все к чертям и разойтись — когда все надоест, станет скучным и ужасным.

— Итак, ты хочешь получать все выгоды от наших встреч... при этом на самом деле не встречаясь со мной.

Он смеется, его настроение улучшилось, будто он сбросил с себя груз.

— Да.

— Звучит здорово, — говорю я. — Для тебя.

Опустив руки, Ретт выдыхает.

— Хорошо, тогда что тебе нужно от меня?

— Мне нужно, чтобы ты немного сбавил обороты.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Ты такой напористый, — говорю я, возвращая все на круги своя. Думаю, я все еще могу убедить его, что хочу большего. — Притормози. Насладись этим со мной. И говори со мной побольше. Даже если тебе все равно, как прошел мой день, хотя бы поинтересуйся. Я писатель. Я целый день одна. И в конце дня я отчаянно нуждаюсь в человеческом общении — *в реальном общении*. А стоны и вздохи не совсем то, что мне нужно.

— Ладно, отлично. Я буду спрашивать тебя о том, как прошел твой день. — Он быстро выдыхает. Его это раздражает, я вижу. Может, это сработает?

— И я тоже буду спрашивать. Это должно работать в обоих направлениях.

Он не выглядит слишком радостным, но кивает.

— Хорошо.

Я зеваю, прижимая руку ко рту. Его кровать манит меня, она такая удобная. В миллион раз мягче, чем в гостевой спальне в квартире Брайса. Я пришла к выводу, что он купил самый дешевый матрас огромного размера, который только смог найти.

— В любом случае, я измучена, — Я прохожу мимо него и осматриваюсь по сторонам, будто нахожусь у себя дома.

— Куда ты?

— К тебе в спальню. Ты заманил меня сюда, так что прояви хотя бы каплю гостеприимства.

Я слышу, как он посмеивается, а затем выключает свет. К тому времени, как Ретт залезает в постель, я уже практически сплю, но чувствую, как прогибается кровать под его весом и тепло его тела, когда он придвигается ко мне. Последнее, что я чувствую, перед тем как полностью отключиться, это вес его руки, которой он обнимает меня.

Миссия *не* выполнена.

Глава 16

Ретт

Сейчас три часа ночи. Протянув руку к месту, где должна быть Айла, я понимаю, что лежу один в холодной постели. Через дверь, ведущую в коридор, виден свет, и я поднимаюсь с кровати, чтобы посмотреть, что она там делает.

Тихо ступая по коридору, я останавливаюсь, заметив ее в гостиной. Она сидит на диване рядом с тусклой лампой и разглядывает фотоальбом, который я забыл уничтожить.

На нашу первую годовщину Дамиана сделала альбом, в котором в хронологическом порядке расположила наши совместные фотографии, которые ей только удалось найти.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — Мой голос пугает ее, и она бросает альбом на пол, широко распахнув глаза.

— Ретт.

— Что ты делаешь, Айла? — На этот раз я спрашиваю еще громче. Слова грубые, голос подобен раскатам грома.

— Мне не спалось.

— Поэтому ты просто пришла сюда и начала рыться в моих вещах? — Я подлетаю к ней, вырывая альбом из рук.

— Он лежал на кофейном столике. Я не рылась. — Она встает, выглядя при этом неловко. — Я проснулась и не хотела будить тебя, поэтому пошла сюда. Он просто лежал там. Я подумала, это семейные фотографии.

— Даже если бы это были семейные фотографии, это не твое собачье дело, — говорю я, моя грудь вздымается и опадает.

— Ты прав. Прости. — Айла выставляет руки перед собой, будто я сумасшедший, от которого она пытается защититься. И, черт, может, сейчас я и выгляжу как сумасшедший. Конечно, черт возьми. Кажется, в ее глазах слезы. Я не уверен. Сейчас мое зрение затуманено.

Айла рылась в моих вещах, моих личных вещах, в моем *прошлом*, и это наполняет меня тихой яростью. Не хочу, чтобы мое прошлое пересекалось с настоящим. Мне нужно, чтобы все оставалось на своих местах. По отдельности. Если они переплетутся, думаю, я сорвусь. И Айла... только она сдерживает меня сейчас.

— Я лучше пойду, — говорит она, когда отводит взгляд. Она не смотрит на меня.

— Сейчас три часа ночи.

— Я тебя расстроила.

— Конечно, ты меня расстроила, — говорю я, вздыхая и потирая глаза. — Но я тебя не выгоняю. Просто больше этого не делай, хорошо?

Она молчит, изучая меня. А затем облизывает губы и выдыхает.

— Обещаю, — говорит она.

Через некоторое время мы снова лежим в моей кровати, глядя на потолочный вентилятор. Увидеть фотографии Дамианы у нее на коленях было подобно адреналиновому выстрелу прямо в грудь. Теперь мне не до сна. Все стало иначе. Что-то изменилось между нами.

— Ты тяжело дышишь, — говорит Айла спустя некоторое время. Потянувшись, она кладет руку на мое горячее тело ниже ключицы. — И твое сердце бьется так быстро.

Я поворачиваюсь на бок, спиной к ней.

— Прости, — извиняется она. Еще раз. — Пожалуйста, не сердись. Я не могу спать, когда ты злишься на меня. Просто забудь об этом. Пожалуйста. Мне жаль.

— Перестань извиняться и ложись спать.

Я слышу, как замедляется ее дыхание. Ее тело расслабляется, и я пытаюсь сделать то же самое, но терплю неудачу.

Я не могу заснуть, прокручивая в мыслях свою реакцию, шок на ее лице, сильный страх в ее глазах.

Я не должен был так реагировать, но в тот момент мне что-то ударило в голову, и все те чувства, которые я прятал глубоко внутри, вырвались наружу.

— Айла, — шепчу я, но не получаю ответа. Она уснула. Перевернувшись, я придвигаюсь к ней, положив руку на ее плечо, и готовлюсь произнести слова, которые редко кому-либо говорю.

— И ты прости меня.

Но я говорю это не только из-за того, как отреагировал.

Я прошу прощения за все это — за то, что убедил ее в том, что это ничтожное соглашение было хорошей идеей, потому что в глубине души знаю, в конце концов, я ее сломаю.

Судя по реакции, которую я испытал, увидев, как она смотрит эти фотографии, я понимаю, что не смогу перейти на новый уровень отношений. Не с ней.

Глава 17

Айла

Утром, когда солнце едва касается крыш небоскребов, я ухожу из квартиры Ретта. Кажется, он спал, когда я проснулась, и мне не хотелось его будить, потому что знаю, он ворочался всю ночь.

Так что я просто ушла.

Когда я взяла книгу с журнального столика, то даже не подозревала, что это фотоальбом с фотографиями Дамианы, но когда начала листать, не смогла остановиться. Она была такой красивой. И они с Реттом выглядели такой счастливой идеальной парой.

Никак не пойму, что она нашла в моем брате. Может, она была одной из тех, кому нравились мудаки, потому что верила, что может изменить его? Это как игра. Я была знакома с такими девушками в колледже. Они считали, что чем парень хуже, тем сложнее задача. А чем сложнее задача, тем больше награда. Им даже не нравились сами ребята, им просто хотелось совершить невозможное — заставить бессердечного плейбоя влюбиться без памяти, а затем отплатить ему той же монетой.

К тому же, какая девушка *не* хочет быть инициатором разрыва отношений? Какая девушка не хочет быть той, о которой он будет думать, встречаясь с другими?

Полагаю, у некоторых из нас есть чуть больше сдерживающих факторов, чем у других.

Во всяком случае, надеюсь, Ретт простит меня за то, что я посмотрела его фотографии.

Это была нелепая ошибка.

По дороге домой я покупаю кофе, пользуясь картой, подаренной Реттом, и как только выхожу из магазина, звонит мама.

— Сейчас четыре утра, что ты делаешь в такой час? — спрашиваю я, когда отвечаю на звонок.

— Мне не спится, — говорит она. — Так что я пью кофе и

собираюсь пойти выгулять собаку.

— Почему?

— Просто приснился плохой сон, — говорит она со вздохом. — Я скучаю по тебе. Когда ты вернешься домой? Без тебя здесь одиноко, и я тоскую по тем временам, когда ты советовала мне что почитать.

— Я же высылаю тебе статьи, — говорю я. — Различия лишь в том, что теперь я в трех тысячах километров от тебя, а не в тринадцати.

— Ну, твое отсутствие слишком заметно, — говорит она. — Даже собака скучает по тебе. В последнее время она носит одну из твоих старых футболок.

— Я скоро приеду домой, — заверяю я ее. — Скажи Дейзи, что я тоже скучаю по ней. Я проверю рейсы на самолет, когда вернусь в квартиру и закажу первый же попавшийся по приемлемой цене, который только смогу найти. Кто знает, может, я буду дома уже через пару дней?

— Все хорошо?

— Да, — говорю я, потягивая остывший кофе. — Вчера на катке состоялось благотворительное шоу. Все прошло замечательно. В понедельник встречаюсь с адвокатом Брайса, чтобы выслушать его последнюю волю и завещание.

— О, ты еще этого не сделала?

— Неа. Заканчивала свою книгу и создавала этот хоккейный фонд. Полагаю, что бы ни было в его завещании, это добавит хлопот в мой огромный список дел, так что я тянула время.

— Хочешь, я приеду и помогу тебе? — предлагает она.

— Я справлюсь, мам.

— Ты же знаешь, я приеду, если нужно.

— Знаю.

На мгновение она замолкает, будто хочет что-то обсудить со мной.

— У тебя такой грустный голос, — говорит она, выдыхая.

— Я не грущу.

— О, дорогая, конечно же грустишь. Ты никогда не встречалась с братом. Этого достаточно, чтобы заставить кого-то грустить. Я знаю, как он был важен для тебя.

— Когда-то он был важен для меня, потому что в то время я была уродливым тринадцатилетним подростком с брекетами, вьющимися волосами и без друзей, и единственное, чего я хотела больше всего, это крутого старшего брата, потому что была убеждена, что это решит все мои проблемы.

— Я помню, как находила все те письма. — Она цокает языком, ее слова растворяются в тишине. — Ты написала ему сотни писем. Это было так мило.

— И что же с ними произошло?

— Я их отправила.

Я резко останавливаюсь, при этом мужчина, идущий позади меня, почти налетает на меня и, выругавшись, обходит.

— Ты отправила их... куда? — спрашиваю я.

— Брайсу.

— О, Боже. Когда?

— О, где-то пять или шесть лет назад. — Она хихикает.

— Зачем ты это сделала? — Клянусь, я люблю свою маму, но еще никогда я не встречала на этой планете человека, который бы совершал такие нелепые и необдуманные поступки.

— Это было после того, как его отец умер, — говорит она. — Я отправила ему письмо о тебе. Дала всю твою контактную информацию. Фото. Имя и дату рождения. Я написала ему, что у него есть сестра, и что он совершает огромную ошибку, не пуская тебя в свою жизнь. Я вложила туда твои письма, потому что чувствовала, что они отражали самый сложный период в твоей жизни, и хотела, чтобы он увидел, какое влияние оказывал на тебя.

Эти письма были написаны после того, как он впервые отверг меня. Некоторые были даже посвящены этому отказу. Но каждое письмо я всегда подписывалась так: *«Я все равно люблю тебя. Твоя сестра, Айла»*.

Должно быть, так он узнал мое полное имя и дату рождения, но это все еще не объясняло того, почему он оставил мне все деньги за свою страховку.

Мой взгляд затуманивается, и впервые в жизни мне кажется, что он, возможно, и не ненавидел меня так сильно, как я полагала.

Печаль оседает во мне тяжелым грузом, и мне все труднее и сложнее тащиться назад в квартиру Брайса, зная все это.

Мне нужно на некоторое время уехать из города, хотя бы на несколько дней.

— Я сообщу тебе насчет рейса, хорошо, мам? — говорю я, и мой палец замирает над красной кнопкой на экране телефона, когда я отодвигаю его от уха. Мой голос надламывается, и я не хочу, чтобы она это слышала. Я не жду ее ответа, поэтому заканчиваю разговор, возвращаюсь в квартиру и заказываю билет на ближайший рейс.

Я улетаю во вторник.

Глава 18

Pemm

— Хорошо провела выходные? — Я звоню Айле лишь в понедельник утром. После всего, что произошло в пятницу вечером, я решил дать ей немного времени побыть одной. Черт, мне оно тоже было нужно.

— Да.

— Развлекалась?

Я честно стараюсь. Пытаюсь проявить интерес к ее жизни, как она и просила, однако этим утром с ней невозможно разговаривать — надо клещами вытягивать каждое слово.

— Не совсем, — вздыхает она. — Просто работала.

— Не хочешь мне ничего рассказать? Ты кажешься расстроенной.

— Я упаковываю вещи.

— Куда ты едешь?

— Домой.

— Домой?

— В Лос-Анжелес, — уточняет она.

Я сажусь на диван и откидываюсь назад.

— Думал, ты живешь в городе.

— Я просто приехала в гости, — говорит она.

Рад слышать.

— Надолго? — спрашиваю я.

— Не уверена. Мне нужно позаботиться кое о чем. Я могу остаться до конца года. Все зависит от того, когда я закончу.

Теперь я почти сожалею о намеренной дистанции между нами, которую установил с самого начала. *Кто* эта женщина? Чем она

занимается? И почему, черт возьми, ни с того ни с сего стала такой отчужденной?

— Не хочешь позже приехать ко мне? — спрашиваю я.

— Я бы с удовольствием, но у меня встреча во второй половине дня, а утром я улетаю, — говорит она, и при этом слышно, как она застегивает замок на молнии.

— Тогда я приду к тебе.

— Нет, — отвечает она почти сразу. — В общем, мне нужно идти.

А теперь я заинтригован.

Глава 19

Айла

— Айла? — В понедельник днем ко мне из кабинета, протягивая правую руку, выходит темноволосый мужчина в костюме-тройке темно-серого цвета. Его запястье украшают золотые часы «Ролекс», а одеколон пахнет деньгами, но у него добрые глаза изумрудного цвета, которые он прищуривает, когда улыбается, поэтому я решаю не судить его по одежке. — Лиам Гринбриер. Приятно познакомиться. Заходите.

Пройдя по длинному коридору, украшенному картинами, мы заходим в кабинет через двойные двери цвета вишни, где он указывает на свой стол и предлагает мне присесть. На столе лежит бежевая папка, и когда он открывает ее, я вижу небольшую стопку документов.

— Примите мои соболезнования, — говорит Лиам, выражение его лица становится угрюмым, когда он просматривает документы. — Он был хорошим клиентом. Каждое Рождество дарил билеты на игры.

Любопытно. Значит, он был щедрым придурком.

— Не говорил много. Был немногословен, — говорит он. — Вы, наверное, уже это знаете. Что же, перейдем к делу. — Лиам протягивает несколько скрепленных документов. — Это ваша копия завещания вашего брата.

Я открываю первую страницу, все очень формально — печатный текст с двойным интервалом, полно юридических терминов. Это самое маленькое завещание, которое я когда-либо видела. Две, может, три страницы, включая перечень имущества на последней.

Я еще раз пробегаю по ним глазами, потому что у меня такое чувство, что на самом деле я не читала все это, а просто бездумно пялилась на документ, а затем замираю, когда нахожу свое имя и цифру рядом с ним.

Дрожащей рукой я прикрываю рот и смотрю на Лиаму.

— Он оставил это... мне? — спрашиваю я.

Лиам кивает.

— Здесь много нулей, — шепчу я, глядя на цифру снова и снова.
— Вы уверены?

— Сейчас речь идет только о ликвидных активах, — говорит он.
— Читайте до конца, там может быть еще больше.

— Больше? — смеюсь я. Это похоже на шутку. Это не может быть правдой.

Лиам прищуривается, словно считая меня сумасшедшей. Кажется, он чувствует себя неловко из-за моего поведения, но я не виновата в том, что так реагирую. Не каждый день кто-то бросает двадцать два миллиона долларов тебе на колени и говорит, что их может быть еще больше.

— Пара моментов, — говорит он. — Как вы видите, рядом с вашим именем написано сорок процентов.

— Хорошо.

Он переворачивает страницу, и я замечаю несколько строк, которые, должно быть, до этого пропустила.

О, Боже.

— Брайс выделил двадцать процентов своего имущества нескольким людям. Своему арендодателю. Физиотерапевту. Уборщице. И еще кое-кому. Сорок процентов он завещал другому человеку, — говорит Лиам. Я уже знаю, куда он клонит. — Мой секретарь пыталась с ним связаться в течение нескольких недель. Она оставила сообщения его помощнице, сказав, что дело касается завещания Брайса Реннера и не терпит отлагательств, но он пока не ответил.

— Что? — Мое сердце колотится в груди. Догадываюсь, что последует дальше.

— Вы не знакомы с Реттом Карсоном?

Я теряю дар речи.

Не знаю, как ответить на его вопрос, не выставив себя каким-то бессердечным, эгоистичным чудовищем, хотя, может, это сигнал к тому, что я уже давно должна была прекратить все это.

— Если вы знакомы, то, может, сможете связаться с ним? — спрашивает Лиам. — Я знаю, что произошло. И думаю, он не захочет иметь ничего общего с Брайсом, но на законных основаниях он имеет право на двадцать два миллиона долларов. Если откажется, то деньги достанутся вам, как ближайшей родственнице покойного.

— Не знаю, такая ли это хорошая идея, — говорю я, — связываться мне с ним.

Или получить еще двадцать два миллиона...

Лиам взмахивает рукой.

— Вы правы. Мне не следовало спрашивать. Я просто подумал, может, вы знаете друг друга лично. В любом случае, мы скоро отправим ему письмо, если уже этого не сделали. — Он садится в кресло, расстегивая пиджак. — О. И еще кое-что, пока не забыл.

Наклонившись к папке, он роется в бумагах и достает два белых конверта.

На одном из них написано мое имя, на другом — имя Ретта.

Он передает мне конверт с моим именем.

— В случае смерти Брайса нам было поручено передать каждому из вас эти письма.

Я беру конверт и прижимаю его к груди. Сама мысль о том, что мой брат сел с бумагой и ручкой и написал мне письмо, сокрушает меня, как ничто из того, что я когда-либо испытывала прежде. Мне требуется пара секунд, чтобы перевести дыхание и перебороть слезы, застилающие глаза.

Но я не могу сдержать их, хотя в то же время хочу улыбнуться. Лиам протягивает мне платок.

— Вот моя визитка. — Он извлекает карточку из блестящей серебристой подставки на столе и передвигает ее по деревянной поверхности стола. Я делаю глубокий вдох и кладу ее к письму от Брайса и бумагам, в которых написано, что теперь официально я мультимиллионер.

Я бы обменяла все это на шанс повернуть время вспять. Если бы я сумела это сделать, то могла бы встретиться с Брайсом... только бы он дал мне шанс.

— Скоро я свяжусь с вами для уточнения всех деталей, — говорит он. — Если планируете приобрести для себя недвижимость, я могу вам в этом помочь, хотя здесь написано, что вы из Калифорнии, поэтому, вероятно, захотите проконсультироваться с кем-то дома. Просто держите меня в курсе дел, и мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам в принятии решения.

— Спасибо.

Я встаю, собираю вещи и аккуратно складываю бумаги, прежде чем запихнуть их в сумочку. И только когда начинаю возиться с застежкой-молнией, понимаю, что меня трясет.

Лиам провожает меня к лифту, снова выражает соболезнования в связи с моей утратой и напоминает позвонить ему, если у меня появятся дополнительные вопросы.

Словно на автопилоте я выхожу на улицу, иду по тротуару.

Прохожу мимо кафе на углу.

А затем через весь город мчусь к Ретту.

Глава 20

Pemm

— Если хороший человек совершает плохой поступок, но при этом у него благие намерения, делает ли это его плохим? — спрашивает Айла, стоя по ту сторону двери моей квартиры. У нее остекленевший взгляд, и она покусывает внутреннюю сторону нижней губы. Прежде чем я успеваю ответить, она проталкивается мимо меня, заходит внутрь и бросает свою сумку на стол.

— И тебе привет.

— Просто ответь на мой вопрос.

Я почесываю подбородок, изучая ее.

Она что-то натворила. Я уверен в этом. Теперь понятно, почему она в последнее время отдалилась от меня и редко проводила со мной время. Но вопрос не в том, что она сделала, а в том, действительно ли я хочу это знать.

— Мне нужно больше информации, — говорю я.

Айла скрещивает руки на груди.

— Я не могу дать тебе больше информации.

— Тогда я не могу тебе ответить.

Она выдыхает, ее губы слегка надуваются, когда она опускает взгляд на мои ноги.

— Айла, расслабься. — Я подхожу к ней и скольжу руками вниз вдоль ее тела, а затем обхватываю талию и притягиваю к себе, пробуя ее губы на вкус, вдыхая нежный аромат. Когда внутри меня бушует буря, именно она становится моей тихой гаванью — как же мне этого не хватало. — Хочешь выпить?

— Сейчас три часа дня.

— Так хочешь или нет?

Она колеблется.

— Да.

Я подхожу к холодильнику и достаю для нее пиво, откручиваю крышку и бросаю в раковину, прежде чем передать ей бутылку. Она пьет его залпом, делая глоток за глотком.

— Давай сюда. — Выхватив пиво из ее руки, я отставляю его в сторону, а затем усаживаю Айлу на стол. Наши взгляды встречаются, она обхватывает мои бедра ногами, и, добравшись до пуговицы на ее джинсах, я стягиваю их по ее ногам.

— Мы не можем продолжать делать это, — говорит она.

— Делать что?

— Использовать секс как отвлечение.

— Но ведь в этом весь смысл. — Я просовываю ладонь в ее трусики, скользя пальцами между сладких складочек — она уже очень возбуждена. Боже, все, что мне нужно сделать, это посмотреть на нее, и она тут же становится мокрой. Это так чертовски сильно заводит.

— О, Боже, — произносит она, затаив дыхание, когда я погружаю в нее два пальца. Айла закрывает глаза и наклоняет голову набок, пока я двигаю пальцами внутрь и наружу. Опершись на мое плечо, она прижимается ко мне всем телом.

— Так я и думал.

Я стягиваю с нее трусики, и, раздвинув бедра, не могу отвести взгляда от великолепной киски. Мне ничего не остается, как впиться в нее губами, пробуя на вкус. Сначала нежно и осторожно, затем более настойчиво. Я скольжу в нее пальцем, лаская языком складочки, а затем совершаю круговые движения над ее жаждущим клитором.

Айла откидывается назад, опираясь на локти и запрокидывая голову. Я ласкаю ее киску, покусываю зубами ее губки и оттягиваю их, чередуя безумство с нежностью, мягкость с жесткостью, то ускоряясь, то замедляясь. Я мог бы делать это вечно, и когда слышу, как ее дыхание становится прерывистым, ускоряю темп. Когда она протягивает руку к моим волосам и сжимает их в кулак, двигает бедрами, все настойчивее и настойчивее требуя разрядки, я понимаю, что она близка к финалу.

— Кончай, — шепчу я, обжигая своим дыханием ее киску. — Не сдерживай себя.

Когда я глубже проникаю пальцами внутрь нее, сгибая их и касаясь точки G, она приподнимает бедра и напрягается всем телом, и в это же время я ощущаю ее вкус на своем языке.

Перед тем, как кончить, Айла начинает стонать и тянуть меня за волосы. Когда все заканчивается, она становится вялой и безжизненной, ее тело как будто растекается на холодном мраморном кухонном столе. Она выглядит, как удовлетворенная кошка.

Я даю ей минутку, а затем помогаю слезть со стола, и, шатаясь, она натягивает на себя трусики и джинсы.

Придвинув к ней пиво, я направляюсь к холодильнику и беру пиво для себя. Мне бы хотелось, чтобы Айла вернула должок, потому что у меня каменный стояк, но она выглядит немного выбитой из колеи.

Взобравшись на один из барных стульев, она делает небольшой глоток, нервно бросая взгляд то на меня, то на бутылку перед ней.

— Что? — спрашиваю я.

— Я просто подумала... — ее голос затихает. — Мне будет этого не хватать.

— Конечно. Это же, черт возьми, потрясающе. — Я открываю пиво.

— Я имею в виду не только секс, — говорит она. — А... не знаю. Не знаю, как сказать, чтобы это не прозвучало так, будто бы я влюблена в тебя или типа того.

Мое сердце замирает, и наши взгляды встречаются. Она не должна была этого говорить. Зачем она сказала это?

Она поднимает руки, обороняясь.

— Пойми меня правильно, я *не* влюблена в тебя. То есть, когда-нибудь мне будет не хватать *этого*. Я буду скучать по тому, что у нас было, и, может, даже по тому, чего у нас никогда не будет.

— А что у нас было? — с издевкой спрашиваю я. — Айла, у нас *ничего нет*. Секс. И только секс.

— Ты меня неправильно понял.

— Кто ты, черт возьми? — Я хмурюсь и делаю еще один глоток. Сейчас мне это просто необходимо. — В последнее время ты изменилась.

— Разве ты не видишь, как это печально, что, несмотря на то, что между нами есть химия и в физическом плане нам так здорово вместе, мы не можем даже общаться как два нормальных человека? — спрашивает она. — Каждый раз, когда я пытаюсь поговорить о чем-то более личном, ты закрываешься. Меняешь тему.

— Не замечал. — Я делаю еще один глоток.

Айла прижимает руку к груди.

— Ты так закрыт. Так холоден. Эмоционально отстранен. И я беспокоюсь за тебя.

— Не трать время впустую. Со мной все будет в порядке.

— Будет? — спрашивает она.

Я не отвечаю.

— Может, ты не хочешь быть счастливым со мной, — говорит она. — Может, ты *ничего* не хочешь со мной, хотя, может быть, так будет правильно. Ты и не должен. В любом случае, мы не подходим друг другу, и ты даже не можешь себе представить насколько. А все потому, что ты не даешь мне шанса даже рассказать о себе, но я отвлеклась.

Я закатываю глаза.

— Понятия не имею, о чем ты.

— В этом и вся проблема. — Она встает со стула и, подойдя ко мне, прижимает свою нежную ладонь к моей напряженной челюсти. — Я просто надеюсь, что когда-нибудь ты найдешь то, что тебе нужно.

— Ты говоришь, как моя... — Я замолкаю, воздерживаясь от упоминания об Ирене, потому что тогда Айла начнет задавать вопросы, а я не хочу ничего ей объяснять.

— Ты боишься, что будет больно? — спрашивает она.

— Боюсь? — Я усмехаюсь, прежде чем сделать еще один глоток, а затем разрываю незримую связь, которая установилась между нами некоторое время назад, и направляюсь к дивану в гостиной. Она

следует за мной. — Подожди-ка. Ты приходишь ко мне домой, ведешь себя очень странно, а теперь обвиняешь во всем меня. Сделай одолжение и избавь меня от психоанализа, потому что так ты только потратишь свое время впустую.

— Я не пытаюсь этого делать. Просто хочу... — Айла замолкает, усаживаясь на диван рядом со мной. Она так близко, что если бы захотела, то могла бы прикоснуться ко мне, но она держит руки при себе и только смотрит на меня сочувствующим взглядом.

Теперь все начинает обретать смысл. Она увидела фотографии Дамианы и, вероятно, взяла на себя обязательство провести небольшое расследование. Уверен, она сделала какой-то вывод, который весьма далек от истины.

— Итак, ты прочитала несколько статей обо мне и теперь считаешь, что знаешь все. — Я выдыхаю, глядя на холодный камин. — И вдобавок ко всему, теперь тебе еще и жаль меня.

— Эта информация находится в свободном доступе, но нет, я ничего не искала о тебе, — говорит она. — И мне не жалко тебя, Ретт.

— Хорошо. Значит, нас двое.

— То, что с тобой произошло, это не мое дело, и я уверена, что ты используешь меня, чтобы отвлечься от своих подлинных эмоций, — произносит она. — Но меня беспокоит другое: мы не можем поговорить с тобой по-настоящему. Это все, что я пытаюсь сказать.

— Как для писателя, тебе потребовалось довольно много времени, чтобы все это объяснить, — говорю я раздраженно.

— Ты лишаешь меня способности говорить связно. И иногда, когда я рядом с тобой, мои мысли вообще бессвязны, — говорит она. — Вдобавок ко всему, мне всегда кажется, что я хожу возле тебя на цыпочках, будто вот-вот скажу что-то не то, что полностью перевернет эти странные отношения.

— Странные отношения? Мы трахаемся. И все. Не пытайся превратить это во что-то большее.

Она облизывает губы, выдыхая.

— Мы это уже проходили, Ретт. Между нами что-то другое, и неважно, признаем мы это или нет.

Я закатываю глаза, поднимаюсь с дивана и направляюсь к

огромному окну от пола до потолка.

— Ты хочешь, чтобы это было чем-то другим, — говорю я, и это не вопрос. — Вот в чем дело.

Через секунду она уже стоит позади меня, положив руку на мое плечо, едва касаясь.

— Нет. И я не ожидаю, что ты этому поверишь. Я просто действительно хочу разговаривать с тобой, потому что ты мне нравишься. И не думай, будто я хочу, чтобы ты был моим парнем или кем-то еще. То есть...

Она громко вздыхает и убирает руку с моей спины. Я поворачиваюсь к ней.

— Может, я рискую показаться идиоткой, но мне не многие нравятся, Ретт. Вся моя жизнь была чередой разочарований, — говорит она. — Я часто себя напрасно обнадеживаю. Раньше так было. Слишком много раз я отдавала свое счастье в руки другого человека только для того, чтобы в итоге разочароваться. Но ты? Ты держал свое слово с того момента, как мы встретились. Знаешь, какая это редкость? Поэтому ты мне нравишься.

— Отлично. — Мой голос даже не дрогнул. — Но к чему ты клонишь?

— Я тебе нравлюсь, Ретт? — спрашивает она.

Я делаю небольшой шаг назад, хмурия брови.

— В любом качестве, — говорит она, — я тебе нравлюсь?

— Не понимаю, какое отношение твой вопрос имеет к тому, о чем мы говорим.

— Ты хочешь видеть меня все время, — говорит она. — Постоянно звонишь. Требуешь мое тело при каждом удобном случае. Но иногда, то, как ты смотришь на меня... как прикасаешься, когда я лежу в твоей постели... смущает меня. Думаю, ты хочешь полюбить меня, Ретт. Но не думаю, что позволишь себе это. И поэтому ты так закрыт. Если вступишь меня в свою жизнь, то можешь влюбиться, а это пугает тебя. Но знаешь что? Я не позволю тебе влюбиться в меня. Потому что точно так же напугана из-за того, что могу полюбить тебя.

Ее признание на некоторое время выкачивает воздух из комнаты.

Влюбленность никогда не была частью этого соглашения.

— Меня устраивают наши отношения, — говорю я. — Я не хочу ничего менять.

— Потому что боишься, что я могу тебе понравиться, и боишься, что я могу причинить тебе боль.

— Я ничего не боюсь. Просто не хочу менять наше соглашение. Не знаю, почему это так сложно понять.

Айла поднимает руки в воздух, сжимая их в кулаки, прежде чем пойти на кухню. У нее со мной ничего не выйдет, и она расстроена, но так оно и должно быть.

— Куда ты? — спрашиваю я, следуя за ней.

Она хватается сумку с кухонного стола.

— Домой.

— Значит, это конец?

Это все из-за того, что я не собираюсь открываться перед ней? Скатертью, блядь, дорога.

Айла поворачивается ко мне, смахивая темные волосы с лица и слегка задрав нос.

— Да, Ретт. Наверное, это конец.

Она отворачивается от меня, и удаляется все дальше и дальше. Все это кажется нереальным, пока она не открывает дверь и не исчезает за ней, и через мгновение после того, как дверь за ее спиной захлопывается, в моей груди неожиданно образовывается отверстие размером с пушечное ядро.

Я сажусь за кухонный стол, чтобы прийти в себя. Не ожидал, что хоть что-то почувствую. Я даже и не думал, что она мне нравилась. Черт, я знал, что мне нравится проводить с ней время. Нравятся ее губы. Ее тело. Нравится соблазнительная улыбка на ее лице, которая казалась волшебной каждый раз, когда я открывал дверь. Мне нравится, что она не тратит время на ерунду и сразу бросается в мои объятия, и то, как ее тело тает в моих руках, лишь от одних прикосновений. Мне нравится ее запах — она пахнет, как свежее мыло, иногда как сладкий миндаль. Мне нравится ее бархатный, мягкий, успокаивающий голос, нежный и беззаботный смех.

Черт возьми.

Кажется, она мне и вправду нравится.

Глава 21

Айла

Мне ни за что на свете не нужно было читать его письмо, находясь в летящем в Лос-Анджелес самолете.

Айла.

Если ты читаешь это письмо, значит, мы с тобой так и не встретились. И за это я не буду извиняться. Но прежде, чем скомкаешь его и выбросишь в мусорную корзину, где, вероятнее всего, ему и место, выслушай меня.

Мне было девять лет, когда отец сказал маме, что изменил ей. Я слышал их разговор, так как они находились в соседней комнате. Она только закончила свой последний сеанс химиотерапии, и врачи говорили, что все в порядке. Понимаешь, она была больна все мое детство, но ее желание следить за тем, как я расту, заставляло ее бороться за жизнь. Это, а также огромная любовь к моему отвратительному отцу. Поправка, нашему отвратительному отцу. Через стены мне было слышно, как она плакала всю ночь. Ночь превратилась в дни. Дни в недели. Прошли месяцы, а я все равно слышал ее плач, когда она думала, что никто не слышит. Ты когда-нибудь слышала, как плачет твоя мать? Сталкивалась ли с чувством беспомощности, когда человека, которого ты любишь больше всего на свете, сильно обидели, а ты не можешь ему ничем помочь?

Во всяком случае, после этого признания она смотрела на него иначе. Улыбка исчезла с лица, взгляд стал тусклым и унылым. Через некоторое время я позабыл, как звучал ее смех, какими были ее объятия. Она стала тенью самой себя, но все еще оставалась с отцом, потому что знала, что никогда не полюбит другого мужчину даже наполовину так же, как любила его.

Шли годы. Ей становилось все лучше, но она еще не стала прежней. Но как-то утром ты прислала сообщение в «Фейсбук». Я прочитал его, и, когда увидел автобус, выезжающий из-за угла, в

спешке оставил компьютер включенным. Придя домой, я все понял. Понял, что моя мать тоже прочитала его. И с того момента все изменилось.

До того дня мы и не догадывались о твоём существовании.

Вскоре после этого случая у неё случился рецидив. Сейчас-то я понимаю, что это было всего лишь совпадение, но с того дня её желание жить уменьшилось в разы. На этот раз у неё не было ради чего сражаться. Она все время спала, а если не спала, то плакала. Мой отец был измотан, пытаясь сделать все для неё, но ничего не получалось. Ей было плевать на его слова или клятвы стать тем мужчиной, которого она заслуживала. Ничто не могло предотвратить неизбежное.

Мне было шестнадцать, когда она умерла.

И я ненавидел тебя.

Ненавидел то, что ты из себя представляла.

Я не хотел иметь ничего общего с тобой, твоей матерью или чем-то, что связано с прошлым моего отца. Из-за чувства солидарности со своей матерью, я поклялся, что никогда не признаю тебя и не люблю.

Для меня ты была не сестрой.

Ты была воплощением того, что уничтожило желание жить у моей матери, и именно поэтому я дал себе слово, что никогда не прощу тебя.

Может, это кажется легкомысленным. Иррациональным. Но мне было шестнадцать лет, и впереди меня ждало будущее, в котором никогда не будет мамы, и от этого мне было так больно, что не выразить словами.

Но мой отец — наш отец — умер несколько лет назад (обширный инфаркт — он умер в одиночестве во сне, если тебе интересно), и, вернувшись на следующий день после его похорон домой, я получил посылку с письмами. Все они были нацарапаны розовой гелевой ручкой, девчачьим почерком. Я прочитал их все, а также записку, которую приложила твоя мать.

Я все еще ненавидел тебя. Но потом мне стало тебя жаль. Ты идеализировала меня в того, кем хотела, чтобы я был. И позволь мне

сказать, я не был тем парнем.

Я был далек от него.

Это будет трудно понять, но многие годы я ненавидел тебя и то, что ты собой представляла, и хотя это может показаться несправедливым или неразумным, но часть меня все еще продолжает ненавидеть тебя. Я чувствую себя ограбленным, и уверен, что ты тоже. Я пытаюсь, но не могу забыть это. Пока нет. Раны еще слишком свежи.

Сейчас, когда я пишу это, мне двадцать четыре. И кто знает? Может быть, ты никогда не увидишь этого письма. Может, я приду в себя через двадцать лет, и, когда оглянусь назад на всю свою прожитую жизнь, пойму, что так и не увидел свою младшую сестренку.

Но что, если я этого не сделаю? Что, если мы никогда не встретимся? Знай, все к лучшему.

Ну а если мне будет сорок четыре, и я все еще не переживу это, то тебе лучше будет без меня.

Я нехороший человек, Айла. Жестокий и противоречивый. У меня много знакомых, но только один близкий друг, потому что он единственный человек, который терпит меня, потому что так же испорчен, как и я.

Я натворил много плохих дел. Я эгоист. Я всю жизнь прожил в оцепенении, так что теперь причиняю людям боль, чтобы хоть что-то почувствовать.

Я не горжусь тем, кем стал.

Но поверь, будет лучше, если мы не встретимся, потому что я, скорее всего, испортил бы и это. Я бы причинил тебе боль. Наговорил гадостей. Я бы тебя подвел.

Кстати, я несколько раз просматривал твою страничку в социальных сетях. Ты кажешься действительно умной и забавной, у тебя были хорошие друзья в старшей школе, и ты поступила в действительно хороший колледж. Этот твой парень — Этан — тот, у которого были очки и узкие джинсы, не заслуживает тебя, и ты достойна лучшего, чем этот хипстер. Я был счастлив, когда ты его бросила. Ты пишешь. Я знаю, потому что нашел твой блог. И ты чертовски хороша в этом. Тебе нужно знать, что, хотя мы не

похожи друг на друга, у нас очень схожа мимика. И у нас обоих одинаковые уши.

Поэтому, если ты читаешь это сейчас, значит, мы так никогда и не встретились, и мне важно, чтобы ты верила мне, когда я говорю, что это было к лучшему. И пока я все еще пытаюсь справиться со своими чувствами, просто хочу, чтобы ты знала, что я, так или иначе, люблю тебя.

Мне просто нужно немного больше времени.

Твой брат, Брайс

P.S. Уверен, ты хочешь побольше узнать о своем отце, ведь больше всего на свете тебе хотелось встретиться с этим кретином. Я вложил несколько фотографий, чтобы ты могла посмотреть, как он выглядел, и подписал их. Не буду восхвалять или идеализировать его. Не буду приукрашивать его заслуги. Он был эгоистичным мудаком. Много пил и курил, как паровоз. Он проиграл свои пенсионные сбережения в казино и просрал деньги на мое обучение в колледже на новенький «Корвет», который разбил в хлам в первый же месяц. Он не плакал на похоронах моей матери, женился и разводился еще два раза после ее смерти. Даже не знаю, любил ли он вообще хоть кого-нибудь по-настоящему.

Аккуратно сложив письмо, я кладу его в сумочку и всматриваюсь в крошечное овальное окно слева от себя, когда самолет проносится сквозь пористые облака. Мою грудь сдавливает, глаза горят — такое ощущение, будто вскрыли рану.

Но оно скоро проходит. Сначала ты — это зияющая рваная рана, и ты чувствуешь всю ту боль, которую она с собой несет, но затем исцеляешься.

* * *

Отперев ключами замок своей квартиры, я сначала просовываю голову внутрь, чтобы внезапно не застать врасплох Вивьен и

Фернандо. В квартире тихо, можно расслышать лишь звуки включенного телевизора из комнаты Вив.

— Эй? — кричу я.

На спинке одного из стульев в гостиной висит бюстгальтер, что меня не удивляет. Зайдя в комнату, в которой ничего не изменилось после моего отъезда неделю назад, я сразу же переодеваюсь. Надоело носить одну и ту же одежду изо дня в день.

Даже не знаю, как долго пробуду в городе и когда вернусь назад. У меня запланировано несколько встреч, касающихся имущества Брайса, к тому же, нужно все упаковать в его квартире и отправить на хранение, но после этого мне следует покончить со всем. Покончить с Нью-Йорком.

С Реттом все уже кончено.

Я не горжусь тем, как с ним порвала. Может, мне следовало сказать правду, и все бы разлетелось вдребезги, но тогда мне показалось, что намного проще притвориться, будто я хочу большего от нашей маленькой договоренности. Это всегда самый простой способ отшить мужчину.

К тому же, я знаю, что нравлюсь ему. Знаю. Чувствую. Вижу это. Он может отрицать все, что угодно, но он начал влюбляться в меня.

А я в него.

— Эй! — Вивиан врывается в мою комнату и обнимает меня. — О, Боже! Не могу поверить, что ты дома. Я так соскучилась.

Я обнимаю ее.

— Ты ведешь себя так, будто меня не было здесь целую вечность.

Она закатывает глаза.

— Когда ты привык видеть человека каждый день в течение нескольких месяцев, то начинаешь скучать по нему, когда его нет.

Платиновые волосы Вив заколоты на макушке, на ней нет лифчика. Должно быть, он у нее единственный и весит на стуле в другой комнате. Она садится на середину моей кровати и скрещивает ноги, наблюдая за тем, как я распаковываю сумку.

— В Нью-Йорке все отлично? — Она покусывает нижнюю губу,

широко раскрыв свои голубые глаза.

— Да. — Я выдавливаю из себя улыбку. Мне хочется рассказать ей обо всем, но я измучена, и у меня нет ни сил, ни энергии. Я целый день пробыла в дороге, и просто хочу поспать. К тому же, мама может позвонить в любую минуту, чтобы убедиться, что я приземлилась, и через два часа мне нужно заехать за ней, чтобы вместе поужинать.

— Я говорила, что «Парамаунт» выбрали мой сценарий? — спрашивает она, сжимая руки. *(Примеч.: Парамаунт Пикчерз Корпорэйшен — американская компания, которая занимается созданием и распространением фильмов).*

— Что?! Нет! Вив, это отличная новость. Боже мой! — Я прикрываю рот ладонями. Вив — безумно талантливый сценарист, и они с Фернандо — потрясающая команда. Они возглавляли несколько проектов, и он работает штатным сценаристом сериала с элементами ужасов, который сейчас очень популярен в Голливуде.

— И я собиралась сказать тебе... — Она прижимает палец к губам. — Мы с Фернандо хотим взять в аренду дом на Холмах.

Она изучает мое лицо, ожидая увидеть разочарование, но его нет. Эти двое были вместе в течение многих лет, и вообще он практически живет здесь. Наша квартира тесновата для двоих человек, что уж говорить о троих. Кроме того, Вив очень много работала и заслужила того, чтобы жить в роскошном доме с оградой и воротами, охраной и крытым бассейном.

— Это замечательно, Вив, — говорю я.

Она улыбается.

— Думаешь?

Я киваю.

— Я подумываю о том, чтобы подыскать дом или что-то типа того.

Уголки ее губ дергаются. Она знает, что я — писатель, у которого в жизни бывают черные полосы. Были времена, когда я влезала в долги, чтобы оплатить свою часть арендной платы, стирала белье, выполняла некоторые поручения и работала на дому. Работа внештатным писателем — не самый надежный источник стабильного

дохода.

— Уверена, что с тобой все будет хорошо? — Вив наклоняет голову набок.

— Да. — Решительно отвечаю я и бросаю грязную футболку в корзину. — Пожалуйста, не беспокойся обо мне. Со мной все будет в порядке. Обещаю.

— Привет, — говорит Фернандо с порога. Футболка с V-образным вырезом облегает его мускулистое тело, а темные волосы влажные, будто он только вышел из душа. Он улыбается, показывая свои ямочки и большие зубы, и кивает мне в знак приветствия.

— Посмотрите-ка, кто вернулся. Скучала по нам?

— Я приехала только на неделю, потом возвращаюсь обратно, — говорю я. — И да, я скучала по вам. Поздравляю со сценарием.

— Спасибо! — Он улыбается от уха до уха, его глаза блестят. Как писатель, я узнаю это чувство — кто-то посчитал твою работу достойной и интересной. Это дарит уверенность и уносит на седьмое небо во много раз сильнее, чем морфин.

— Хочешь сегодня вечером прогуляться с нами? — предлагает Вив.

— Сегодня я встречаюсь с мамой, — говорю я.

Вив выдыхает, поднимается с моей кровати и подходит к своему мужчине. Она берет его за руку, а вторую руку кладет ему на бедро, и он наклоняется, чтобы поцеловать ее в лоб. Я никогда не встречала людей, которые бы так идеально подходили друг другу. Они на одной волне. Созданы друг для друга. Даже профессии у них одинаковые. Это так естественно, что иногда пугает.

У него есть она. У нее — он.

Порой они не спят всю ночь, просто разговаривают.

И он слушает ее, ловит каждое слово, будто это самое важное, что он когда-либо слышал, даже если она говорит о рецептах гуакамоле или о новой сумочке, которую хочет купить. В последнее время, например, он обучал ее испанскому языку.

Я вздыхаю.

Мне хочется того же. Хочу так же привязаться к кому-то и

испытать эту несокрушимую, безраздельную, непринужденную любовь.

Вив и Фернандо выходят из моей комнаты, закрывая за собой дверь, и я заканчиваю распаковывать вещи. Телефон жужжит в сумочке, и мысли тут же возвращаются к Ретту, и только потом я вспоминаю, что это не может быть он.

Я думаю о нем, представляя, что он делает сейчас, в эту секунду. Думаю о том, что бы мы делали, если бы я была все еще там и не поступила, как вчера. И тогда мне становится интересно, думает ли он обо мне, скучает ли так же, как скучаю по нему я.

Взяв телефон, я ввожу пароль и проверю сообщения.

Мама: *Пожалуйста, позвони, как приземлишься.*

Я тут же отправляю ей ответ, подтверждающий наши планы на сегодня, а затем перечитываю старые сообщения от Ретта. Непреодолимое иррациональное желание написать ему накрывает меня, и пальцы сами начинают набирать сообщение.

Но я останавливаюсь, удаляя эти слова, будто никогда их и не писала.

Между нами все кончено.

Мы не можем продолжать и дальше обманывать друг друга.

Ведь, как только он узнает правду, все равно не захочет иметь со мной ничего общего.

Глава 22

Pemm

Она не моя девушка.

Я вздыхаю, копаясь в своем телефоне и перечитывая старые сообщения от Айлы.

Прошла неделя с тех пор, как она уехала домой, и, честно говоря, я даже не знаю, когда она вернется. И вернется ли вообще. Я не спрашивал об этом. Не хотел, чтобы она знала, что меня это волнует, потому что, черт возьми, меня это волнует.

Но я не хочу, чтобы волновало.

Не хочу.

Может, какая-то часть меня чувствует вину за то, что я не заперся в квартире, оплакивая Дамиану. Говорят, время лечит раны, но мне кажется, оно исцеляет их быстрее, когда все твоё время, энергия и мысли сосредоточены на чем-то абсолютно другом. И тогда в один прекрасный день ты понимаешь, что раны заживают, оставляя после себя небольшие шрамы, которые можно ощутить кончиками пальцев.

Айла — это мазь, которая притупляет боль, затягивает и исцеляет рану.

И я нашел кучу оправданий тому, что позволил ей уйти.

Она ушла, а я даже не попытался ее остановить. Вместо этого только всячески оправдывал свой поступок.

И теперь пожинаю плоды всего этого уже гребаных семь дней.

Просматривая наши сообщения, я ухмыляюсь, читая некоторые ее саркастичные шутки. Вдыхая, я представляю себе, что ощущаю аромат сладкого миндального лосьона, которым от нее пахло в последний раз, когда я ее видел, и представляю нежность ее бархатной кожи под кончиками своих пальцев.

Когда телефон начинает вибрировать и на экране появляется ее имя, мне кажется, что у меня галлюцинации.

— Ты дома? — спрашивает Айла на другом конце линии, не дав мне возможности поздороваться.

— Да.

Она бросает трубку, оставляя меня в замешательстве. Я перезваниваю ей, когда в дверь раздается стук.

— Не могла перестать думать о тебе, — говорит она, затаив дыхание, когда я открываю дверь. Она обнимает меня за шею, прижимается своими губами к моим, и, спотыкаясь, мы пятимся назад.

Схватив за попку, я приподнимаю Айлу, и она обхватывает меня ногами, когда я несу ее в спальню. Неделя без нее была слишком длинной, и я не трачу впустую ни одной гребаной секунды.

— Я пыталась, — шепчет она мне в губы. — Все семь дней.

Она целует меня еще настойчивее.

— Не могла выкинуть тебя из головы, — говорит она со вздохом, снова прильнув к моим губам.

Я не говорю ей, как рад ее видеть, как рад прикоснуться к ней. Вместо этого несу в спальню и кладу на кровать, срывая нашу одежду, пока мы не становимся абсолютно голыми и запыхавшимися.

— Боже, я так скучал по тебе, — говорю я, когда нависаю над ней, проводя руками по внутренней стороне ее бедер и раздвигая их. И только когда наши взгляды встречаются, я понимаю, что сказал. Я не сказал, что скучал по *этому*... Я сказал, что скучал по *ней*. Прижавшись пульсирующим членом к ее сладкой сердцевине, дразня ее, я ловлю себя на мысли, что хочу трахнуть ее так, чтобы она не смогла ходить прямо. Это ей за то, что она была вдали от меня в течение семи мучительных, вытрахавших мне все мозги дней. Схватив за плечи и крепко прижавшись к ней, я обрушиваюсь на ее губы поцелуем.

— Больше так не делай.

— Что не делать?

— Не уходи от меня, — говорю я.

— А как я должна была поступить? Ты не дал мне выбора, — отвечает она, обнимая меня за шею и проводя пальцами по моим

волосам. Наши бедра крепко прижаты друг к другу, одно неверное движение, и я буду глубоко внутри нее, неспособный и не желающий останавливаться, пока мы оба не кончим. — Я хотела держаться подальше от тебя, Ретт. Поверь мне.

Втягиваю губы Айлы своими и улавливаю легкий аромат ее возбуждения.

— Не могу заниматься с тобой сексом, — говорит она едва слышно. — Ты мне очень нравишься.

Я обхватываю ее левую грудь, прильнув губами к розовому бутону и перекаत्याвая его между зубами.

— Не хочу тебя любить, — говорит она. — Нет.

— Я тоже не хочу тебя любить, — говорю я, лаская языком ее сосок.

— Значит, ты признаешь это. — Ее губы растягиваются в кривой улыбке. — Я тебе нравлюсь.

Слова повисают в воздухе, когда я с силой вдавливаюсь своими бедрами в нее, а затем произношу их:

— Да. Ты мне нравишься, Айла.

Она скользит руками по моим бедрам, крепко обхватывает зад, извиваясь подо мной.

— Бога ради, Ретт, я на таблетках. Просто трахни меня. — Ее мольба нетерпелива и поспешна. — Я просто хочу снова почувствовать тебя внутри.

Мой член становится еще тверже, если это вообще возможно, и, взявшись за основание, я направляю его в нее. Я вхожу глубоко и резко, так, что она охает, и ее ногти вонзаются в мою плоть, будто ей больно и приятно одновременно.

— Ты такая влажная, — стону я ей в ухо и утыкаюсь лицом в изгиб ее шеи, когда вонзаюсь еще глубже. Чем быстрее я двигаюсь, тем сильнее она обхватывает меня, ее бедра широко разведены. — И ты такая узкая. Боже, такая тугая. Ты скучала по этому?

Она кивает, замуривается и прижимается губами к моим, перед тем как я прокладываю дорожку из поцелуев вниз по ее шее. Все, что касается Айлы, опьяняет, вызывает привыкание. Кончиками пальцев

она скользит по моей спине, а потом замирает подо мной, закинув на меня ноги. Когда она открывает глаза, мы оба останавливаемся, внезапно осознав, что у нас в запасе еще полно времени — или, по крайней мере, так нам кажется.

Все изменилось после того, как мы признались друг другу в своих чувствах. В этом есть сила, управляющая нашим сознанием. Я этого не ожидал, но сейчас понимаю.

— Я должен тебе кое-что сказать, — говорю я.

Она широко распахивает глаза, и, когда моргает, ресницы касаются ее щек.

— Что?

— Не знаю, хороший ли я для тебя вариант в плане построения отношений, — говорю я, ощущая гнетущую тишину между нами. — Но я хочу попробовать. После того, как ты кинула меня на прошлой неделе, я не хочу никогда снова чувствовать то, что чувствовал все это время.

Она протягивает руку к моему лицу, проводит ею по щеке и просто кивает.

— Я должна тебе кое-что сказать.

Голос Айлы низкий, глубокий, и ее взгляд сосредоточен на мне. Она убирает прядь волос за ухо, но они снова выбиваются.

— Может, это подождет?

Я переворачиваюсь на спину, потянув ее за собой, и наблюдаю за тем, как она, оседлав меня, направляет мой возбужденный член внутрь. Ее бедра дрожат, и она собирает одеяла вокруг нас, когда кондиционер начинает работать, но мне нравится, как прохладный воздух влияет на ее кожу и отпечатки моих рук остаются в местах, где я прикасаюсь к ней. Обхватываю ладонями ее бедра, управляя движениями, пока она скачет на мне. В этот момент она выглядит такой красивой, купаясь в лучах вечернего солнца. Ее лицо скрыто волосами, когда она вдыхает мой запах и похотливо улыбается.

— Ретт, ты дома? — Мужской голос, следом за которым слышится хлопок входной двери, сметает Айлу с меня, и она тут же с ног до головы укутывается в одеяло.

— Кто это, черт возьми? — шепчет она, покраснев.

— Мой брат. — Я не пытаюсь скрыть досаду в голосе. Выбравшись из постели, я надеваю шорты и натягиваю футболку, прежде чем отправиться в гостиную.

Развалившись на диване, мой брат пялится на экран своего телефона и просматривает свою страничку на сайте знакомств — на том самом сайте, что он разработал и продал в многомиллионной сделке восемь месяцев назад.

— Ты когда-нибудь слышал о звонках?

Локк машет мне, затем блокирует экран телефона и засовывает его в карман.

— Я только приехал в город, — говорит он. Я не видел его с похорон Дамианы в прошлом месяце, и даже тогда меня смутило то, что он вообще появился. Он никогда не звонит и не пишет, и обычно появляется без предупреждения. Иногда он остается на ночь или две, иногда на месяц. — Неужели ты не рад меня видеть?

Он поднимается и дает мне пять.

— Ты же скучал по мне, — говорит он, сверкая ослепительной улыбкой, такой же, как и бриллианты, которые красуются на часах на его левой руке. Его темные волосы выбриты по бокам, а сверху длинные, а дорогие джинсы выходят за рамки нашего воспитания.

— Я не один, — говорю я.

Улыбка исчезает с его лица, а взгляд перемещается на что-то вдалеке.

Я поворачиваюсь и вижу Айлу, которая прислонилась к стене, полностью одетая и, к сожалению, лишенная моего семени.

Проклятье, Локк.

— Я уже ухожу, — говорит она, плавно пересекая комнату и направляясь к месту, где на полу у входа лежит ее сумка, туда, где она уронила ее за секунду до того, как набросилась на меня.

— Айла, тебе не обязательно уходить, — говорю я ей.

— Да, не уходи только из-за меня, — говорит Локк.

— Мне все равно нужно закончить распаковывать вещи. — Она небрежно улыбается, обувает туфли и заводит пряди волос за уши.

Я подхожу к ней и тихонько произношу:

— Не знаю, как долго он останется у меня, так что в следующий раз, возможно, придется идти к тебе.

Глава 23

Айла

Этот мужчина.

Большую часть времени в Лос-Анджелесе я потратила на размышления о Ретте. Это уже переходило во что-то похожее на *одержимость*. Я никогда не встречала мужчину, который столько бы для меня значил, и ни с кем больше не испытывала то чувство эйфории, которое ощущала, находясь рядом с ним.

Спустя несколько бессонных ночей я осознала: то, что у нас есть... что бы это ни было... это по-настоящему. Мне не могло это присниться. Ведь тогда, если бы меня ущипнули, я бы ничего не почувствовала. С Реттом я испытывала всю палитру чувств: зияющую пустоту внутри, когда я ушла от него, горькую тоску, когда понимала, что не могу написать ему смс, тепло, когда вспоминала, как он был внутри меня, и выброс адреналина, когда думала о еще одной встрече с ним.

И только когда вернулась в Нью-Йорк, когда стюардессы готовили самолет к посадке, я приняла решение.

Я снова увижусь с ним.

И открою ему всю правду.

Но сначала расскажу о своих чувствах.

Так я и сделала. Я поехала к нему. Сказала, что он мне нравится, и, как я и подозревала, он признался, что тоже начинает влюбляться в меня. Если он будет знать о моих чувствах — о том, что действительно мне небезразличен, — может, тогда поймет, почему мне пришлось так поступить, когда я, наконец, признаюсь во всем.

И в следующий раз я не позволю ему заговорить мне зубы. Не буду ходить вокруг да около. А просто скажу: «Я сестра Брайса. И я все знала о тебе с самого начала». Как-то так.

В среду утром на мой телефон приходит первая смска.

Ретт: Где ты живешь?

Мое сердце пропускает удар, кровь стынет в жилах. Слишком рано. Мне нужно чуть больше времени. У меня есть план, и это точно, черт возьми, не является его частью.

Я: Чем занимаешься?

И это не простое любопытство. Так я пытаюсь выиграть время.

Ретт: Только закончил тренировку. Хотел принести тебе кофе. Ведь так поступают, когда тебе кто-то нравится, верно?

Я: Сегодня я уже пила кофе. Спасибо, что предложил.

Я бью себя кулаком по лбу. Какая же я плохая лгунья.

Ретт: Тогда я принесу тебе что-нибудь другое. Просто скажи, где живешь.

Я не отвечаю сразу. Откинув одеяло, начинаю прибираться в комнате для гостей, но затем останавливаюсь. Что я делаю? Он не может прийти сюда. Мои щеки горят, подмышки потеют — явные признаки того, что я нервничаю.

Ретт: Хочу закончить то, что мы начали вчера. Ты оставила меня со стояком.

Я: Я не могла с тобой трахаться, когда твой брат был в гостинной. Я же леди ;-)

Ретт: Локк останется у меня на некоторое время, так что нам нужно найти новое укромное местечко... К слову... Где, черт возьми, ты живешь?

И снова, я не отвечаю. Понятия не имею, как мне выкрутиться, а следовало бы, я же писатель, а писатель должен быть изворотливым.

Я тянусь к записной книжке на тумбочке и ручке, и начинаю составлять список оправданий, ни одно из которых никуда не годится. Так он точно все поймет. Я вычеркиваю оправдание № 4, которое состоит в том, чтобы сказать ему, что у меня месячные. Так мы не сможем трахаться, но можем заняться кое-чем другим — вместе пообедать, сходить в кино и так далее — что угодно, лишь бы ненадолго побыть подальше от кровати и квартиры. Это дало бы мне хотя бы неделю, но, вероятно, в наших отношениях еще слишком рано обсуждать красные дни календаря. Оправдание № 2 ничем не лучше — сказать ему, что в моей квартире травили насекомых (тысячи насекомых), и я временно живу с подругой.

Петт: У тебя что, дома полно всякого хлама? Точно. Писатели эксцентричны. Тогда понятно. Ты точно чокнутая. Я так и знал.

Я: Да нет же.

Петт: Ладно, тогда...

Я: Я сейчас живу... не в своей квартире. Мне здесь некомфортно.

Вот. Так. Идеально. И так просто. Почему я не додумалась до этого раньше? К тому же это правда.

Петт: Тогда ладно. Как насчет секса в отеле?

Я: Заманчиво, но я не хочу чувствовать себя как содержанка или любовница, поэтому тебе придется угостить меня выпивкой, а так как я не пью на голодный желудок, еще и раскошелиться на ужин.

Петт: Тебе нужны отношения?

Внутри все сжимается.

Я: Да. А мы не встречаемся? Ты нравишься мне. Я тебе. Разве ты не должен теперь приглашать меня на свидания и все такое?

Ретт: Тебе следует знать, что я не часто приглашаю девушек в ресторан.

Я: Значит, все официально? Ты мой парень?

Ретт: Хитрюга.

Три точки прыгают по экрану, и ему требуется вечность и один день, чтобы прислать следующее смс.

Ретт: Да, Айла. Я твой парень.

Я так широко улыбаюсь, что у меня болит лицо. Ретт Карсон — мой парень. Это странное и приятное чувство, о существовании которого я даже и не подозревала.

Ретт: Я заеду за тобой в восемь.

Глава 24

Pemm

Айла, завернутая в простыню, стоит на балконе нашего гостиничного номера, ее темные волосы волнами спадают на плечи. Раздвижная дверь открыта, впуская теплый августовский бриз, который теребит ее волосы. Мы на верхнем этаже, в пентхаусе, где провели много часов, сношаясь, как кролики.

Я не могу насытиться этой женщиной, смакую каждый сантиметр ее тела, пока мои руки путаются в ее волосах, а с ее уст слетает мое имя...

Обняв за талию, я целую ее в шею, и она улыбается.

— Ты вымотал меня, — произносит она, прислонившись ко мне.
— И теперь я голодна.

— Я заказал еду в номер.

— Они принесут ее в три часа ночи?

— Да. — Я крепче обнимаю ее. — Прости, что не смог пригласить тебя куда-нибудь.

Сейчас она молчит, но до этого сказала, что понимает, почему я не хочу, чтобы люди фотографировали нас. Не желаю, чтобы наши отношения выставлялись на всеобщее обозрение, и не хочу, чтобы люди задавались вопросом, как, черт возьми, я смог так быстро забыть предыдущие отношения. Поэтому, прежде чем мы пришли сюда, у нас было свидание на крыше.

Понятия не имею, что со мной происходит.

Я перестал задавать себе вопросы.

Перестал пытаться понять это.

Перестал пытаться контролировать это, потому что, как оказалось, разум сердцу не указ.

Иногда я думаю о Дамиане. Очень редко, но думаю. Я скучаю по тому, что, как я думал, у нас было. Тогда мне казалось, что я знаю ее,

действительно знаю. Но теперь понимаю, что она просто притворялась. В ближайшее время я постараюсь простить ее, но будь я проклят, если сяду и начну жалеть себя из-за того, что она натворила.

Понятия не имею, должен ли мужчина после такого ждать какое-то время, прежде чем начать новые отношения. Все, что я знаю, — когда встречаешь кого-то, вроде Айлы, не следует беспокоиться о том, что написано мелким шрифтом.

Ты должен держаться за такую девушку, как она.

И не отпускать.

Наплевать на все свои принципы.

Сейчас я смотрю на нее и понимаю, что влюбляюсь. Иногда я чувствую, что это уже случилось. Сначала мое сердце наполняется нежностью, и она распространяется по всему моему телу. В мыслях легкость. Я думаю только о ней.

Она не должна была так много значить для меня.

— Хочешь вернуться внутрь? — зевая, спрашивает она и, повернувшись ко мне, берет меня за руку.

В дверь стучат, и, скорее всего, это обслуживание номеров. Айла заворачивается в простыню и идет в ванную.

Мы перекусываем, закрываем занавески и выключаем свет. Айла лежит в моих объятиях, щекой прижимаясь к груди, где бьется сердце, а рука покоится на моем животе. Когда она моргает, я чувствую, как ее ресницы касаются моей кожи.

Я хочу, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Я хочу ее.

Глава 25

Айла

Ретт находится в душе, когда звонок от тренера Харриса освещает экран моего телефона. Нет ничего лучше, чем с утра пораньше окунуться в реальность.

Я почти забыла, как это бывает.

— Черт, — шепчу я, держа телефон в руке, словно это бомба, готовая вот-вот взорваться. Меня охватывает паника. Я замираю, и, в конечном итоге, звонок переводится на голосовую почту. Через тридцать секунд на телефон приходит сообщение.

Я убеждаюсь, что Ретт все еще в душе, прежде чем прослушать его.

— *Айла, это тренер Харрис. — Так начинается голосовое сообщение. — Я просто позвонил, чтобы сказать тебе, что у нас уже есть информация о том, сколько денег удалось собрать для фонда Брайса благодаря благотворительному шоу, которое мы устраивали. Мы хотели бы передать тебе чек на нашем следующем командном собрании. Это будет в следующую пятницу, в десять часов утра. Увидимся.*

Дверь ванной открывается, и Ретт появляется в облаке пара с белым полотенцем, обернутым вокруг талии, его пресс сверкает от капелек воды. И в этот момент я понимаю, что не могу отвести от него взгляд, у меня перехватывает дыхание.

Я хочу запомнить этот момент. То чувство, когда он смотрит на меня, словно я прекраснее всех. Хочу запомнить, каким он был на вкус, когда мое тело охватила неведомая восхитительная болезнь, которую мог спровоцировать только он.

Мне казалось, у нас было больше времени, чтобы узнать друг друга — возможно, даже влюбиться, — прежде чем я расскажу ему обо всем. Надеюсь, он узнает меня и поймет, что помыслы мои были чисты.

Восемь дней.

Это все, что у нас есть.

Глава 26

Pemm

Когда я возвращаюсь из отеля домой, на кухне сидит незнакомая мне девушка. Она ест хлопья из моей тарелки, а моего брата нигде не видно.

— Привет. — Мой голос ровный и невеселый. Я достаю ключ из замка и закрываю дверь.

— О, привет! — Она поднимается со стула и направляется в мою сторону с распростертыми объятиями и огромной улыбкой на лице. — Ты, должно быть, старший брат Локка. Он столько о тебе рассказывал.

От нее несет хлопьями и молоком, увядшими духами и перегаром. На ней вечернее платье как раз для ночного клуба. Когда она снова садится на барный стул, подол платья поднимается вверх по ее бедрам. Сомневаюсь, что она носит трусики.

— Локк, — зову я. Через мгновение он появляется в холле, поправляя свой галстук, его волосы мокрые после душа. В его же интересах не трахать ее на моей кровати. Иначе я его убью.

— Что стряслось? — Он улыбается как человек, который только что занимался сексом, и садится рядом с ней.

— Ты играешь в хоккей, верно? — спрашивает девушка.

Я киваю.

— Ну, и как давно?

— Столько, сколько себя помню, — говорю я, включая кофеварку.

— Знаешь Трента Мерритта? — спрашивает она. — Он играет за «Портленд Иглс».

— Ага.

— Я встречалась с ним в прошлом году, — говорит она, выпятив грудь от гордости. Я не говорю ей, что он самый большой бабник в

НХЛ. — Но у нас ничего не вышло, и это очень паршиво, потому что с ним было классно. Но, по-моему, ничего в этом мире не происходит просто так. Иначе я никогда бы не наткнулась на этого парня!

Она протягивает руку к лицу моего брата и гладит его по подбородку.

— Вы, ребята, познакомились в «Дэйт Снап»? — спрашиваю я.

Девушка кивает.

— Да! Представляешь? Кто бы мог подумать, что я встречу изобретателя приложения для знакомств? Это безумие. Но это должно было случиться.

Как только она отворачивается, мой брат высовывает язык, будто его тошнит, и закатывает глаза. Я смутно вспоминаю, как он недавно хвастался тем, что «Дэйт Снап», в основном, используют для обмена секс-сообщениями, а также для поиска случайных связей, а не для свиданий.

Эта девушка явно искала своего прекрасного принца. Полагаю, ее не предупредили об этом.

Локк скользит рукой по ее талии, плавно поднимает с места и направляет к двери.

— Спасибо за ночь, детка. У меня скоро встреча. Созвонимся позже?

Она улыбается и хихикает, обнимая его за плечи, встает на носочки и целует.

— Пока, детка, — говорит она, когда он открывает для нее дверь. — Приятно было познакомиться, брат Локка!

У меня нет возможности ответить, так как брат захлопывает дверь и запирает ее.

— Боже, думал, она никогда не уйдет, — говорит он на одном дыхании.

— Несмотря на то, что у тебя куча денег, ты по-прежнему водишь девушек к себе. — Я качаю головой. — В этом городе полно отелей. В следующий раз, черт возьми, сними номер.

— Чувак, успокойся, — смеется Локк, хватая яблоко из вазочки на столе. — Это был секс на одну ночь.

— Ага, и каждую ночь у тебя секс с разными девушками.

Локк поднимает руки.

— Эй, эй, эй. Не обвиняй меня только потому, что я его узнал.

— Узнал что?

— Секрет счастья, — говорит он, опираясь на локти. Он вгрызается в яблоко, позволяя соку течь по подбородку, прежде чем вытереть его. — Знаешь, кто та девушка? Я даже не знаю ее имени. Да и плевать. Но ее сиськи... Я буду помнить их до конца своих дней.

— Я должен завидовать тебе? — закатив глаза, говорю я.

— Естественно. Потому что я в этом профи, брат, — говорит он. — *Это* жизнь. Я успокоюсь, когда мне исполнится пятьдесят, и тогда я найду сексуальную цыпочку вдвое моложе себя, которой будет пофиг на отвисшие яйца, если они будут принадлежать мультимиллионеру. Ты будешь удивлен, насколько легко найти таких девушек.

— По мне, так у всех должны быть грандиозные планы. — Я качаю головой.

— Только придурок проведет лучшие годы своей жизни, привязав себя к одной девушке, когда у двери его поджидает шведский стол. — Локк снова кусает яблоко. — Этот город созрел, Ретт. Созрел.

— Мне плевать.

— Скоро ты поймешь, что я прав. Взгляни на девушек нашего возраста. Они все хотят поскорее выйти замуж и нарожать детишек. И если они говорят обратное, это полный бред. Такие свяжут тебя по рукам и ногам и отрежут яйца, прежде чем у тебя появится возможность сказать: «Согласен», и, проснувшись через десять-пятнадцать лет, ты спросишь себя, как так вышло и почему никто не хочет с тобой трахаться.

— Ага, именно так все и будет. Ты прав, Локк. Когда ты стал таким мудрым? — Я наливаю себе кофе и даю ему возможность выговориться, ведь он явно не уловил мой сарказм. Просто он еще не был влюблен. Ему двадцать пять лет, и он считает, что всё и обо всех знает. — Ты забываешь, что есть вариант не просто трахать все, что движется.

— Например? — раздраженно спрашивает он.

— Можно найти подружку по перепиху.

— Никто больше так не делает, — закатывает глаза Локк.

— Это безопаснее, — говорю я. — И менее отвратительно. В любом случае, разговор окончен. Сейчас ты говоришь, как отец, — несешь полную хрень, а на самом деле ни хрена в этом не понимаешь.

Локк замолкает, потрясенно приоткрыв рот.

— Возьми свои слова обратно.

— Неа.

— Я *не* похож на отца.

Раньше мы смеялись над ним, потому что он заставлял людей слушать его, и, казалось, он знал, о чем говорил. Именно поэтому являлся лучшим продавцом «Хендай» во всем Толедо.

— В любом случае, кто та девушка, которую ты трахаешь? — интересуется Локк.

— Она не просто девушка, которую я трахаю, — перебиваю я его. — И прежде чем ты снова откроешь рот, лучше убедись, что не собираешься сказать что-то, от чего мне захочется врезать тебе в челюсть, потому что я это сделаю.

Локк пристально смотрит на меня, проглатывает остатки яблока, а затем бросает огрызок в мусорное ведро и направляется к двери.

— Я буду на переговорах весь день. Попробую продать одно из моих приложений китайским разработчикам. Пожелай мне удачи. Не то чтобы мне это было нужно.

— Ага-ага.

Глава 27

Айла

— Привет, Айла, есть минутка? — Этим утром голос моего агента, Розали, звучит слишком бодро, от чего я нервничаю. Каждый раз, когда она рассказывает мне плохие новости, все начинается именно таким тоном.

— Да. Что случилось? — Я закрываю крышку своего ноутбука. Все равно пора сделать перерыв. Я и так написала целых пять тысяч слов. Кажется, сегодня ко мне пришло вдохновение...

— Я получила ответ от «Катлер и Багби». Они хотят сделать тебе предложение! — Она почти визжит на другом конце линии.

— О, мой Бог.

— Знаю, — говорит она. «Катлер и Багби» является одним из крупнейших издательств в мире, и все знают, что они делают звезд. — Так вот, им нужно две книги, и они предлагают скромный шестизначный аванс, но мы можем обсудить это, если хочешь. Они хотят «Жестокое сердце», а еще хотят, чтобы ты написала отдельную новеллу о второстепенном персонаже. Я настоятельно рекомендую тебе сразу же начинать вторую книгу.

— Да, конечно.

— Я пришлю тебе их предложение, а ты скажешь мне, что думаешь о нем. Мы прорвемся. К сожалению, они известны тем, что делают паршивые предложения, но с ними можно договориться.

— Прекрасно, да. Сделаем это. — Клянусь, я сейчас излучаю солнечный свет и улыбаюсь так сильно, что это причиняет боль.

— Поздравляю, милая. Ты заслужила это, — говорит она. — У меня сейчас встреча, но я попрошу помощника отправить тебе письмо по электронной почте.

Розали кладет трубку, и я сижу в ошеломленной тишине, осознавая, что только что произошло. Десятки раз мне отказывали, и я, конечно, ожидала услышать очередной отказ от одного из самых

плодовитых издательств, когда-либо существовавших в мире.

Мое тело наполняется энергией, и я делаю массовую рассылку всем... Ретту, Вив, Бостин, маме и еще нескольким друзьям, и через несколько секунд меня закидывают сообщениями с поздравлениями.

Я позволяю себе торжествовать и пировать, не в состоянии стереть улыбку с лица, и через час или около того я все-таки заставляю себя сесть и продолжить работу. Вторая книга не напишет себя сама. Закрыв текущий проект, я открываю пустой документ текстового редактора. Понятия не имею, с чего начать или что буду писать.

Лучшая подруга главной героини в «Жестоком сердце» — это прототип меня, и теперь мне поручено написать для нее историю любви в стиле «и жили они долго и счастливо».

Ирония судьбы, ничего не скажешь.

Я смотрю на пустой экран только Богу известно как долго, когда гудит мой телефон. Пришло сообщение.

Ретт: *Хочешь отпраздновать?*

Я: *Нет времени праздновать. Пишу вторую книгу!*

Ретт: *Локк ушел на весь день. Присоединяйся.*

Я: *Я работаю...*

Ретт: *Почему ты споришь со мной? Ты же знаешь, я всегда выигрываю.*

Я: *Тебе не кажется, что ты слишком самоуверен?*

Ретт: *Можешь избавить меня от своих заумных смс и просто прийти, черт возьми, и кончить на моем лице? Ты же знаешь, что тебе нужен праздничный оргазм.*

Я: *Как поэтично.*

Ретт: *Кончай. Сейчас же.*

Я: *Так вот чем ты занимаешься.*

Ретт: *Довольно этой мимимишной херни. Выключай комп и приходи. Три часа квартира в нашем распоряжении. Я уверен, что смогу подарить тебе минимум пять праздничных оргазмов за это*

время.

Я: *Пять? Не слишком ли самоуверенно?*

Он не отвечает. Может, я его расстроила. Я не специально играю в недотрогу, мне действительно нужно начать этот роман. И теперь его молчание отвлекает меня. Вероятно, он испытывает на мне какую-то реверсивную психологию, где преследователь становится преследуемым, и это работает.

Мне нравится, когда он так сильно хочет меня, что начинает упрашивать и пытается подкупить оргазмами.

И я знаю, что через час я буду сидеть с мокрыми трусиками и пульсирующим клитором, отчаянно жаждущая ласк его невероятно талантливого языка.

Я звоню ему, и он тут же отвечает.

— Ты выиграл, — говорю я.

— Как всегда, — отвечает он. — Увидимся через час.

Глава 28

Pemm

— Откуда ты? — Айла садится в постели, опираясь на локти, и изучающе смотрит меня.

Не могу перестать прикасаться к ней, как и не могу себе представить, что мне когда-нибудь надоест видеть ее обнаженной в моей постели.

— Я вырос в Толедо, штат Огайо, — говорю я. — А ты?

— Повсюду, — отвечает она. — Мама поселилась в южной Калифорнии, когда я училась в старшей школе. У тебя большая семья?

— Только младший брат, — говорю я. — Мама с папой все еще женаты. Папа — продавец подержанных автомобилей на пенсии. Мама — домохозяйка. Я вырос на скромном ранчо с гаражом, вмещающим одну машину, и огромным деревом на заднем дворе.

— Идеальное детство?

— Вряд ли. — Я кладу ладонь на изгиб ее бедра, на то самое место, за которое крепко держался несколько минут назад, когда она прыгала на моем члене. — Мои родители были странными.

— Это как?

— Постоянно нас контролировали, никогда не разрешали приводить домой друзей, не позволяли оставаться где-то без них... — говорю я. — Хочешь, чтобы я продолжил?

Айла морщит носик.

— Почему они были такими?

— Может, они были параноиками и считали, что должно произойти что-то ужасное? — Яжимаю плечами. — Не знаю. Просто они такими выросли. Не думаю, что они знали, почему были такими.

— Итак, ты нашел укрытие? — спрашивает она.

Я кусаю губу.

— Полагаю, что да. Я мог покинуть дом только когда шел в школу или на занятия по хоккею. Я увлекся хоккеем только для того, чтобы у меня было оправдание проводить время с другими детьми. Оказалось, что я действительно чертовски хорош в этом.

Она улыбается.

— Значит, все получилось.

Я киваю.

— Да. Что насчет тебя?

— Всегда были только мама и я, — говорит она. — Мы много переезжали. Моя мама — самый свободный духом человек, которого ты когда-нибудь встречал.

— Держу пари, что было тяжело так много переезжать? — Я притягиваю ее к себе, согревая своим телом.

Она кладет голову мне на плечо.

— Да. Я всегда была новенькой. Не помогало даже то, что я была очень упрямой, и все, чего хотела, это чтобы люди любили меня, поэтому позволяла им садиться себе на шею. Это делало меня легкой мишенью. Иногда дети могут быть такими засранцами.

— Прости.

— Сейчас уже все нормально. Стало лучше, когда мы обосновались за пределами Лос-Анджелеса и перестали так много переезжать. У меня были хорошие друзья в старшей школе. Я даже подружилась с парнем. — Она толкает меня локтем, дразня. — Все уладилось.

— Я бы встречался с тобой в старшей школе. Даже не сомневайся. — Я целую ее в лоб. — Но с сопровождением родителей.

Она смеется.

Дверь квартиры хлопает, и я слышу, как меня зовет Локк.

Я стону, и Айла прячется под простыни, расстроено выдыхая. Мне казалось, у нас в запасе весь день.

— Ретт, — снова кричит Локк, его голос стал ближе. Он, должно быть, стоит по ту сторону двери.

— Секунду, — кричу я, одеваясь.

Он стучит в дверь, игнорируя мою просьбу подождать.

— Ретт, я заключил сделку. Они покупают мое приложение. Пять миллионов, пупсик! Пойдем праздновать. Выпьем что-нибудь. Прямо сейчас. Я угощаю.

Я застегиваю джинсы и распахиваю дверь, держа ее достаточно прикрытой, чтобы он не мог увидеть Айлу.

— У тебя кто-то есть? — спрашивает он.

Я бросаю на него взгляд, который гласит: «Только посмей сказать что-то, что мне не понравится».

— Девушка? — спрашивает он. — Та, которая была на днях?

Я киваю.

— Давай, подруга Ретта, пойдем выпьем. Я только что сорвал куш в пять миллионов баксов, — говорит Локк, пытаясь просунуть свою голову в проем.

— Черт побери, убирайся отсюда, — говорю я, отталкивая его.

— Вы идете или как? — спрашивает он через закрытую дверь.

Я поворачиваюсь к Айле, и она пожимает плечами, стараясь не смеяться.

— Конечно.

— Да, — кричу я. — Мы идем.

Глава 29

Айла

— Итак, напомни-ка мне, чем ты там занимаешься? — Локк прищуривается и смотрит через стол на Бостин, которую я пригласила сюда, потому что не хотела быть третьим лишним, а также потому, что этим вечером она предлагала выпить за мой успех.

— Я даю советы о знакомствах и отношениях в колонке для журнала «Знак красоты», — говорит она, потягивая коктейль. В ее тоне слышны оборонительные нотки.

— Ты занимаешься поистине божественным делом, — издевается над ней Локк, осторожно накрыв ее руку своей, но она одергивает ее.

Бостин закатывает глаза. Эти двое только познакомились, а их наезды друг на друга продолжаются уже весь вечер. Конечно, не последнюю роль сыграло и то, что в течение первых пяти минут после того, как он сел за столик, Бостин высмеяла его приложение «Дэйт Снап» и привела аргументы того, что приложения для знакомств — это явный признак того, что на сегодняшний день что-то не так с нашим обществом.

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты мудака? — Бостин стреляет в него смертоносным взглядом.

— Из-за таких женщин, как ты, такие ребята, как я, и пользуются приложениями для знакомств, — говорит Локк, ухмыляясь. — И чтобы ты знала, в двадцать первом веке слово *свидание* означает перепихнуться. Сейчас те, кто встречаются, не ходят на свидания. Люди, пользующиеся приложениями для знакомств, делают это неправильно.

— Значит, каждый мужчина, который использует приложение для знакомств, просто ищет быстрый перепих? — спрашивает она.

— Именно, — Локк хмурится, поднимая кружку с пивом, когда официантка проходит мимо.

Я сжимаю ее руку под столом. Она напряжена. Он взбудоражил

ее, и из-за этого я чувствую себя паршиво. Никогда не пригласила бы ее, если бы знала, что он будет вот так досаждать ей.

Самое смешное, что он ее тип мужчин — за исключением этого *колоритного* характера. Он высокий, с телом легкоатлета, современной стрижкой, мужественным подбородком с ямочкой, как у Ретта. У него бледно-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, и от него исходит аура уверенности, которую можно ощутить из другого конца комнаты.

Мы обмениваемся с Реттом взглядами, прежде чем он наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Это ведь неправильно, что меня это веселит?

— Ага, — шепчу я. — Но, знаешь, мы будем гореть в аду вместе.

— Ты бредишь, а твои высказывания пахнут мужским шовинизмом. Ты мне отвратителен. — Бостин поднимается со своего места и выпивает остатки мартини, оставшегося в бокале. Что ж, лучше пусть он будет в ее желудке, чем на лице Локка, который в этот момент надменно ухмыляется. — Айла, я люблю тебя, но мне нужно уйти, прежде чем совершу что-то действительно глупое.

— Бос, подожди. — Я встаю с места, потянувшись к ней. — Не уходи. Он делает это специально. Думает, что это весело — выводить тебя из себя. Взгляни на него. На эту улыбку от уха до уха.

Мы все смотрим на Локка, на лице которого широченная улыбка, как у пьяного идиота.

— Не уходи из-за него, — добавляет Ретт. — Серьезно. Все, что вылетает из его рта, это ничтожные попытки свести тебя с ума. Он делает это все время. Не знает, когда нужно заткнуться.

— Эй, — улыбка Локка исчезает, — ты должен быть на моей стороне.

— Все в порядке, ребята. Я пойду, — говорит Бостин. — Айла, позвони мне завтра. Ретт, было приятно снова тебя увидеть. Локк, иди к черту.

У меня буквально отвисает челюсть. Никогда раньше не видела Бостин такой. Никогда.

— Я пойду с ней, — говорю я.

— Нет. Локк должен уйти. — Ретт дает Локку подзатыльник. — Ты обязан извиниться перед Бостин.

Локк потирает шею, морщась.

— За что? В любом случае, это *она* должна извиниться передо мной. Вы же слышали, что она говорила о «Дэйт Снап». Причем довольно грубо.

Ретт смотрит на своего брата, который опрокидывает в себя остатки пива и покидает стол, следуя за Бостин.

— Ну, это было... — начинаю я, поворачиваясь к Ретту и снова садясь на место. — Даже не знаю, что это было.

— Кажется, она его пугает. — Ретт берет меня за руку.

— Пугает? Бостин?

— Да. Он знает, что она умна. А умные девушки не спят с ним. Любая женщина, которую он не смог уложить на лопатки, представляет угрозу для его хрупкого маленького эго, — говорит он. — Они пугают его, поэтому он ведет себя, как полный мудак. Это его защитный рефлекс.

— Вау, Карсон. Как глубокомысленно. — Я наклоняюсь ближе, и он целует меня в лоб, обхватив ладонью подбородок.

— Пойдем отсюда. — Ретт скользит рукой по моему бедру, и я узнаю этот греховный блеск в его бледно-голубых глазах.

Глава 30

Ремм

— Ты проверял свое расписание? — На следующее утро Эллисон выкладывает на моем кухонном столе стопку почты и документов. — Я запланировала несколько новых встреч. Просто хочу убедиться, что ты о них в курсе.

— Конечно, — лгу я. Сейчас межсезонье. Я редко проверяю расписание и почту.

— Хорошо, значит, ты видел, что в следующую пятницу у тебя намечена обязательная встреча с командой? — спрашивает она. — В десять. Не пропусти. Уверена, ты хорошо знаешь условия своего контракта, и одно из них — это твое безусловное присутствие на всех командных встречах.

Тренер и его гребаные встречи. Думаю, ему просто нравится слушать самого себя, и когда он не занят составлением расписания тренировок на сезон, ему становится скучно.

— Кроме того, — говорит она, роясь в письмах, которые принесла. Эллисон вытаскивает три конверта с эмблемой юридической фирмы «Гринбриер» в верхнем левом углу. — Этот адвокат пытался связаться с тобой уже несколько недель.

— Это тот, что звонил по поводу Брайса?

— Да, тот. Тебе нужно связаться с ним. А то они уже начали отправлять письма. — Она вытаскивает из стопки одно, которое толще остальных. — Это последнее. Думаю, ты должен открыть его. У меня заканчиваются оправдания, почему ты не отвечаешь им.

— Займусь этим позже. — Я отбрасываю его в сторону.

Эллисон вздыхает. Она слишком хорошо меня знает.

— Я открою. Обещаю, — говорю я.

— Когда?

— Скоро.

— Насколько скоро?

— Как только ты уйдешь, — дразню ее я, усмехаясь. Айла должна прийти с минуты на минуту, и мы собираемся поехать на автобусе до Монтаук, чтобы остановиться в каком-нибудь частном домике на выходные — ее идея, конечно же.

— Ретт, пожалуйста, — говорит она. — Что, если это важно?

— Я бы не хотел иметь ничего общего с тем, что хоть как-то связано с Брайсом Реннером, — заявляю я. — Как бы то ни было, это может подождать.

— Не думаю, что они звонили бы тебе через день и присылали письма по почте, если бы это могло подождать.

— Эллисон, ты убиваешь меня. — Я поднимаю письмо с места, куда оно приземлилось, и зажимаю его между пальцами. — Я открою его прямо сейчас.

Открыв конверт, я смотрю на нее.

— Теперь ты счастлива? — спрашиваю я.

Она кивает, наблюдая за мной. Рад, что хотя бы одному из нас любопытно.

Внутри лежит письмо и еще один конверт с моим именем, подписанный Брайсом. Я разворачиваю письмо и начинаю читать.

Уважаемый мистер Карсон.

Мы пытались связаться с Вами в течение нескольких недель по поводу завещания Брайса Дж. Реннера, поскольку Вы являетесь наследником его состояния. Пожалуйста, свяжитесь с нами, как только сможете, чтобы мы могли своевременно оформить Вашу часть наследства.

С уважением,

Лиам Гринбриер

Адвокат

Приложение: Копия личного письма клиента, адресованного наследнику.

Отбросив письмо от адвоката, я хватаю конверт, подписанный Брайсом, и немного колеблюсь, прежде чем открыть его. Все, что я хочу, это просто двигаться дальше, оставив прошлое позади. И чем скорее прочитаю это глупое письмо и встречу с его адвокатом, тем скорее смогу это осуществить.

Ретт, если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. И это также означает, что я предал тебя, своего лучшего друга, и мне так и не хватило смелости сказать тебе об этом лично. Ты был для меня как брат, единственный настоящий друг. Ты был единственным человеком, который мирился с моими выходками, и все равно оставался рядом, а я оплатил тебе за это тем, что был эгоистичным ублюдком, который в тайне был обижен, потому что жил в твоей тени.

Ты делал все лучше меня... играл в хоккей, выбирал женщин, дружил, проживал жизнь... список можно продолжать бесконечно.

Правда заключается в том, что я не заслуживал твоей дружбы.

Я предал тебя. Солгал. Я сделал то, за что никогда не прощу себя, и мне бы хотелось, чтобы у меня было несколько веских причин, оправдывающих мои поступки, но их нет.

Поэтому я оставляю тебе сорок процентов своего имущества. Они твои, брат. Делай с ними что хочешь. Если хочешь отдать их, вперед. Или хочешь подтирать ими свою задницу, посылая меня на хер? Не важно. Я знаю, деньги не смогут изменить то, что я сделал, но ты был для меня как брат, и даже несмотря на то, что по крови мы не родные, ты все равно являешься частью моей семьи.

Прости.

Брайс

P.S. У меня есть сводная сестра. Я никогда не говорил тебе о ней по причинам, в которые не хочу вдаваться. Она тоже получает сорок процентов моего имущества. Просто чтобы ты знал, на случай, если тебе станет интересно, кто, черт возьми, она такая, когда будешь читать мое завещание. Ее зовут Айла Колдуэлл, и она

живет в Лос-Анджелесе.

Я так сильно сжимаю бумагу, что это пугает. Буквы расплываются, в глазах темнеет.

Ее зовут Айла Колдуэлл...

— Ретт? — раздается голос Эллисон позади меня. — Все в порядке?

Я не отвечаю.

Не могу говорить — физически не могу.

Мои челюсти крепко сжаты, и я отпускаю письмо.

— Ретт. Ты меня пугаешь, — нервно смеется Эллисон. — Что происходит?

Я глубоко вздыхаю.

— Эллисон, я хочу, чтобы ты ушла, — говорю я. — Просто... дай мне побыть одному. Пожалуйста.

Она собирает свои бумаги и сумку и выбегает за дверь, которая хлопает о раму, но не закрывается.

Проклятье.

Через мгновение я чувствую, как немеет рука. Смотрю вниз и вижу, что у меня идет кровь, а когда смотрю вверх, понимаю, что пробил дыру в стене.

— Эй, твоя дверь была открыта. — Я оборачиваюсь и вижу Айлу, стоящую в дверях. Она одета для нашей поездки, рядом с ней чемодан. — Все в порядке?

— Нет, — шепчу я. — Все охренеть как *не в порядке*.

Айла меняется в лице, когда смотрит на меня, ее тело напрягается.

Она знает.

Она, блядь, знает.

Все это время ей было обо всем известно.

Это решает все.

— Ретт... — она делает неуверенный шаг в мою сторону. — Я собиралась рассказать тебе.

— Когда? — почти кричу я, пугая ее. — Когда?!

— Скоро, — говорит она, прижав ладонь к груди. Айла некоторое время молчит, будто она ищет правильные слова, но что бы она ни сказала, ничего уже не изменить.

— *Ты предала меня.* — Эти слова ощущаются на языке, словно песок и наждачная бумага, а на вкус горькие, кислые. Это хуже, чем удар в живот. Это добивает меня, когда я уже и так на самом дне.

— Знаю. — Айла опускает голову, медленно закрывая глаза.

— Как ты *могла*? — Я хватаю письмо с пола, сминаю его в руках и подталкиваю к ней. — Ты *знала*, что случилось. Тебе не приходило в голову, что в какой-то момент нужно упомянуть о том, что я трахаю сестру Брайса?

— Я пыталась рассказать тебе.

— Очевидно, недостаточно пыталась.

— Ты прерывал разговор. Каждый раз. — Она поднимает палец в воздух.

— Значит, это моя вина?! — Я недоверчиво смеюсь. — Ты сумасшедшая, если хоть на секунду считаешь, что можешь оправдать то, что сделала.

— Ты мне нравился, — говорит она, приближаясь. — Сильно. Я не хотела тебя терять. Я собиралась рассказать тебе. Клянусь Богом, собиралась. Мне просто нужно было больше времени. Я хотела доказать, что мои чувства к тебе настоящие, и, когда я сказала бы тебе кто я, возможно, ты смог бы простить меня.

— Ты бредишь, если считаешь, что я смогу *это* простить.

— Ретт, — на ее глаза наворачиваются слезы, голос срывается, — мне очень жаль.

— Убирайся. — Я заставляю себя взглянуть на нее. — Я больше не хочу тебя видеть.

Глава 31

Айла

Не думала, что он сегодня появится — честно, не думала.

Тренер Харрис сидит во главе стола в конференц-зале «Спартанцев». Я слева. Ретт сидит дальше, где-то в центре, просверливая дыру в моем затылке. Пару раз я оглядывалась на него, и каждый раз его взгляд пронзал меня насквозь. Он не моргал. Челюсть была крепко сжата. Лишь однажды он щелкнул ручкой и сломал ее на две части.

Он ненавидит меня.

Вряд ли тренер Харрис — самый организованный человек по части проведения собраний, потому что мы сидим здесь уже тридцать минут, а он все еще рассказывает о предстоящем сезоне и графиках тренировок. Кажется, чек он припас напоследок. Может, он забыл о нем? Или он один из тех людей, которые много говорят и теряют счет времени.

— Итак, Айла, выйдешь сюда? — спустя несколько минут тренер, наконец, подзывает меня к себе. Мое сердце пускается вскачь, внутри все переворачивается.

Тренер обнимает меня за плечи.

— Ребята, как вы помните, это сестра Брайса, Айла, — говорит он. — Она является президентом недавно созданного благотворительного Фонда имени Брайса Реннера.

Шейн улыбается и кивает мне. Приятно видеть дружеское лицо в толпе.

— Привет. — Я машу всем ребятам, но взгляд останавливаю на Ретте.

Мои глаза опухли от слез, пролитых на этой неделе. Я прикладывала к ним лед, пытаясь снять припухлость, прежде чем идти сюда, но не смогла скрыть красноту и раздражение.

Я не видела его с прошлых выходных, когда пришла к нему в

квартиру. Он стоял спиной ко мне. Не двигаясь. Сначала я была в замешательстве, поэтому дала знать, что пришла, но потом увидела дыру в стене и его пронзительный болезненный взгляд.

Мое сердце замерло.

И я все поняла.

— Айла, от имени всех «Спартанцев», — говорит тренер, — мы хотели бы предоставить Фонду имени Брайса Реннера чек на тридцать тысяч долларов.

Ребята неохотно аплодируют — кроме Ретта, и я благодарю их всех, когда беру чек из рук тренера.

— Айла, дай нам знать, если мы тебе понадобится, в любое время. Мы к твоим услугам, — говорит тренер.

— Благодарю вас. — Я поворачиваюсь к столу, и бросаю взгляд на Ретта. Он смотрит на меня так пристально, что у меня внутри все обрывается. Я бы отдала ему все, только чтобы он смотрел на меня как раньше, до того, как возненавидел меня.

— Хорошо, на этом все. Переодевайтесь. Хочу, чтобы через тридцать минут вы были на льду. На сегодня назначена тренировка на выносливость и силу. Надеюсь, вы, ребята, занимались летом. — Тренер хватает свою тетрадь, и ребята поднимаются со своих мест.

Я в миллионный раз бросаю взгляд на Ретта, который стоит в другом конце комнаты. Не могу перестать смотреть на него. Каждый раз, когда это делаю, я лелею глупую крупницу надежды на то, что он сменит это суровое выражение лица.

Я ищу признаки того, что он жив. Признаки того, что Ретт Карсон, которого я знаю и который мне безразличен, находится где-то там внутри. Но он остается таким же непоколебимым, а глаза голубыми, как лед. Таким я его еще не видела.

Ребята выходят из конференц-зала — все, кроме Ретта, и я следую за ними. Шейн останавливает меня в коридоре, интересуясь, как у меня дела, и я уверяю его, что все в порядке. Он кивает, улыбаясь, и направляется по коридору в раздевалку.

Я стою в коридоре, поджидая Ретта.

Он все еще там, и это вполне может быть последним шансом сказать ему, как я сожалею о содеянном.

Когда Ретт выходит, его спина неестественно прямая, кулаки сжаты по бокам, а губы образуют прямую линию. Он смотрит в мою сторону, но сквозь меня, будто не замечает.

И я понимаю.

Он *не хочет* меня видеть.

— Ретт, — говорю я, протягивая руку, когда он проходит мимо. Как ни в чем не бывало он продолжает идти, поэтому я следую за ним. — Удели мне минуту своего времени, и я больше тебя не беспокою.

Ретт идет широкими, тяжелыми шагами. Мы приближаемся к раздевалке. Я не смогу последовать за ним туда, и, возможно, именно к этому он стремится.

— Прости. Было эгоистично влюбиться в тебя, я думала только о себе, — говорю я, затаив дыхание и прижав ладонь к груди. Если бы он повернулся и посмотрел на меня, тогда, может, увидел бы искренность в моих глазах, потому что, судя по всему, отчаяние в моем тоне не заставит его остановиться и посмотреть на меня.

Я заслужила это.

Знаю.

— Не собираюсь оправдываться за то, что сделала, — говорю я. — Это было неправильно. И я прошу прощение за то, что причинила тебе боль. Но я не жалею об этом, потому что это бы означало, что я жалею о времени, проведенном с тобой. А я ни на что не променяю эти недели. Одни из лучших недель в моей жизни.

Мы в пяти метрах от входа в раздевалку. Ретт не замедляется. У меня на сердце появляется тяжесть, глаза застилают слезы, которые искажают обзор.

Он снова стал холодным — холоднее, чем раньше, и это моя вина.

Я сделала это.

— Прощай, Ретт, — шепчу я, когда он скрывается за дверью раздевалки.

* * *

Прошла неделя с тех пор, как я в последний раз видела Ретта на арене «Спартанцев».

Уже в десятый раз за утро я проверяю время своего рейса и, наконец, заказываю такси в аэропорт. Час назад грузчики перенесли последние вещи Брайса в хранилище. Мои чемоданы упакованы. Квартира пуста. Ключи лежат на кухонном столе.

Какая-то часть меня думала, что Ретту требуется время, чтобы остыть; что, по милости Божьей, это утихнет, и он найдет в себе силы выслушать меня. Но меня встретила оглушительная тишина. Его послание предельно ясно.

Это конец.

Итак, я закончила все дела Брайса, заказала билеты домой и отпустила последнюю маленькую нить надежды, за которую цеплялась.

В ожидании такси я сажусь на чемодан посередине пустой гостиной, подперев подбородок руками и в последний раз окидывая взглядом этот великолепный вид из окна.

Сказав Ретту, что ни о чем не жалею, я именно это и имела в виду. Навсегда запомню время, которое мы провели вместе. Запечатлею его в своей памяти, спрячу в крошечных уголочках своего сердца и буду бережно хранить до самой смерти.

Возможно, он никогда и не был моим. Возможно, в глубине души я знала, что всего лишь позаимствовала его. Но моему сердцу было все равно, и от этого боль ничуть не утихала.

Глава 32

Полтора года спустя...

Айла

— Готова? — Мой друг Сет стоит у порога моей спальни, пока я сижу возле своего забитого чемодана. Следующие три месяца мне предстоит много разъездов. На прошлой неделе состоялась официальная презентация «Жестокое сердце», и издательство отправило меня в трехмесячный тур по двенадцати городам для автограф-сессии.

— Да. — Я застегиваю чемодан.

— Нам нужно идти, — торопит меня Сет. — Рейс через три часа, и мы будем ехать по 405-му шоссе, а в это время это просто безумие.

— Знаю, знаю.

Его сумка стоит у двери, ключи от машины позвякивают в руке. Я еще раз осматриваю скромную, но удобную квартиру, которую купила в прошлом году на свой аванс.

Миллионы долларов на моем банковском счете остаются нетронутыми. Я все еще не потратила ни копейки наследства Брайса, за исключением денег, которые дала маме, чтобы та могла раньше уйти на пенсию. Эта женщина работала не покладая рук, чтобы обеспечить меня, принесла в жертву все, поэтому это меньшее, что я могу для нее сделать.

Я планирую вернуть часть этих денег на счет, а часть потратить на благотворительность. На данный момент, по словам моего бухгалтера, их состояние приумножается. Он говорит, что если я не буду брать оттуда деньги, через десять лет сумма может удвоиться, а еще через десять лет удвоиться еще раз.

Одно знаю точно, я хочу, чтобы от них было много пользы, и для этого сделаю все.

Мой взгляд падает на серый бархатный диван в гостиной, где я написала сиквел к своей первой книге. Были времена, когда я почти

не вставала с него, так как бурные потоки слов и эмоций из моего сознания формировались в слова на бумаге — на это меня вдохновил один человек.

— Волнуешься? — спрашивает Сет.

Я киваю, в моем животе порхают бабочки, что не к добру.

— Ты нервничаешь, — говорит он через минуту, загружая наши сумки в багажник. — Вот почему я еду. Все будет хорошо.

Рада, что он едет со мной. Не хотелось бы ехать одной, по крайней мере, не в первый раз. Никогда не была на автограф-сессии и понятия не имею, чего ожидать. Я благодарна ему за то, что он меня сопровождает.

Я встретила Сета на мастер-классе для писателей в Западном Голливуде два Рождества назад. Мы всего лишь друзья, но, кажется, он хочет большего. Не поймите меня неправильно, Сет очень привлекателен. Рост метр восемьдесят, темные волосы, которые постоянно скрыты под капюшоном, медового цвета глаза и безумно сексуальные очки в черепаховой оправе. Он носит кардиганы, узкие джинсы и кожаные конверсы, и даже не пытается быть похожим на хипстера. Он просто... Сет.

Он очень много читает. Очень хорошо разбирается в американской литературе и даже не кичится этим.

И он один из самых милых парней, которых я когда-либо встречала.

Сет — парень, который отдаст свой пиджак, если тебе холодно, или перенесет через лужу. Парень, который придержит дверь человеку, идущему позади него. Друг, которому можно позвонить в три часа ночи, когда не можешь уснуть, и он даже не будет злиться за то, что ты его разбудил.

Может, если бы я не встретила Ретта, Сет был бы для меня идеальной парой.

Во всяком случае, нельзя заставить себя испытывать к кому-то чувства. Если их нет, значит, их нет.

Мы садимся в «Фольцваген» Сета, и он говорит мне, что я могу переключить радиостанцию, если захочу. Поездка в Лос-Анджелесе — это, главным образом, дорожный шум и спокойные мелодии.

Утром я так нервничала, что забыла позавтракать, так что мой желудок урчит каждые пять минут.

— Ты никогда не была такой тихой, — говорит он, накрыв мою руку своей. Иногда он так делает. Касается меня, будто я принадлежу ему, будто мы пара. Думаю, он делает это намеренно. Словно считает, что я изменю свое мнение.

Я осторожно убираю свою руку.

— Просто интересно, как завтра все пройдет.

— Все будет хорошо, — уверяет он. — Вокруг этой книги было так много шумихи, что люди будут выстраиваться в очередь только ради встречи с тобой.

— А вдруг они решат, что я скучная?

— Это невозможно, — говорит он.

— А если они возненавидят мою подпись?

— Ты тренировалась? — спрашивает он.

Я выдыхаю, прижимаясь лбом к нагретому солнечными лучами пассажирскому окну.

— Тебе не нравится Нью-Йорк? — спрашивает он. — Я люблю Нью-Йорк, но только в небольших дозах. Там слишком много всего, и из-за этого... у меня разбегаются глаза. Там все такие серьезные: одеты в черное и строят из себя важных персон, хотя на самом деле о них никто и никогда не слышал.

Я заливаюсь смехом. Он прав. Нью-Йорк действительно *такой*.

— Мне нравится Нью-Йорк, — говорю я ему, глядя вперед и впадая в ностальгию... от воспоминаний о нем. — Когда-то мне там было хорошо.

Мне нравится думать, что в параллельной вселенной есть Ретт и Айла, которые смотрят полуночные фильмы и гуляют по городу, взявшись за руки поздно вечером, как будто весь город принадлежит только им. Может, они уже живут вместе? Или отправились в путешествие? Возможно, они начинают задумываться о будущем, потому что так же не могут жить друг без друга, как и раньше.

И неважно, что наши отношения были так быстротечны, химия осталась. И в тот момент, как я сойду с самолета, я ее почувствую.

Она обрушится на меня сначала страстью, затем окутает горьковато сладкими объятиями, поцелует нежно в щеку и исчезнет, уносимая летним ветерком.

Последнее, что я слышала, Ретт покинул «Спартанцев». Они разорвали с ним контракт из-за «межличностных вопросов», которые, думаю, были всего лишь предлогом, чтобы скрыть то, что произошло между ним и Брайсом. Вскоре после этого я прочитала, что «Филадельфийские железные короли» подписали с ним контракт. Больше я ничего не знаю о его жизни.

Не знаю, с кем он.

Счастлив ли сейчас.

Забыл или все еще вспоминает иногда обо мне.

Я знаю лишь то, что мою жизнь можно разделить на две половинки: до встречи с ним и после.

Глава 33

Айла

— Пока мы здесь, может, сходим на игру «Спартанцев»? — спрашивает Сет, оплачивая наш ужин. Мы прилетели три часа назад, поселились в отеле, привели себя в порядок, а затем отправились в один из его любимых ресторанов, «Таверна Грамерси».

Я морщу нос.

— По правде говоря, мне не хочется.

Улыбка Сета испаряется, он откашливается. Я рассказала ему о Брайсе, и он знает всю историю. Вот только утаила часть рассказа о Ретте, а также о том, что не могу смотреть на ледовый каток, потому что сразу же чувствую эту зияющую пустоту в груди, там, где росло что-то по-настоящему прекрасное.

— Разве мы не можем сходить хотя бы на одну игру? — спрашивает он, выгибая темную бровь. — Я обожаю хоккей.

Да. Он прав. И каким-то образом на протяжении всей нашей дружбы мне удавалось избегать просмотра хотя бы одной игры с ним.

— Разве ты не сможешь достать билетик? Готов поспорить, ты могла бы получить отличные места на игру, если бы попросила об этом. Как думаешь, я смогу встретиться с некоторыми из парней? С Шейном Макдермоттом? Или Джоном Визекупом? — когда Сет говорит об этом, его лицо светится детским энтузиазмом. После этого он будет счастлив весь год. И, учитывая тот факт, что он ушел с работы, чтобы сопровождать меня в Нью-Йорк, я, вероятно, должна отплатить ему той же монетой.

— Могу. — Я выдыхаю. Пора перестать вести себя как ребенок и сделать звонок. — Только ради тебя.

Глава 34

Айла

— Рад, что вы пришли, ребята, — говорит тренер Харрис, стоя возле раздевалки за пару часов до начала игры. Вчера вечером я позвонила ему, и он, не теряя времени, достал для нас лучшие места на субботний матч. Он был даже немного взволнован, когда я спросила, сможет ли мой друг встретиться с некоторыми из игроков. — Рад снова видеть тебя, Айла.

— И я вас. — Я обнимаю его, потому что он выглядит как парень, который любит обниматься, и он крепко сжимает меня в своих объятиях. Его волосы еще больше поседели, но неугасающая улыбка ни капельки не изменилась.

— Я пойду за пивом. Тебе взять? — спрашивает Сет.

— Да, пожалуйста, — говорю я, наблюдая за тем, как он уходит.

— У тебя все в порядке? — интересуется тренер.

— Да. — Я крепко сжимаю ручки сумки, висящей на плече. Как только мы пришли сюда, каждый игрок, попадающийся мне на глаза, пускал мое сердце вскачь. Я ожидаю, что одним из них будет он, хотя это вряд ли случится.

Я всегда высматриваю Ретта там, где его не может быть.

Но сегодня все иначе...

Потому что «Спартанцы» играют против «Железных королей».

А значит, он здесь.

— Мы немного беспокоились. Ты на некоторое время пропала с лица Земли, — говорит тренер, поправляя фирменную кепку «Спартанцев».

— Просто была занята работой, — говорю я. — И Фондом.

— Это хорошо. Мы получили чек, который ты отправила в молодежный лагерь прошлой весной. Спасибо. Ты зажгла много улыбок на лицах этих детей. Хотелось бы, чтобы ты была здесь и

увидела это.

— Мне тоже. В следующий раз я постараюсь приехать, хорошо?

Мимо нас проходит игрок со стальным взглядом в глазах, и на секунду я убеждена, что это он.

Но это не так.

Сет возвращается с двумя прозрачными пластиковыми стаканами с разливным пивом. Он передает мне один, а затем задает тренеру Харрису какой-то вопрос об игроке, о котором я никогда не слышала.

Они увлеченно беседуют, пока я чувствую тепло ладони Сета на нижней части спины. Он положил ее туда так спокойно, так небрежно.

Если сейчас кто-то пройдет мимо, то подумает, будто мы вместе. Но что я должна сделать? Прервать тренера Харриса и любезно попросить Сета убрать от меня свою руку?

Я глубоко вздыхаю, собрав все терпение, необходимое мне, чтобы пережить этот разговор, как вдруг наступает тишина. Я собираюсь предложить Сету найти Шейна, чтобы он смог сфотографироваться с ним.

— Серьезно? — тренер смеется над какой-то репликой Сета. Думая о своем, я оглядываюсь назад.

Ретт здесь.

Я чувствую это.

Изменился воздух вокруг, и мои ладони вспотели. Биение пульса зашкаливает.

Звук тяжелых шагов из коридора привлекает мое внимание. Я задерживаю дыхание и готовлюсь к встрече, но не совсем уверена, что это он, потому что я всегда ошибаюсь.

Только на этот раз это он.

Мое тело застывает на месте, взгляд не отрывается от него. Ретт стал крупнее, более накачанным. Хлопковая рубашка обтягивает широкие плечи, а выражение лица хладнокровно и сосредоточенно. В момент, когда он замечает меня, я кое-что замечаю. Шок? Удивление? Злость?

Его суровый взгляд опускается ниже, оценивая руку Сета на моей спине, а затем он перестает обращать на нас внимание. Чем ближе он подходит, тем сильнее колотится мое сердце. Но именно тогда, когда он проходит мимо, сделав вид, что мы не знакомы, мое сердце останавливается.

Глава 35

Айла

Команда Ретта выиграла.

Я десятки раз пересматривала ролики с лучшими моментами Ретта на льду, но ни разу не видела его таким. Такое ощущение, что его подпитывал коктейль из гнева и адреналина. Он был самым быстрым, его удары были агрессивнее и точнее, чем чьи-либо. В какой-то момент он вступил в бой со «Спартанцем», и они оба были отправлены на скамейку штрафников.

Но, как мне сказали, у «Спартанцев» принято праздновать хорошую игру, так что теперь мы сидим в баре «У Шотски».

Сет на седьмом небе от счастья, находясь в окружении игроков команды. Десять минут назад мы закончили второй раунд с «Ягер-бомб». Все изумляются знаниям Сета об игре, потому что он выражается больше как ученик Пруста, чем как любитель хоккея, но в этом весь Сет. *(Примеч.: Марсель Пруст — французский писатель, новеллист и критик, представитель модернизма в литературе).*

Ходячее противоречие с золотым сердцем.

— У тебя все хорошо? — спрашивает Шейн, занимая пустое место рядом со мной.

— Почему все спрашивают меня об этом? — смеясь, отвечаю я вопросом на вопрос.

Он пожимает плечами.

— Ну, просто ты исчезла. Получила на собрании чек и пропала. Я даже приезжал на квартиру Брайса через пару недель после этого, чтобы проверить, как ты, потому что ты не отвечала на мои сообщения, но владелец сказал, что ты съехала.

— Прости. — Я делаю глоток старомодного напитка. — Это был действительно... странный период в моей жизни.

— Это было как-то связано с Реттом? — Его вопрос застает меня врасплох, и я почти выплевываю свой напиток. Наши взгляды

встречаются, и я сразу понимаю, что он все знает.

— Почему ты так решил?

— Один из парней видел, как вы ночью шли в отель, — говорит он. — После того, как ты пропала, Ретт стал... холоднее... если понимаешь, о чем я. Мы сложили дважды два.

— Шейн, скажи правду, я плохой человек? — Эти слова сказаны с нетерпением, но я должна знать. Мне нужно объективное мнение кого-то, кто знает нас обоих.

— Ты не плохой человек, — отвечает он, и я выдыхаю. — Но я понимаю, почему Ретт так отреагировал. Ты понравилась ему. Но предала его. Как Дамиана.

Шейн вздрагивает, качает головой, а затем делает глоток пива.

— После этого он уже не был таким, как прежде, — говорит он. — Не знаю, как человек может справиться с двумя такими потрясениями, следующими одно за другим.

— Вы общаетесь? — спрашиваю я, приподняв брови. — Как у него дела? Он счастлив? Встречается с кем-нибудь?

Шейн осматривает помещение, и я вижу, что он хочет мне что-то сказать, но не знает, как это сделать.

— Общаемся, — признается он, делая еще один глоток.

— И?

— Ты должна отпустить его, — осторожно произносит он, прежде чем положить руку мне на плечо и по-дружески сжать. — Прошло уже больше года. Разве тебе не кажется, что пришло время двигаться дальше?

— Как он?

— Это имеет значение? — Шейн хмурит брови. — Ты не можешь изменить произошедшее, и, думаю, будет несправедливо рассчитывать на то, что он захочет дать тебе второй шанс. Разве нет?

На глаза наворачиваются слезы, и я пытаюсь их сморгнуть. В своих бредовых иллюзиях я никогда не задумывалась о том, как было бы справедливо, ведь любовь по своей сути несправедлива. Она требует жертв. Любовь — это медаль, у которой две стороны: радость и боль. И ты никогда не знаешь, какой стороной она повернется в

следующий раз.

У справедливости и любви нет ничего общего.

— Вероятно, я должен тебе сказать, — говорит Шейн, наклонившись ближе. — Один из парней пригласил его сегодня выпить, как в старые добрые времена.

Мои глаза округляются.

— Не знаю, появится ли он. Может, «Железные короли» устроили свое празднование, и он будет с ними. Я просто подумал, ты должна знать, что его пригласили, — говорит он.

Я оглядываюсь, как всегда высматривая его, но не вижу. Делая огромный глоток, я смотрю на Сета, который сидит в углу с ребятами. У него сейчас самый лучший момент в его жизни, и в ближайшее время он не захочет уходить отсюда.

Схватив телефон, я пишу Бостин. Сегодня суббота, почти ночь, и я уверена, что она сейчас где-то в городе пьяная в хлам. Вчера она пришла на мою автограф-сессию в качестве моей «ассистентки» и помогала успокоить некоторых слишком рьяных фанатов, которые так сильно фанатели, что едва могли сдерживать себя, будь они неладны.

Она не отвечает.

Шейн извиняется и снова подходит к стойке бара, и внезапно я оказываюсь в одиночестве. Сейчас это как нельзя лучше характеризует мою жизнь.

Исследуя указательным пальцем ободок стакана, я уношусь мыслями далеко-далеко. Шумный бар отходит на задний план, и я погружаюсь в свои мысли, пока какой-то мужчина не наткнется на меня, облив мою блузку пивом.

— Ох, черт, извините. — Он чертовски пьян, и я знаю, что это было случайно, но все равно злюсь. Он смеется и исчезает в толпе, а я встаю с места и направляюсь к женскому туалету. Мне повезет, если там будет сушилка. А если нет, мне конец.

Там меня ждет очередь из трех женщин, и, судя по виду, который открывается, каждый раз, когда дверь распахивается, там всего одна кабинка.

Кто ставит одну кабинку в женском туалете в баре, который

находится в городе с не одним миллионом жителей?!

Я проверяю телефон — ответа от Бостин все еще нет — и скрещиваю руки на груди, ненавидя прикосновения влажной ткани, прилипающей к коже.

— Я охренеть как ненавижу, что ты его сестра.

Этот голос.

Я поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с *ним*.

— Ретт, — говорю я, впитывая его в себя. Он примерно в двух шагах от меня, и знакомые пряные нотки его одеколона Viktor & Rolf будоражат поток воспоминаний, которые так хороши, что я готова расплакаться.

Он протягивает мне серую футболку с логотипом бара. Должно быть, он видел, что произошло, и купил ее в баре. Обычный жест доброты, который дает мне больше надежды, чем я хотела бы признать.

— Я не в силах это изменить, Ретт, — наконец говорю я. — К тому же, не нам выбирать себе родственников.

Сотни раз я представляла себе, как натыкаюсь на него, и каждый сценарий немного отличался от предыдущего. Но ни один из них не смог подготовить меня к тому, что я почувствую сейчас — я готова упасть на колени, обнимать его ноги, молить о прощении и клясться сделать все возможное, чтобы завоевать его доверие. У меня не осталось гордости.

Очередь движется вперед, и две девушки заходят в туалет вместе.

Его присутствие заполняет то небольшое пространство, которое нас разделяет, а взгляд впивается в меня.

— Я скучала по тебе, — говорю я, губы немеют и дрожат, когда я улыбаюсь. Я хотела сказать ему об этом сто раз, даже если он уже это знает. — Так сильно скучала.

Ретт ничего не говорит в ответ.

— Значит, ты сейчас в Филадельфии? — Ох, я не умею вести светские беседы, но и он не очень-то помогает мне.

Девушки покидают уборную, а женщина передо мной заходит.

Он всматривается в мои глаза, и я понимаю, что отдала бы все, чтобы узнать, о чем он думает. Но я не могу прочесть его мысли. Его непроницаемое, безразличное выражение лица нервирует меня, и в помещении внезапно становится на двадцать градусов жарче.

Через несколько минут открывается дверь в туалет. Я следующая.

— Спасибо за это. — Я поднимаю футболку и вхожу, только не ожидаю, что он присоединится ко мне, заперев за собой дверь.

— Что ты делаешь? — Я нервно смеюсь, расстегивая пуговицы своей блузки. Он видел меня голой и раньше, но это было тогда. Переодевание перед ним сейчас, с этим неумолимым взглядом, направленным в мою сторону, сбивает мое дыхание и поднимает волну тревожных бабочек в животе. Расстегнув последнюю пуговку, я бросаю блузку в мусорную корзину и в рекордные сроки просовываю руки в рукава футболки, но Ретт хватает и оттаскивает ее, рассматривая меня.

Я никогда не чувствовала себя более уязвимой.

Он осматривает меня сверху вниз снова и снова, так, будто видит мое тело в первый раз. Дольше всего его глаза задерживаются на моей груди. Его дыхание тяжелое, грудь поднимается и опускается. Грудь и плечи Ретта массивны, больше, чем раньше, а вены на руках выпирают, когда он напрягается.

Хотелось бы, чтобы он сказал хоть что-то.

— Ты счастлив, Ретт? — задаю я вопрос, на который хотела узнать ответ уже долгое время.

— Я выгляжу счастливым? — Он смотрит на мои губы, и внезапно я понимаю, что не могу дышать.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня.

Поцеловал так, как никто и никогда не целовал меня за всю мою жизнь.

— Ты скучал по мне? — спрашиваю я, сопровождая свой вопрос привычной ухмылкой. Притворившись, что дразню его, мне будет не так больно, если он скажет «нет».

Несколько секунд Ретт кусает свою нижнюю губу.

— Да? Нет? — дразню я. Нам нужно немного разрядить обстановку, потому что атмосфера и так слишком накалилась.

— Это твой парень там? — спрашивает он.

Я хмурюсь.

— Кто? Сет? Нет, нет, нет. Мы просто друзья.

Ретт кивает, изучая меня.

— Почему он прикасается к тебе?

Я смеюсь.

— Ты пошел за мной сюда, чтобы устроить допрос?

— Твоя личная жизнь меня не касается, Айла. Это был простой вопрос.

— Тогда что...

Он впивается в мои губы в бешеном порыве, который выбивает весь воздух из моих легких. Ретт проводит руками по внешней стороне моих бедер, обхватывает мою задницу и, подняв меня к стене, прижимается ко мне, когда я обхватываю его ногами.

Не знаю, что это значит или почему он это делает, но буду проклята, если спрошу, потому что не хочу, чтобы он останавливался.

Сцепляю пальцы у него на затылке. Его поцелуй причиняет боль, но я не возражаю, потому что поцелуй, который приносит боль, лучше, чем поцелуй, которого нет вообще. Его язык касается моего, и я улыбаюсь, когда понимаю, что на вкус он точно такой же, как и раньше.

Кто-то стучит в дверь, но мы не останавливаемся.

— Скорее! Мне нужно в туалет, — кричит женщина. — Если вы не выйдете сейчас же, за дверью вас будет ждать лужа!

Ну как после этого не любить Нью-Йорк.

Ретт стонет, и его хватка слабеет. Он отпускает меня, а потом бросает мне футболку. Я надеваю ее через голову, и, прежде чем понимаю, что происходит, он берет меня за руку, и мы выбегаем через заднюю дверь бара, мчимся по переулку и переходим дорогу по пешеходному переходу, направляясь к гостинице du Glace.

Когда мы едем в лифте, и его тело так сильно вжимает меня в

стену, что я не могу дышать, и когда он кусает мою губу, а я чувствую вкус крови на языке...

...я понимаю, что он совсем не скучал по мне.

Он просто хочет меня наказать.

Глава 36

Ретт

Я небрежно швыряю ее на кровать, точно так же, как и она обошлась с моим сердцем.

Потянувшись к ее джинсам, стягиваю их вниз, мозолистыми руками грубо касаясь нежной кожи. Виноват. А случайность ли это с моей стороны?

Следующие ее трусики.

Я разрываю их прямо посередине, почти так же, как и она поступила со мной. Слишком просто. Неужели и для нее тоже?

— Ретт. — Она выдыхает мое имя, пленяя своим чувственным взглядом, но я затыкаю ей рот грубым поцелуем, рукой запутываясь в ее волосах, пока впиваюсь в губы.

Этим вечером не будет никаких ласковых поцелуев. Никаких нежностей. Это не прогулка по аллеям памяти, вовсе нет.

Поддев пальцем бретельку бюстгальтера, я оттягиваю ее и отпускаю, чем наношу удар по коже. Даже в темноте виден след от удара, но он незначителен и со временем исчезнет. Это не сравнится с тем рубцом, что она оставила на моем сердце.

Расстегнув свои джинсы, я стягиваю их и ложусь на нее сверху, впиваясь в эти губы снова и снова, высасывая воздух из ее легких и вонзаясь пальцами в изгибы чертовски идеальной задницы.

Ногами она обхватывает мои бедра.

Она хочет этого. Хочет *меня*.

Не хотелось бы разочаровывать ее, но я уже не тот, что прежде.

Она прямо подо мной, я властвую над ней.

Раздвинув ей ноги, я дразню клитор кончиком набухшего члена, прежде чем медленно приблизиться к ее входу и проникнуть внутрь ровно настолько, чтобы помучить.

Да. Я хочу трахнуть ее.

Это чувство никогда не утихало, как бы я ни пытался с ним бороться, но я не могу сделать это так, как раньше. В этом случае у нее может сложиться неверное впечатление.

Я поднимаюсь, отстраняясь от нее.

— На колени.

Долю секунды она колеблется, а затем переворачивается и становится на четвереньки.

Сегодня я собираюсь трахнуть ее сзади, чтобы не ощущать на себе этот пристальный взгляд. Не хочу видеть слабый лучик надежды в ее глазах, которому *абсолютно* нечего там делать.

Достав презерватив из кармана джинсов, валяющихся на полу, я разрываю пакетик зубами и натягиваю латекс на свой твердый член.

Я слишком долго ждал этого и так сильно возбужден.

Кончиком пальца очерчиваю ее складочки, наблюдая, как дрожит ее тело, и как только она выдыхает, одним резким движением проникаю глубоко-глубоко.

Она ахает, падает на локти и прижимается щекой к кровати, хватаясь за простыни.

Я впиваюсь пальцами в ее бедра, оставляя красные отметины там, где сжимаю плоть, и вскоре в комнате ощущается запах возбуждения и слышны короткие вздохи, вырывающиеся из ее вероломного рта.

Глубже.

Быстрее.

Жестче.

Я трахаю ее, пока мы не теряем чувство времени, пока она не начинает кричать в простыни, говорить, как ей хорошо и умолять не останавливаться. Но я ничего не чувствую.

Ничего. Я будто онемел.

Когда все заканчивается, я выхожу из нее, бросаю презерватив в мусорное ведро и направляюсь в душ.

— Ты все еще здесь. — Через двадцать минут я стою в дверном проеме ванной. Одно полотенце обернуто вокруг моей талии, а другое накинуто на шею.

Я должен был смыть ее с себя.

Сейчас она одета и лежит на кровати.

— Ты не просил меня уйти...

— Думал, это и так понятно.

Айла садится, глядя мне в глаза, когда я передвигаюсь по номеру. Я хватаю одежду и выпивку из мини-бара, не предлагая ей.

— Это что, черт возьми, сейчас было, Ретт? — спрашивает она.

— *Это...* ничего. — Я делаю глоток виски. Он дешевый, и это меня удивляет, учитывая, что мы в отеле мирового класса, но сейчас мне просто необходим алкоголь. — Абсолютно ничего.

Виски обжигает горло, стекая вниз.

Туда.

Где я, наконец, начинаю *что-то* чувствовать.

— Значит, ты трахнул меня, просто чтобы выпустить пар? — спрашивает она.

— А разве это не так? — Мой член дергается, и я хмурюсь. Затем я смотрю на нее и ухмыляюсь.

Ее лицо вытягивается от разочарования.

— Или ты думаешь, если я поцеловал тебя — если *трахнул* тебя — все волшебным образом встанет на свои места? — спрашиваю я.

Она молчит. Да, думала. Она, черт возьми, так думала.

— Мило, — говорю я, качая головой, и делаю еще один глоток виски.

— Значит, ты просто хотел причинить мне боль, чтобы отомстить, — говорит она, наконец, поняв ситуацию. — Разве ты не думал, что будет достаточно, если ты просто скажешь, что больше не хочешь меня видеть?

— Вообще-то, нет.

— Кто ты? — спрашивает она, поднимаясь и направляясь ко мне.

Усмехаясь, я оглядываюсь через плечо, и выхожу на балкон.

— Прекрати. Хватит уже. Это не ты. Ты не этот парень, ты не бессердечный придурок. Я вижу это по твоим глазам.

Я перевожу взгляд на нее.

— Правда, Айла? И что же ты на самом деле видишь?

Она скрещивает руки на груди.

— Я вижу мужчину, который начинал в меня влюбляться, а я так сильно его обидела, что его сердце превратилось в лед, лишь бы больше никогда ничего не чувствовать.

— Поэтично. — Я закатываю глаза, делая еще один глоток.

— Не делай этого, — умоляет она.

— Не понимаю, о чем ты, — говорю я. — Я трахал тебя, а теперь я ничего *не делаю*.

Ее губы дрожат, но я не чувствую к ней ни грамма жалости.

— Знаешь, — произносит она, — одна из причин, почему я сразу не сказала тебе, кем являюсь — прошло слишком мало времени после Дамианы. Тебе было больно. И ты нашел спасение во мне. Я позволила тебе делать все, что ты хотел. Позволила тебе *использовать* себя, потому что ты был мне небезразличен, и потому что тогда именно это тебе и было нужно.

— Брайс всегда любил строить из себя мученика, — говорю я. — Должно быть, это семейное.

Айла прикрывает лицо ладонями.

— Не пытайся оправдать то, что сделала. Ты знала, кто я, но все равно трахалась со мной. Теперь разбирайся с последствиями своих действий сама. — Я опрокидываю в себя оставшуюся часть напитка. Я сжимаю стакан так сильно, что он в любую минуту может треснуть. — А сейчас пошла вон из моего номера.

На секунду ее рот открывается в изумлении.

— Пошевеливайся. С тобой я уже закончил. — Я направляюсь к двери. Моя челюсть сжата так сильно, что ее пронзает боль.

Я не видел, как это произошло — пощечина — пока не стало слишком поздно. Тепло растекается по моей щеке и челюсти. Ее

карие глаза широко открыты, как будто она шокирована своими собственными действиями, но она ничего не говорит.

— Ударь меня еще раз, — говорю я. — Мне это так нравится.

— Тебе это нравится, потому что это единственный способ для тебя хоть что-то почувствовать, ты бесчувственный ублюдок. — Айла поворачивается на каблуках, чтобы уйти, но я хватаю ее за локоть и прижимаю к себе.

— Я сказал, ударь меня еще раз, — Я обхватываю ее запястье, крепко сжав зубы.

Она хмурится.

— Нет.

— Почему, черт возьми?

— Потому что я... — Она замолкает, опуская взгляд.

— Потому что... что?

— Потому что не хочу причинять тебе боль, — выпаливает она, ее глаза полны слез. А затем ее плечи опускаются, и она прижимает ладони ко рту, чтобы скрыть сорвавшийся с губ вопль. — Потому что я тебя люблю.

Я обхватываю пальцами ее подбородок, наклоняясь к ней так, что наши губы практически касаются друг друга. Ее слезы не смягчат меня. Я не жалею самовлюбленных людей.

— Тогда я настоятельно рекомендую тебе остановиться, — говорю я отчетливо и ясно. Я не хочу, чтобы в моих словах была двусмысленность. — Сейчас же.

— Что, если я не смогу?

— Тогда тебя ждет много боли. — Я отпускаю ее подбородок и даю возможность уйти, когда отхожу от нее и направляюсь к балкону.

— Ретт, — говорит она, следуя за мной. — Если хочешь причинить мне боль, если от этого ты чувствуешь себя лучше, то я понимаю. Я переживу это. Поверь, любая физическая или эмоциональная боль, которую ты мог бы причинить мне, ничто по сравнению с той болью, что я чувствую, когда тебя нет рядом.

Я ощущаю тепло от ее руки на своем плече и поворачиваюсь к ней.

— Не думаю, что ты понимаешь, — говорит она, сложив обе руки на груди и глядя на меня умоляющим взглядом, — насколько сильно я... принадлежу тебе.

— Не будь смешной. Мы почти не знали друг друга, — говорю я. — И не льсти себе. Ты не более, чем небольшая вспышка на моем жизненном пути.

— Глубина чувств не зависит от количества времени, проведенного с кем-то.

— О, да? Это доказано учеными? — ухмыляюсь я, проталкиваясь мимо нее.

— Ты когда-нибудь любил меня? — спрашивает она, наклоня голову. — Когда все было хорошо, ты когда-нибудь смотрел на меня и думал, что, может быть, начал влюбляться в меня? Хоть немного?

Конечно, да.

— Нет, — лгу я.

— Если ты никогда не любил меня, если я была просто очередной девушкой, которую ты трахал, небольшой вспышкой на твоём жизненном пути, то почему так сильно хочешь причинить мне боль?

— Я больше не буду отвечать на твои вопросы. — Я указываю ей на дверь.

— Я не уйду, — говорит она.

— Тогда ложись на кровать.

— Что?

— Раздевайся и ложись на кровать.

— Зачем?

Меня поражает, действительно поражает, что эта женщина готова принять всю боль, которую я хочу причинить ей, только потому, что любит меня.

— Я снова хочу трахнуть тебя, — говорю я.

Жестче. Быстрее. Глубже. Безжалостнее.

Во мне снова начинают просыпаться чувства к этой девушке,
хотя мне нужно оставаться к ней безразличным.

Глава 37

Айла

— У тебя тот же номер? — спрашиваю я, когда в воскресенье утром собираюсь выскользнуть из его гостиничного номера до восхода солнца.

Он позволил мне остаться прошлой ночью. Прогресс? Это точно что-то значит. Или, может быть, он просто был слишком измотан, чтобы выгонять меня.

— Не звони мне, — говорит он.

— Опять двадцать пять.

— Я сломаю тебя, — обещает он, шагая ко мне. Или это угроза? В любом случае, мне все равно. Мое сердце отказывается слушать. Ретт обхватывает мой подбородок ладонью и проводит большим пальцем по нижней губе, пронзая взглядом.

Он пахнет, как я — как мы. После второго раза он не пытался смыть меня с себя.

— Немного поздновато. — Я задерживаю дыхание, позволив ему впиться в мои губы. Я ныряю с головой, зная, что в конце *не будет никаких* гарантий. — Ты давно меня сломал, Ретт. И ты единственный, кто может собрать меня обратно.

* * *

— Уже неважно. Я нашел ее. Она только что пришла. Я перезвоню тебе позже. — Сет расхаживает по нашему номеру, когда я возвращаюсь в воскресенье утром. Увидев меня, он с облегчением выдыхает, заканчивает свой разговор и кладет телефон на комод. — Где, черт возьми, ты была? Боже, я собирался звонить в полицию.

— Прости, — извиняюсь я. — Вчера вечером я встретила старого друга. И, как видишь, мы немного увлеклись, время пролетело незаметно. И мой телефон разрядился.

— Ты должна была найти способ позвонить мне, — говорит он. Я никогда не видела его таким злым. — Я думал, что случилось что-то ужасное, Айла.

— Прости.

Он подходит ближе, и мне интересно, сможет ли он почувствовать запах Ретта.

— Розали звонила сегодня утром, — говорит он. — Она не смогла связаться с тобой. Позвонила в номер.

— Да? Что она сказала?

— Учти, это еще *не* официально. Но. Она говорит, что ее информатор в «Катлер и Багби» сообщил ей, что в эти выходные было продано пятьдесят тысяч копий «Жестокого сердца», — сообщает он. — И хоть наверняка до среды мы и не узнаем, но она уверена, что ты попадешь в список бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс».

Я прижимаю ладонь ко рту.

— Сет! Ты серьезно?

Он кивает, ухмыляясь. Он счастлив за меня. Искренне счастлив. Я обнимаю его за плечи, и он крепко сжимает меня и кружит по комнате.

И все же, по какой-то неизвестной причине мои мысли возвращаются к Ретту, желая, чтобы это был именно Ретт — кружил, улыбался и поздравлял меня. Но при этом я знаю, что, скорее всего, этого никогда не случится.

— Наш рейс запланирован после обеда, — говорит Сет, освобождая меня из своих объятий. — Хочешь сходить в Музей современного искусства, прежде чем уедем? У них выставка Кароли Шниманн, которую я хотел бы увидеть, если ты не против. *(Примеч.: Кароли Шниманн — современная американская художница, фотограф, автор перформансов и инсталляций; яркая представительница феминистского искусства 60-х-70-х годов).*

— Да, конечно. У меня есть немного времени на сборы?

Я хватаю свою одежду из чемодана и включаю душ, омывая свое тело, пока следы Ретта не оказываются в водовороте воды вокруг слива. И только когда вытираюсь, стоя перед зеркалом в ванной, я

вижу укусы в верхней части плеча. Провожу пальцем по ним. Они светлые и незначительные.

Мне не больно, но мои чувства задеты тем фактом, что его руки и рот вытворяли такое, чего не было очень давно.

Я изголодалась по нему.

Я так жаждала его прикосновений, что готова была принять его любым, даже таким холодным и бездушным.

Глава 38

Айла

Сет подходит ко мне на свадьбе Вив и Фернандо, его рука слегка касается моей спины, когда я заказываю у бармена еще один напиток.

— Хочешь танцевать?

Ди-джей играет песню Эла Грина, и пары со всего зала направляются к танцполу, окружая жениха и невесту.

Любовь витает в воздухе. Буквально. Новоиспеченные мистер и миссис Алмейда не перестают улыбаться. С того момента, как прошли к свадебному алтарю, они ни на шаг не отходили друг от друга. В этом плане их поведение не сильно отличается от любого другого дня, но сегодня происходит действительно что-то особенное. Так. Много. Любви.

Я очень рада за них.

— Я ужасно танцую, — предупреждаю я Сета.

— Да, — говорит он. — Я знаю. Но мне все равно. Потанцуй со мной.

Он пробегает пальцами по моей руке и окунает меня в музыку, кружа в объятиях, когда наши ноги касаются танцпола. Мы оба смеемся. В серенаде Эла поется о том, чтобы быть вместе.

Прошла неделя с тех пор, как я вернулась из Нью-Йорка, но через два дня снова отправлюсь туда. Следующие два месяца я буду мотаться туда-сюда. Это будет изнурительно, и после, скорее всего, я больше никогда не захочу видеть салон самолета. Но я очень надеюсь, что буду так занята путешествиями, что смогу остановить навязчивые мысли о проведенной ночи с Реттом.

Песня заканчивается, и Сет кружит меня в последний раз, прежде чем прижать к себе. Дальше начинает играть «Staying alive», и куча тетушек и дядюшек Вивьен бросаются на танцпол в приступе ностальгии.

— Пойду, заберу свой напиток, который не успела допить... —

говорю я Сету, отпуская его, и возвращаюсь в бар. Бармен сразу замечает меня и вручает мне мое шампанское. Я оставляю чаевые и возвращаюсь к пустому столику, предназначенному для подружек невесты. У Вив их восемь, и, по-моему, это немного чересчур. Я пятая после сестер и кузин, но перед соседками по комнате в колледже.

— Вот ты где. — Сет садится на пустое место кухни Эмили.

— И снова привет.

Я люблю Сета. Очень. Но он весь вечер не отходит от меня ни на шаг, и меня это начинает раздражать. Да, сегодня он сопровождает меня, но это не значит, что мы встречаемся.

— Как дела?

Я делаю глоток шампанского, и он смотрит на меня так, будто я самое красивое существо из всех, что он когда-либо видел. Он делает это весь вечер с того момента, как увидел меня в розовом шифоновом платье подружки невесты.

— Не могу привыкнуть к тому, как прекрасно ты сегодня выглядишь, — говорит он. — Прости, что пялюсь на тебя.

Я закатываю глаза.

— Любая выглядела бы красивой с макияжем, накладными ресницами и миленькой помадой от «Шанель».

Сет ухмыляется, кусая нижнюю губу.

— Не будь такой скромной. Ты всегда прекрасно выглядишь, но этим вечером... ты заставляешь меня желать сделать то, чего я не должен.

Я делаю еще один глоток, на этот раз больше.

— Не говори ерунды.

— Ерунды? — Сет смеется. — С каких пор честность стала ерундой?

— С тех пор, как это говорит мой лучший друг.

Улыбка Сета меркнет.

— Может, я больше не хочу быть твоим лучшим другом.

— Сет.

— Я говорю серьезно, Айла. Я терпеливо ждал, чтобы ты поняла, как идеально мы друг другу подходим, — начинает он. — Я с тобой почти каждый день. Ты пишешь мне сообщения посреди ночи, когда не можешь уснуть. Я таскаюсь с тобой на девчачьи фильмы, даю право выбирать ресторан. Я всегда стараюсь прочитать то, что читаешь ты, чтобы мы смогли обсудить какую-нибудь книгу, потому что знаю, ты любишь говорить о них, но книги, которые нравятся мне, не нравятся тебе. Каждый раз, когда тебе что-то нужно, я всегда рядом. Нужно приделать книжную полку? Я тут как тут. Не работает измельчитель мусора? Звоню сантехнику. На твоей улице произошла серия ограблений? Я сплю у тебя на диване с бейсбольной битой. Нужно в аэропорт? Я снова рядом. *Я всегда. Черт возьми. Рядом.*

— Но ты ведь делаешь это, потому что ты мой *лучший* друг, — говорю я, хмурясь, наблюдая за тем, как его поведение тут же меняется. Это на него не похоже. — Возможно, сейчас не время и не место для этого разговора. Давай поговорим в другой раз?

— Нет, — настаивает он, сжимая губы и раздувая ноздри. Боже, он выглядит сексуально, когда злится, но все же он мой друг, и я не хочу ничего менять. Даже не могу поцеловать его — ведь это все равно, что целоваться с родным или двоюродным братом. Странно. Неправильно. Неестественно. — Я был без ума от тебя с тех пор, как мы встретились.

— Знаю.

— У нас так много общего, — продолжает он. — Мы идеально подходим друг другу. У нас никогда не было споров или разногласий. Нам нравится одно и то же. Мы можем быть счастливы вместе.

— Это трудно объяснить...

— Так попытайся.

Я делаю глубокий вдох и устремляю взгляд на колени, где лежит салфетка, из которой я выжимаю жизнь.

— Я все еще люблю другого, — признаюсь я.

Сет выдыхает и сжимает челюсть.

— И до тех пор, пока не перестану сравнивать каждого мужчину с ним, — продолжаю я, — я не буду встречаться ни с кем другим.

— И все? — спрашивает он с раздражением. — Ты даже не

хочешь попытаться?

— Поверь мне, я пыталась, — настаиваю я.

— Может, стоит попытаться еще раз?

— Это не так просто. Знаешь, что произошло в прошлые выходные? В Нью-Йорке? Я встретила его впервые с тех пор, как мы расстались.

Сет качает головой, выдыхая.

— Ну конечно, именно поэтому ты пропала. Теперь мне все стало понятно.

— Это сложно, — говорю я. — Между нами так много вопросов.

Сет закатывает глаза.

— Но он меня ненавидит, — добавляю я. — И мы никогда не сможем быть вместе. Вот такие дела.

— Печально, — говорит он, хотя я чувствую скрытый сарказм. — Столько месяцев вздыхать по человеку, который не испытывает к тебе и половины тех чувств, что испытываешь ты.

Сердце болезненно сжимается. Я хочу быть с Реттом. Сет хочет быть со мной. Все несчастливы.

— Я бы хотела, чтобы все было по-другому, — говорю я, положив ладонь на его руку.

Он отталкивает ее, берет мое шампанское и выпивает его залпом.

— Ага.

Выпрямившись, он поправляет галстук и пиджак.

— Куда ты? — спрашиваю я.

— Домой, — отвечает он, осматривая помещение в поисках ближайшего выхода.

— Потому что я не хочу встречаться с тобой? — Он, наверное, шутит. — Сет, прекрати. Не делай этого.

— Я больше не могу быть рядом с тобой. Не могу, если это ни к чему не приведет, — говорит он. — До свидания, Айла. Надеюсь, ты и твой... бывший бойфренд, по которому ты так сходишь с ума, будете очень счастливы вместе.

В понедельник днем я нахожу у своей входной двери пакет. Обратный адрес — штаб-квартира «Катлер и Багби» в Сиэтле, и я точно знаю, что в нем.

Я разрываю упаковку и вытаскиваю доказательство своей правоты — книгу «Ледяное сердце», продолжение моей первой книги.

Скоро она выйдет в печать, и тогда мир узнает историю Рида и Арианы. Историю любви, рожденную трагедией. Только у этих двоих все заканчивается хеппи эндом — тем, чего у нас с Реттом никогда не будет.

Это история о нас — примерно до середины. В этой версии Рид прощает Ариану. Он понимает, что она его очень сильно любит, что она не хотела причинять ему боль. Он прощает ее, влюбляется еще сильнее, чем раньше, и они живут долго и счастливо. Конечно, не все так просто, но суть такова.

Я начинала и заканчивала писать эту книгу полдюжины раз. Никогда не планировала, чтобы она была настолько похожа на мою жизнь, но, так или иначе, каждый раз она походила на нее все больше и больше.

Возможно, это был мой способ поставить точку в этой истории, ведь я так сильно в этом нуждалась.

Мне так сильно хотелось узнать, что бы произошло, если бы все было по-другому... поэтому мне пришлось сделать свои собственные выводы, даже если они были чисто вымышленными.

Я хватаю книгу, укладываюсь на кушетку и начинаю грызть книжный переплет. Открыв первую страницу, я облизываю указательный палец и просматриваю каждую. Я пролистываю страницу с авторским правом, оглавлением и эпиграфом, а затем останавливаюсь на посвящении.

Для Ретта. Навеки. — А.

Полагаю, глупо посвящать книгу тому, кто никогда не увидит ее,

но было бы неправильно посвящать ее кому-то еще.

Эта книга существует только благодаря ему.

Я пролистываю на первую главу, в которой описывается тот день, когда мы встретились. Конечно, я изменила некоторые детали и немного скорректировала диалог, но главные герои — это мы, и эта сцена — воплощение одного из самых переломных моментов в моей жизни.

Словно я возвращаюсь домой.

И от этого ощущаю боль в груди.

В моих глазах стоят слезы, слова расплываются, но я продолжаю читать.

И я знаю, когда дойду до «и жили они долго и счастливо», когда Рид и Ариана скажут «согласны», мое сердце снова разлетится на мелкие кусочки.

Глава 39

Ремм

— Эта девушка не перестает пялиться на тебя, — говорит один из моих товарищей по команде, пихая меня локтем. Мы в каком-то баре, в каком-то городе... по-моему, в Атланте. Я не уверен. Мы были в пути две недели подряд, и все дни, ночи и города слились воедино.

— Вижу. — Я выпиваю свое пиво и бросаю на нее взгляд, но только потому, что она похожа на Айлу. Не хочу трахать эту девушку. Не хочу вообще больше никого трахать. Кроме Айлы.

Две недели назад я высказал ей все — дважды — решив, что так я, наконец, смогу забыть о ней, но мой блестящий план провалился.

Я хочу ее так же сильно, как и прежде, если не больше. Мысли о ней посещают меня все время, и, будто этого недостаточно, я почти каждую ночь мечтаю о ней.

Девушка убирает темные волосы с плеча и встает со своего места за барной стойкой, поглядывая в мою сторону.

Она зря тратит время.

— Эй, незнакомец, — говорит она, положив руку мне на плечо. — Что мы сегодня пьем?

Я не отвечаю, потому что ее вопрос — это верх маразма. И ослу понятно, что я пью пиво.

— У тебя есть имя? — спрашивает она.

Еще один глупый вопрос. Конечно, у меня есть имя.

— Ты действительно ужасна в этом, — говорю я ей, делая глоток пива и осматривая бар. На стене висит старое черно-белое фото «Крысиной стаи». (Примеч.: «Крысиная стая» — команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х годов, которая группировалась вокруг Хамфри Богарта и его супруги Лорен Бэколл). Кажется, я видел эту фотографию сто раз, но даже она интереснее, чем этот разговор.

— Ты не даешь мне шанса, — говорит она, ее улыбка исчезает, а

тон меняется. Когда она хмурится, то еще больше похожа на Айлу. — Вообще-то, я стараюсь.

Я ничего не отвечаю ей.

— Ты весь вечер пялишься на меня. Разве это не приглашение подойти и представиться?

— Ты мне кое-кого напоминаешь, — объясняю я.

— Мне часто это говорят, — признается она, закатывая глаза. — Я похожа на актрису из «Анатомии страсти», Камиллу Люддингтон, — улыбается девушка. — Если бы мне давали доллар каждый раз, когда кто-то просил мой автограф... (Примеч.: «Анатомия страсти» — американский телесериал о жизни врачей и интернов).

— Никогда о ней не слышал.

Она упирает руки в боки.

— Я еще с другого конца бара поняла, что с тобой будет трудно поладить, но не думала, что настолько.

— Прости?

— Ты извиняешься или задаешь вопрос?

— Видишь того парня? Того, что в синей футболке и бейсболке, надетой наоборот? — Я указываю на одного из своих товарищей по команде. — Его зовут Ривер. Он будет трахать все, что двигается. Иди к нему.

— Да пошел ты. — Она стреляет в меня убийственным взглядом и возвращается к своим друзьям. Я чувствую, что они бросают взгляды в мою сторону, но мне похер.

Сейчас мне похер на всё и всех.

На всех, кроме Айлы.

Глава 40

Айла

Это плохая идея.

Мне не следовало этого делать.

Где Бостин, когда она мне так нужна? Она бы забрала телефон из моей руки и вразумила меня.

Я подношу телефон к уху. Идут гудки.

Через секунду я попадаю на голосовую почту Ретта и понимаю, что даже не знаю, что собираюсь сказать или буду ли вообще что-нибудь говорить. Я просто хочу услышать его голос.

— Алло?

О, Боже. Он ответил.

У меня горят уши и потеют ладони.

— Ретт. Привет.

Он выдыхает. Плохой знак.

— Зачем ты звонишь? — спрашивает он, хотя, на мой взгляд, самый важный вопрос здесь — зачем ответил он.

— Гм, — говорю я, пытаюсь выиграть время, чтобы придумать ответ получше, чем просто выложить правду. Иногда, когда выпью, я начинаю звонить бывшим. Я всегда так поступаю, как бы глупо это ни было. Чаще всего на следующий день я не помню содержание разговора, лишь вижу в своем журнале вызовов, что разговаривала с одним из них в час ночи, и длительность разговора составляла сорок две минуты и тридцать три секунды.

— Что тебе нужно, Айла? — снова спрашивает он.

Я сажусь прямо. Мое тело словно желе. Я уже задавала себе вопрос, зачем делаю это, но пустые маленькие бутылки водки, стоящие на мини-баре, кажутся хорошим оправданием.

— Я хотела поговорить об этих выходных, — признаюсь я.

Прошло уже три недели, и не было ни одной ночи, когда бы я не проигрывала в мыслях каждую минуту нашей последней встречи, прежде чем отправиться спать. Кажется, у меня мазохистские наклонности.

— Нет, спасибо, — говорит он.

— Ты будешь ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь?

Он молчит на другом конце линии, и в его молчании я нахожу ответ на свой вопрос.

— Я не ненавижу тебя, Айла, — вздыхает он.

— Тогда почему мы не можем...

— Потому что не можем. Мы погубим друг друга. И ты не выдержишь меня во второй раз. Не так.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Ты — огонь. Я — бензин. Мы сожжем все дотла, прежде чем у нас появится шанс.

— Значит, ты думал об этом, — говорю я.

— Думал о чем?

— О том, чтобы дать мне еще один шанс.

— Этого не произойдет, Айла. Это я могу тебе пообещать, — настаивает он, его голос суровый и уверенный.

— Тогда почему ответил на звонок?

Он колеблется.

— Ретт, — произношу я его имя, отчаянно нуждаясь в ответе.

Я слышу, как он выдыхает.

А затем вешает трубку.

Глава 41

Ремт

Никогда не придавал большого значения таким вещам, как судьба или рок, но, сегодня в Сиэтле, когда увидел доску с объявлением возле книжного магазина, пересмотрел свои взгляды.

Только сегодня!!! Автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс» Айла Колдуэлл с 19:00 до 21:00!!!

Итак, я здесь, стою в самом конце книжного магазина, так как свободными оказались лишь стоячие места, ожидая, когда Айла выйдет на сцену. Помещение наполнено энергией, а читатели вокруг меня — девяносто восемь процентов это женщины — бурно что-то обсуждают. Все они сжимают книги в твердом переплете, на которых написано имя Айлы.

По кругу передают коробку, блокнот и карандаш, и люди пишут вопросы для Айлы. Женщина, ведущая шоу, не гарантирует, что Айла успеет ответить на все, но обещает, что та постарается ответить на большинство из них.

Коробка почти минует меня, но я протягиваю руку. Женщина, передающая ее, извиняется, заявив, что предположила, что я здесь не по своей воле, а со своей девушкой.

Я вырываю из блокнота листок бумаги, записываю свой вопрос, складываю его пополам и бросаю в коробку.

Через пять минут свет гаснет, и женщина, ведущая данное мероприятие, приводит Айлу. Гам женских голосов стихает. Они все в восторге, взгляды приковываются к ней, когда она выходит на сцену. Несколько женщин, которые, вероятно, стояли в очереди с самого утра, расположились возле сцены, а я в самом конце, у стены, сильно затеняемой несколькими дюжинами непоседливых женщин. Айла не сможет увидеть меня.

— Всем привет, — говорит она, нервно кивая. Ее щеки слегка покраснели. Ненавижу публичные выступления. — Спасибо, что пришли сегодня.

— Айла, мы тебя любим! — кричит женщина рядом со мной. Еще одна рядом с ней свистит, вставив два пальца в рот. Айла прищуривается и смотрит в ее сторону.

Боже, дамочки, заткнитесь.

Не хочу, чтобы она меня увидела.

Не хочу, чтобы знала, что я здесь. Не сейчас.

Она начинает с чтения отрывка из своей книги «Жестокое сердце». Не представляю, о чем идет речь, наверное, о какой-то истории любви. Я не обращаю внимания на слова. Только на нее. Женщины аплодируют, когда Айла заканчивает читать, и затем она рассказывает небольшую предысторию о том, как появилась книга, сколько она получила отказов, и что отказывалась сдаваться, потому что безумно верила в эту историю любви и хотела поделиться ею с миром.

Ведущая вручает ей коробку, и, прежде чем вернуться на свое место, шепчет что-то на ухо.

— Так вы хотите, чтобы я ответила на ваши вопросы? — спрашивает Айла с улыбкой.

Ее встречает коллективный громкий ответ:

— Да!

— Ладно, я просто собираюсь вытащить несколько вопросов наугад, — сообщает она. — Поэтому очень сожалею, если сегодня не отвечу на каждый.

Айла засовывает руку в коробку, перемешивая маленькие клочки бумаги, перед тем как достать один.

— Что ж, начнем. *Есть ли в «Жестоком сердце» прототипы персонажей, с которыми вы знакомы в реальной жизни?* — Она откладывает бумагу.

— Хм. Не то чтобы знакома... Скорее это собирательный образ. Я просто хотела написать книгу о мужчине, которого было трудно любить, но который хотел быть любимым больше всего на свете. Мне

кажется, что в своей жизни я встречала много таких, поэтому писать о Джеймсе было очень просто, почти так же, как если бы мы были старыми друзьями. И, может быть, некоторые черты Стэсси основаны на мне, но это было неумышленно. Так случается, когда вы пишете. Трудно не поставить себя на место персонажа, и иногда они думают, говорят и делают то, что бы подумали, сказали или сделали вы в такой же ситуации.

Айла достает второй вопрос.

— *Если бы вам пришлось выбирать актеров для экранизации вашей книги, кто бы это был?* Ох, забавный вопрос. Стэсси определенно бы сыграла Эшли Грэм, а Джеймса, вероятно, Райан Гослинг. (Примеч.: Эшли Грэм — звезда модной индустрии, одна из самых успешных моделей плюс-сайз).

Она переходит к следующему вопросу.

— *Будет ли сиквел «Жестокого сердца»?* Да! Вроде того. Это будет отдельная история, с другими главными героями, но они будут связаны с предыдущей книгой. Она уже закончена и выйдет в мае этого года. Думаю, семнадцатого. Книга называется «Ледяное сердце». Это прекрасные вопросы, ребята. Спасибо, что не ставите меня в неловкое положение, как в Омахе. Их вопросы были очень личными, а я не была готова к такому.

Читатели смеются, и она подмигивает им и переходит к следующему вопросу.

— *Поскольку искупление, судя по всему, является темой вашей книги, мне стало любопытно: какой самый непростительный поступок вы совершили по отношению к человеку, которого любили? И как вы думаете, заслуживаете ли прощения?* — Айла поднимает руку в шее и снова читает вопрос — мой вопрос. Ее улыбка увядает и исчезает с лица, как будто она пытается понять, шутка ли это.

Но это не шутка.

Я хочу знать ответ.

Айла прочищает горло.

— Ну, во-первых, я не писала книгу о любви. Я не претендую на роль эксперта в ней. — Она смеется. — Но да. Я причинила боль человеку, которого любила. Мы встретились, я утаивала правду от него, а значит, врала и позволила ему влюбиться в меня. Узнав обо

всем, он решил, что для меня больше нет места в его жизни. Считаю ли я, что заслуживаю прощения? Не знаю. Это не мне решать. Только он может ответить на этот вопрос.

Она откладывает листок в сторону, и даже из противоположной части комнаты я вижу, как дрожит ее рука, когда она пьет воду.

Айла знает, что я здесь.

— Ладно, следующий вопрос, — говорит она, выдавливая из себя улыбку.

Я сваливаю отсюда.

Глава 42

Айла

— Что, черт возьми, это было? — Я звоню ему вечером, после одиннадцати, когда, наконец, прихожу из книжного магазина. Я осталась после интервью, чтобы убедиться в том, что каждый человек, который купил билет, чтобы увидеть меня, ушел с моим автографом в книге.

— Хотел услышать, как ты произносишь это вслух перед другими людьми. Я хотел услышать твою версию. Без извинений и оправданий.

— Где ты остановился? — спрашиваю я.

— Не важно.

— Мне нужно увидеть тебя.

— Это не очень хорошая идея, Айла.

Прошел уже месяц после нашей ночи в Нью-Йорке, а становится только хуже. Я не могу спать. Не могу есть. Я одержима Реттом и постоянно думаю о нем, из-за чего отстаю от графика работы. Нужно положить этому конец.

Меня доконает любовь к нему.

— Зачем ты это делаешь? — практически кричу я в телефон.

— Делаю что?

— Притягиваешь меня, а потом отталкиваешь, и так по кругу снова и снова, — объясняю я. — Это выматывает. Отпусти меня или будь со мной. Ты не можешь делать и то, и другое.

Он вздыхает, мучая меня своим молчанием.

— Я никогда не оправлюсь, если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, — говорю я. — Это убивает меня снова и снова. Ты действительно этого хочешь? Наблюдать, как я разбиваюсь на тысячи кусочков каждый раз, когда приходишь? А знаешь что? Думаю, какая-то часть тебя хочет причинить мне боль, но другая

хочет любить. Ты не должен был сегодня приходить в книжный магазин, но пришел, потому что хотел меня увидеть.

Ретт молчит.

— Позволь мне прийти, — прошу я. — Я хочу, чтобы ты посмотрел мне в глаза и увидел, что делаешь со мной, а потом я хочу, чтобы ты отпустил меня, потому что я так больше не могу.

Я жду ответа, которого так и не последовало, а затем вызов завершается.

Через минуту приходит смс.

Ретт: *Отель «Фримонт». Номер 1106.*

* * *

Он приветствует меня поцелуем.

Только не сладким, или мягким, или медленным.

Не примирительным или искупающим вину.

В его поцелуе нет ни капли жалости, ни капли пощады.

Ретт обхватывает мой подбородок, плавно переходя к шее, и я понимаю, что, наконец, могу дышать, но моя жизнь еще в его руках.

Кусает мою нижнюю губу, затем переходит к шее. Стягивает мою блузку.

— Я пришла сюда не для этого, — говорю я, затаив дыхание, когда мое тело тает у стены. Пальцами зарываюсь в его волосы песочного цвета, когда он опускается вниз, прижимаясь ртом к горячей плоти моего обнаженного живота. Ретт возится с поясом моих брюк, и хотя какая-то часть меня хочет остановить его, другая отчаянно нуждается в том, чтобы он продолжал.

Вот, что он делает со мной.

Я не в силах сопротивляться.

Он мой криптонит.

Ретт поднимается, возвышаясь надо мной. Его губы снова

впиваются в мои, когда он скользит руками по моим бедрам и притягивает ближе к себе. Через несколько секунд он увлекает меня к кровати, разрывая мою одежду с такой же небрежностью, как в последний раз.

— Ретт, — шепчу я.

Он не отвечает.

— Ретт, подожди, — говорю я, когда он стаскивает вниз мои трусики, лаская обнаженную плоть. Проникает глубоко внутрь пальцем, затем добавляет второй, большим пальцем лаская клитор, надавливая на него. — Давай сперва поговорим?

— Нет. — Он целует внутреннюю сторону моего бедра, царапая нежную плоть, и мое тело покрывается мурашками. Его движения пальцами становятся все настойчивее и быстрее, заставляя меня изнывать от удовольствия и муки.

Через секунду он переворачивает меня на живот, и звук расстегивающихся штанов заполняет пространство между нами. Он натягивает презерватив и одним движением наполняет меня.

Стоя на коленях, я хватаю простыни, позволяя ему трахнуть меня так же, как в прошлый раз. Он рычит и стонет, крепко сжимая мои бедра и направляя их навстречу своим толчкам. Моя кожа красная и влажная, и как ни странно я возбуждена больше, чем когда-либо.

Но я не хочу этого, больше нет.

Я отодвигаюсь от него и переворачиваюсь на бок, поднимаюсь с кровати и собираю одежду. Он смотрит на меня с гримасой разочарования на лице.

— Айла, — говорит он.

— Я не хочу делать это с тобой, — заявляю я, надевая блузку и снова натягивая брюки. Бюстгальтер и трусики лежат где-то неподалеку, но в комнате темно, и я не хочу искать их.

Мне жарко. Комната вращается. Подойдя к балкону, я открываю раздвижные двери, вдыхая свежий воздух, пахнувший дождем.

Через мгновение выходит потный Ретт с полустоячим членом.

— Я скучаю по тебе, по тому, каким ты был, — признаюсь я,

обхватив себя руками. Я усаживаюсь на стул, скрестив ноги. — В некотором смысле, мне кажется, что я обманываю его... с тобой.

Ретт ставит стул напротив меня, упирается локтями в колени и прижимает ладони ко рту. Затем он зажимает переносицу и сосредоточенно смотрит в пол.

— Я люблю тебя, Ретт. — Я смотрю на него, и наши взгляды встречаются. — Я хочу быть с тобой. Все еще хочу. Но если ты и дальше будешь трахать меня каждый раз, когда видишь, мне это не нужно. — Я встаю. — Я сдаюсь. Сегодня вечером я хотела поговорить. Я подумала, может, мы смогли бы сесть, отбросить наше эго и все остальное в сторону и все обсудить. Я была готова к любому исходу. Вот только не к тому, что ты прижмешь меня к стене и снова завладеешь моим разумом, телом и душой.

Я ненавижу себя за то, что сдалась. Глубоко вздыхаю и собираюсь с силами, чтобы сделать то, что должна.

— Прощай, Ретт.

Он остается неподвижно сидеть, наблюдая за тем, как я ухожу. Пока не передумала, я решаю сказать ему кое-что напоследок.

— И да, — говорю я. — По-моему, ты должен простить меня. Но если не хочешь... если не можешь... значит, проблема в тебе.

Глава 43

Pemm

— Привет-привет. — Локк появляется у меня на пороге в образе отца-одиночки, который понятия не имеет, что ему нужно делать, но, тем не менее, очень старается. Он держит свою дочь, Джо, на бедре, пока черная кожаная сумка для подгузников свисает с другой руки.

Я пытаюсь схватить ее, но вместо этого он вручает мне мою племянницу.

— Она не кусается, — говорит он. — Ну, во всяком случае, не очень часто.

Джо улыбается мне, ее большие карие глаза загораются, впрочем, как и всегда, когда она меня видит. Я никогда не ладил с детьми и всегда чувствовал себя неловко рядом с ними, но Джо по какой-то причине обожает меня.

— Кажется, она обкакалась, — говорю я Локку, затаив дыхание. — Да. Так и есть.

Джо смеется, и я протягиваю ее брату.

Наблюдать за Локком-отцом забавно, но у него вполне неплохо получается. Мы были потрясены, когда он сообщил нам, что обрюхатил эту восходящую поп-звезду, с которой познакомился в своем собственном приложении для знакомств. Но еще больше мы были потрясены, когда она заявила, что хочет отдать ребенка на усыновление, чтобы сосредоточиться на начинающейся карьере. К счастью, Локк не позволил ей этого сделать.

Теперь Джо только его. И она — весь его мир.

Он переодевает ее на моей кухне и ставит на пол, когда заканчивает. Она быстро добирается до гостиной, где я храню небольшую корзину детских игрушек, в основном тех, что Локк оставил во время своих предыдущих посещений.

— Не знал, что она уже ходит, — говорю я.

Он опускает руки на бедра, с гордостью наблюдая за ней.

— Да, только начала на прошлой неделе. Мужик, тебе нужно добавить здесь немного цвета. Это место удручает, — советует он, как и всегда, когда приходит сюда. — Серый диван. Серые стены. Серые полы. Добавь сюда немного жизни, Ретт.

— Ага, прямо сейчас этим и займусь. — Я сажусь в одно из кресел. Джо ползет под журнальный столик, исследуя то, что находит за две секунды, пока Локк не вытащит это из ее обслюнявленной руки.

Мой ноутбук лежит на столе слева от меня. На весь экран открыто то, что я и оставил — страница Айлы в «Фейсбуке». Я быстро закрываю крышку, чтобы Локк не заметил этого.

Мне было скучно, поэтому я просматривал ее фотки. На ее странице полно фотографий, и на них она выглядит такой счастливой. Все ее любят. У нее десятки тысяч подписчиков. Иногда она делает небольшие публикации о том, что ела на завтрак или как сегодня выглядит ее рабочее место. Иногда публикует интересные моменты или забавные истории из жизни.

Две недели назад она ушла из моего гостиничного номера в Сиэтле. Я снова отпустил ее.

Тогда это казалось правильным. Невозможно щелкнуть переключателем и перейти от ненависти к сладкой, чувственной любви как у Барри Уайта. (*Примеч.: Барри Уайт — американский певец в стиле ритм-энд-блюз, пик популярности которого пришелся на середину 70-х годов*).

Кроме того, я был слишком гордым.

Мне нужно было подкрепить свой гнев, а если бы я начал бегать за ней, это уничтожило бы все эмоции, которые я испытывал эти полтора года. Это доказало бы ее правоту, доказало бы то, что она достойна прощения. А я еще к этому не готов.

— Кстати, можешь присмотреть за Джо сегодня? — спрашивает Локк.

— Что?

Он ухмыляется.

— Она ложится спать в семь тридцать. Сегодня я встречаюсь с девушкой.

— Локк.

— Она старый друг. Ничего такого.

— Да. Конечно, друг. — Я не поведусь на это. — Чувак, я никогда раньше не присматривал за ребенком. Никогда не менял подгузники. Никогда не готовил смесь для кормления.

— Да ладно. Я позабочусь об этом перед тем, как уйду. Ретт, пожалуйста. Она та еще соня, и очень редко просыпается посреди ночи. А если проснется, то просто дашь ей бутылочку, немного поддержишь на груди, и она уснет, — заверяет он меня. — Я буду дома не позднее полуночи. И все время буду на связи.

Я глубоко вздыхаю. Никогда в жизни не был нянькой, но она моя племянница, а он мой брат, и ему пришлось пойти на жертвы, чтобы стать таким отцом, которого она заслуживает. Конечно, ему помогает няня, но все его ночи и выходные посвящены Джо.

Количество свиданий сократилось более чем вдвое. Он по-прежнему продолжает встречаться с девушками, но не так часто, а Джо стала его приоритетом номер один.

— Ты часто ходишь на свидания? — спрашивает он. — Надеюсь, часто, потому что девушки здесь в Филадельфии... Уф. Горяченькие. И такие милые.

Я ухмыляюсь.

— Неа.

— Почему... черт возьми? — Он наблюдает за Джо.

— Просто не хочется. — Мне еще предстоит рассказать Локку, что я все еще повернут на Айле. Он попытается прочистить мне мозги, а я не в настроении выслушивать все это. Он не верит в то, что можно быть так повернутым на ком-то, и говорит, что нужно идти вперед, как будто этого человека никогда и не существовало. Но я не могу этого сделать.

А хотелось бы.

— Хотя, может, это и к лучшему, — говорит Локк, ухмыляясь. — Не думаю, что кто-то захотел бы... ну, знаешь... с дикобразом.

Он может обзывать меня как хочет, сколько ему угодно. Мне все равно.

— Заткнись, — усмехаюсь я.

Мы наблюдаем за тем, как Джо играет. Она время от времени поглядывает на Локка, улыбаясь ему, будто он прекраснее всех на свете. Между ними двумя так много невысказанной настоящей любви, что меня от этого знобит. Ему повезло, ведь его так любят. Впервые я хочу того же, что есть у моего брата. Чистую, безграничную любовь.

С Айлой.

Хочу, чтобы она смотрела на меня как раньше.

Хочу вернуть те чувства, которые были, когда я встречался с ней... когда ничто другое не имело значения, только мы.

Позже, когда Локк кладет Джо в кровать и вручает мне радионяню, я бреду в свою спальню и включаю телевизор, чтобы отвлечься, одновременно просматривая контакты в телефоне.

В течение прошлых двух недель, каждую ночь примерно в это же время, я испытывал непреодолимую потребность написать Айле, чтобы признаться ей, что готов сделать все, лишь бы быть с ней. Но желание всегда проходит, когда в дело вступает мое упрямство, и я так этого и не сделал.

Но сегодня вечером я не могу перестать думать об этом. Желание написать не утихает. Может, это знак, что мой гнев рассеивается, и я готов простить ее? Не до конца уверенный, я хмурю брови, делаю глубокий вдох и пишу сообщение с двумя простыми словами — «Позвони мне» — и прежде, чем у меня появится шанс передумать, отправляю его.

Глава 44

Айла

Я очень устала, и последнее, что хочу делать сегодня вечером, это читать, но мне нужно подписать эти бумаги до завтра, к тому же, до конца книги осталось две главы. Я должна была это сделать несколько недель назад, но все эти разъезды и разборки с Реттом вымотали меня.

Сейчас я в Майами, остановилась в отеле «Фонтенбло» в номере с видом на океан. Этим вечером группа местных читателей вытащила меня выпить и потанцевать сальсу. Мои ноги покрыты волдырями, а голова все еще гудит от ликера и громкой музыки, но я отлично провела время.

Я переворачиваю книгу на следующую страницу. Здесь Рид просит Ариану выйти за него замуж и признается в вечной любви и преданности. Он дарит ей кольцо. Без бриллианта. Она бы такое не оценила. Оно обычное, из золота, и призвано символизировать вечную любовь. Их инициалы выгравированы на внутренней стороне вместе с датой их встречи.

Предложение простое и милое, потому что я представила Ретта — прежнего Ретта — который был простым и милым. Без выкрутасов. Прямолинейный. Он не делал широких жестов, потому что ему это было не нужно.

Слова на странице снова оживают, эмоции все еще свежи и так осязаемы. Радость. Грусть. Надежда, которая больше не живет в моем сердце.

Телефон вибрирует на тумбочке справа от меня, и, бросив на него взгляд, я вижу короткое текстовое сообщение на экране.

У меня перехватывает дыхание, и на секунду кажется, что я придумала себе это.

За именем Ретта следуют слова:

Позвони мне.

Мое сердце колотится и трепещет. Я чувствую себя выдохшейся, и мое тело не знает, должно ли оно радоваться, грустить или нервничать.

Я снова перечитываю сообщение, покусывая большой палец и пытаюсь восстановить дыхание.

Будет тяжело, но мне нужно игнорировать *это*.

Я должна игнорировать *его*.

Так будет правильно — покончить с этим раз и навсегда, потому что я не могу достучаться до него. Мы не подходим друг другу.

Мне ничего не остается, только оставить Ретта Карсона в своей памяти. Того Ретта, которого больше не существует. Именно так я и сделаю. Я буду любить его тихо, издалека, какой у меня есть выбор? Мы не можем продолжать ходить кругами.

И он прав. Я не спасу его снова.

Глава 45

Pemm

Вторая остановка книжного тура Айлы проходит в Миннеаполисе одновременно с моей игрой в Сент-Поле, и я решаю, что должен ее увидеть. Может, это последний раз, когда наши пути пересекаются, и если я не скажу ей то, что хочу, прямо сейчас, у меня больше никогда может не появиться такого шанса.

Приняв душ, я выхожу из раздевалки и пишу ей смс. Уже поздно, и она, скорее всего, в постели, но мне все равно. Я сообщаю ей, что в городе и что знаю, она тоже здесь. Пишу, что смогу добраться до нее через час. Прошу ее выслушать меня, и если она никогда не захочет меня больше видеть, то отпущу ее раз и навсегда. Пишу, что думал — о ней, о нас, но, в основном, о ней. Что сделал выводы.

Проходит двадцать минут, и она, наконец, отвечает:

Только сегодня. Не целуй меня. Не трогай меня.

Я отвечаю, что не могу пообещать того, что не буду пытаться ее поцеловать, но могу пообещать, что в этот раз буду нежен. Она ничего не отвечает, только присылает мне адрес своей гостиницы, и, как и обещал, через час я оказываюсь у ее двери.

Ее руки скрещены на груди, и она соблюдает некоторую дистанцию между нами. Она защищает себя, и я понимаю, что мне будет трудно. Я хочу сказать ей, что для меня это так же сложно, как и для нее, но сегодня речь пойдет не обо мне.

Речь о нас.

— Мне трудно принять тот факт, что ты его сестра, — начинаю я. — И я ненавижу, что ты хранила это от меня в тайне в один из самых черных периодов моей жизни. Ненавижу то, что влюбился в тебя так сильно, так быстро, и что ты меня подвела.

Она сжимает губы, взглядом упираясь в пол.

— Но я не могу тебя ненавидеть, — добавляю я. — Я пробовал. Не могу.

Айла вытирает пальцем щеку и смотрит в сторону.

— Я не могу ничего изменить, — продолжаю я. — И, судя по всему, у меня два варианта. Либо я буду жить с этой зияющей дырой в своем сердце всю оставшуюся жизнь, обвиняя тебя, либо могу найти способ наладить наши отношения.

Она поднимает взгляд и смотрит мне в глаза.

— Я все еще сержусь на тебя, — говорю я. — Но все равно влюблен.

Я проглатываю ком, застрявший в горле, и игнорирую то, как сжалось мое сердце в груди. Мне жаль, что я не могу прочитать ее мысли, но в выражении ее лица больше любопытства, чем возбуждения. Айла не бежит ко мне, не обнимает. Она ведет себя сдержанно.

— Прости, что причинил тебе боль.

Айла не двигается. Все не так, как я себе представлял. Она не бежит в мои объятия, не целует меня и не плачет от радости. Не прыгает от того, что появилась возможность наладить наши отношения. Вместо этого она выглядит нерешительной.

Я выдыхаю.

— Что ж, это все, что я хотел сказать.

И только когда я уже почти ухожу, она просит меня подождать. Когда я снова бросаю на нее взгляд, она идет ко мне.

— Ты должен мне кое-что пообещать, — говорит она, нахмутив брови.

— Все, что угодно.

— Ты не будешь припоминать мне это всю нашу оставшуюся жизнь. Я хочу оставить все позади. Если простил меня, если хочешь двигаться вперед, никогда не возвращайся к этому.

Я делаю глубокий вдох, обдумывая ее просьбу.

— Даже когда мы будем ссориться, — добавляет она. —

Никогда, ни за что не припоминай мне этого.

Она смахивает темную челку с глаз и прижимает руки к груди, терпеливо ожидая ответа.

— Договорились, — соглашаюсь я. — Я больше никогда не буду говорить об этом. Но и ты должна пообещать мне кое-что.

— Что именно?

— Никогда не скрывай от меня ничего, — прошу я. — Даже если считаешь, что защищаешь меня. Даже если думаешь, что это навредит мне. Даже если полагаешь, что так будет правильно.

— Обещаю.

Я подхожу к ней, обнимаю за талию и притягиваю к себе. Вдохнув, я чувствую, как мое тело расслабляется с каждой секундой. Обхватив ладонью ее щеку, я приподнимаю подбородок Айлы и медленно целую мягкие губы.

Она скользит руками по моей груди, цепляется за плечи, целуя меня. Оторвавшись от нее, я беру ее за руку. Мы идем к ближайшей кровати и раздеваемся. Я расстегиваю ее блузку, она расстегивает свои штаны, и мы снова целуемся. Ее бархатный язычок скользит по моему, и через мгновение мы становимся обнаженными, а мое тело нависает над ней на кровати.

Ее грудь наливается, соски напрягаются, и я провожу языком вокруг чувствительного бутона, прежде чем пробежаться пальцами по ее центру. Широко раздвинув ей бедра, я скольжу пальцем внутрь ее мокрой киски, а затем пробую ее на вкус.

Боже, как я скучал по этому.

В последний раз я не очень *наслаждался* ею...

Во всяком случае, не так.

Айла притягивает меня к себе, пока ее тело плотно не прижимается к моему, а ноги не оказываются закинутыми на меня. Мой член в полной боевой готовности, пульсирует и трется о ее складочки, когда она выгибается подо мной.

Я целую ее полные губы снова и снова, не торопясь, и она тянется вниз, протягивая руку между нами и обхватывая мой член, и начинает ласкать свой клитор.

— Скажи мне, — умоляет она, затаив дыхание и поднимая руки вверх, — ты был с кем-то еще?

Я качаю головой.

— Нет. А ты?

— Нет, конечно, нет. — Ногтями она впивается в мою задницу. — Я все еще на таблетках. — Губы Айлы растягиваются в улыбке. — Я хочу снова почувствовать тебя внутри. Всего тебя...

Обхватив основание члена, я направляю его внутрь, сильно и глубоко, находя идеальный ритм. Не слишком быстро, не слишком медленно.

— О, да, — стонет она, обнимая меня за шею и поднимая бедра мне навстречу. — Вот так, Ретт. Не останавливайся...

Я скольжу руками под ее задницу, придерживая так, чтобы с каждым ударом проникать в нее все глубже, наполнять, пока она с каждым вдохом просит большего.

Эта женщина...

...моя погибель.

Глава 46

Айла

— Что за чертовщина?

Я выхожу из душа и вижу Ретта, сидящего на моей кровати и держащего мою копию книги «Ледяное сердце»... и, судя по хмурым губам и морщинам на лбу, он не очень доволен.

— Это моя следующая книга. — Я стаскиваю полотенце с головы и пальцами расчесываю свои влажные волосы.

— Рид и Ариана? — спрашивает он, листая страницы. — Айла, это мы.

Я нерешительно улыбаюсь.

— Да. Типа того.

— Это не круто. Ты не можешь этого делать. Не можешь просто писать о людях без их разрешения.

— Я изменила все детали, — оправдываюсь я. — Мы встретились после свадьбы. Ты — бейсболист. Я — автор песен.

Он не выглядит удивленным.

— Никто ничего не узнает, — заверяю его я.

— Херня это все. Любой, у кого есть хоть немного мозгов, увидев нас вместе и прочитав твою книгу, все поймет.

— Кто увидит нас вместе и прочитает мою книгу? — Я закатываю глаза.

— Если ты будешь встречаться со мной, тебя рано или поздно сфотографируют. Таблоиды поймут, кто ты, и...

— И что? — Я подхожу к кровати, наклоняюсь и целую его в лоб. Он слишком остро реагирует.

— Айла, мы встретились вскоре после смерти Дамианы... люди этого не поймут, — говорит он унылым тоном. — Тебя не осудят за это, в отличие от меня.

— Я не писала о ней в книге.

— Да, но что, если кто-нибудь сложит дважды два? Поверь мне, начнется шумиха. Люди напишут что угодно, если это принесет прибыль. — Он закрывает мою книгу и потирает глаза большим и средним пальцами, выдыхая. — А я не хочу, чтобы из наших отношений делали инструмент по выкачиванию денег. Тем более, если это делаешь ты...

— Ты говоришь это, исходя из собственного опыта?

— Да. Именно.

Поднявшись, он начинает расхаживать по номеру и собирать вещи. Никогда не видела его таким. Он боится, что потеряет меня? Или боится, что его «позорная тайна» всплывет в СМИ? Я бы посоветовала ему не беспокоиться о том, что подумают другие, но он, похоже, не в духе.

— Я не хотела писать о нас, — говорю я. — Не хотела. Много раз я начинала писать о ком-то другом. Придумала всех этих вымышленных персонажей, но, как не крути, их эмоции были слишком реальными, слишком знакомыми, и я продолжала возвращаться к нашей истории. Но так как она была не завершена... я дала ей достойное окончание. Думаю, это был мой способ справиться со всем и поставить точку.

— Когда она будет опубликована? — спрашивает Ретт, оттягивая пальцами нижнюю губу.

— В мае.

— Боже, так скоро? Можешь это отменить?

Я смеюсь.

— Нет, не могу.

Он снова мечется по номеру.

— Если бы ты просто дал этой книге шанс, то понял бы, что это действительно красивая история, — говорю я. — К тому же, вторая ее половина — чистая выдумка. Ты должен прочитать тот фрагмент, где ты делаешь мне предложение.

Он ничего не отвечает на это.

— И обложка, — продолжаю я, указывая на книгу, которую он

все еще держит в руке. — Название будет напечатано розовым, потому что розовый — теплый цвет, что означает, что, в конце концов, я разморожу твое ледяное сердце своей любовью.

Ретта, похоже, не интересуют метафоры, которые вошли в эту вымышленную историю о нас, или то, что все продумано и спланировано.

— Это не нормально, Айла. — Его голос проносится по номеру, лишая меня дара речи.

Прежде чем у меня появляется шанс остановить его, он одевается и выходит. Моя книга все еще зажата в его руке.

Он останавливается, положив руку на ручку двери, и поворачивается ко мне, но не смотрит в глаза.

— У меня рейс через два часа. Мне нужно... разобраться со всем этим.

А затем уходит.

Я изменила его в своей истории, но, возможно, была полной дурой, посчитав, что смогу изменить и в реальной жизни.

Глава 47

Pemm

— Я хочу найти маму для Джо, — говорит Локк. Мы сидим на скамейке в парке недалеко от моей квартиры в Филадельфии. Наша мама качает ее на качелях, а папа фотографирует.

В последнее время они заставляют меня принимать участие в так называемых «днях семьи», потому что убеждены, что я в депрессии или что со мной что-то не так, но, на самом деле, я и не против.

Так я могу отвлечься на некоторое время.

— Как мог кто-то не хотеть быть ее матерью? — спрашивает Локк. — Только взгляни на нее. Она совершенство.

Я киваю.

— Да.

— Алекси действительно многое упускает, — говорит он. — Это очень грустно.

Я думаю о дне, который наступит спустя много лет, когда Локку придется рассказать Джо о ее матери, сценический псевдоним которой Алекси Электра. Могу только надеяться, что к тому времени у нее уже появится мама, которая будет сильно любить ее, и это смягчит удар. И тогда, полагаю, она поймет, что все сложилось именно так, как должно было.

Она изменила жизнь Локка к лучшему.

Она изменила жизни всех нас.

Я вижу, как она влияет на моих родителей, как освещает комнату и делает все проблемы незначительными. Нелегко быть родителем, особенно, таким людям, как мы с Локком. Возможно, наши родители слишком опекали нас в детстве, но сейчас я понимаю почему.

Когда очень сильно любишь, хочешь защитить этого человека любым способом. В то время у них было не так уж много возможностей это сделать, только комендантский час и ограничения в отношении наших приходов и уходов.

Однако все это заставляет меня думать об Айле... и теперь я понимаю, что наделал. Когда я чувствую себя беспомощным, моя первая реакция — оттолкнуть ее. Если я не могу контролировать развитие отношений, я их прекращаю.

Локк машет Джо, которая находится на другой стороне парка, и она машет ему в ответ, дергая ногами, будто пребывает в диком восторге от того, что снова увидела своего отца.

Невероятно, как настолько несмышленный человечек знает, как любить, а ведь она еще даже не говорит.

— Эй, Локк. Помнишь Айлу? — спрашиваю я.

Я еще ничего не сказал ему о нашей спонтанной встрече.

Он вздрагивает.

— О, да. А что?

— Видел ее недавно. Она написала обо мне книгу.

— Правда?

Я киваю, вытягивая руку на спинку скамьи и скрещивая ноги.

— Я, как бы, ушел от нее.

Локк бросает взгляд в мою сторону.

— Что? Почему? Ты должен гордиться, что она написала о тебе книгу. Это как рок-звезда, которая посвятила тебе песню.

— Я не знаю, черт возьми. — Я выдыхаю. — Просто... почувствовал, что теряю контроль, ведь она сделала это без моего разрешения, и... потерял ее.

— Если ты трахаешь ее, то ей не нужно твое разрешение писать о тебе, — говорит он. — Спроси об этом Аланис Морриссетт и Дэйва Кульера. Они должны знать. *(Примеч.: Аланис Морриссетт — канадская певица, композитор, актриса и продюсер, которая стала всемирно популярной в 1995 году, записав один из самых продаваемых альбомов за все время «Jagged little pill». В этом же альбоме она посвятила песню «You oughta know» — «Ты должен знать» — своему бывшему парню Дэйву Кульеру — звезде сериалов 90-х).*

— Ты идиот.

— Ты читал книгу?

— Частично. — Я потираю виски, наблюдая за тем, как мой отец катает Джо на горке.

— И как? — спрашивает он.

— Не важно. — Я не осознавал, что ушел с ее копией в руке, пока не оказался на другой стороне города, направляясь обратно к себе в гостиницу. Теперь эта книга покоится у меня дома на тумбочке. Я пока не могу заставить себя дочитать ее, но когда-нибудь сделаю это. По правде говоря, я хочу знать, что произойдет в ее версии нашей истории. — В любом случае, я позвоню ей сегодня вечером. Я должен извиниться за свою слишком бурную реакцию.

Надеюсь, одним телефонным звонком и чистосердечным раскаянием я смогу загладить свое двухдневное молчание.

Боже, я мудак.

Я самый настоящий придурок.

Локк проверяет свой телефон, и я спрашиваю, что он делает.

— Удаляю кучу номеров женщин, — отвечает он.

— Да ты что?

— Я серьезно. Хочу начать встречаться с кем-то. Хочу найти свою единственную, — говорит он, поворачиваясь ко мне. — И не смей, черт возьми, смеяться надо мной. Я начинаю жизнь с чистого листа ради своей дочери. Хочу, чтобы у нее было все, что ей нужно, начиная с мамы. И папы, который любит ее маму, как сумасшедший.

— Разве это не мило, — говорю я, усмехаясь.

— Может, тебе стоит подумать о том, чтобы сделать то же самое?

— Ага, — говорю я. — Возможно.

— Плевать, что я говорил когда-то, — произносит Локк. — Я забираю свои слова обратно. Отстойно быть одиноким. Любовь существует. *В этом секрет счастья.*

Глава 48

Айла

Я выхожу из магазина мобильных телефонов с улучшенным телефоном, новым номером и совершенно другими взглядами на жизнь.

Я решила оборвать связи в первый и последний раз.

Это немного глупо — раз за разом спасать свое израненное сердце от зубов Ретта, чтобы потом снова прибежать к нему по первому зову, но с меня хватит.

Я серьезно.

С меня хватит.

Взлеты и падения, радость и душевная боль, это слишком.

Пришло время двигаться дальше, сосредоточиться на карьере, на друзьях и своей жизни — на всем том, что за последние полтора года отошло на задний план.

Вернувшись домой, я проверяю почту. Издательство прислало мне новую книгу, как только я сказала им, что пролила кофе на свой оригинал, и они дали мне дополнительные два дня для одобрения.

Я делаю себе чашку горячего чая, нахожу теплое место в углу дивана, на которое светит солнце, усаживаюсь и начинаю читать историю о нас, чтобы в последний раз мое сердце разорвалось в груди.

Я практически дочитываю до четвертой главы, когда раздается стук в дверь. Отложив книгу, я на цыпочках бегу по ковру и заглядываю в глазок. Мое тело покрывается мурашками, когда я вижу, кто стоит по ту сторону двери.

Глубоко вдохнув, я широко раскрываю дверь, но не приглашаю его войти.

— Сет, — говорю я, — что ты здесь делаешь?

— Я пытался позвонить тебе сегодня утром, — начинает он. —

Ты сменила номер?

Кусая губу, я киваю.

— Да.

— Не возражаешь, если я на секунду зайду? — Он поправляет свои очки в толстой оправе и заглядывает мне за плечо. — У тебя ведь нет гостей?

Я качаю головой.

— Нет, но я вроде как занята.

Сет впитывает мой образ, и я вижу в его глазах любовь, которую он все еще испытывает ко мне. Что-то мне подсказывает, что этот разговор не будет быстрым, простым или легким.

— Хорошо. Тогда скажу здесь. Извини, что бросил тебя на свадьбе Вив, — говорит он. — Мне не следовало так поступать. Это было слишком. И я не должен был говорить тебе обо всем тогда. Я должен был сказать об этом, когда мы были бы готовы все обсудить.

— Спасибо, — выдохнув, произношу я.

— Но именно поэтому я пришел сюда сегодня, — продолжает он. — Я хотел узнать, можем ли мы поговорить?

— О чем?

Он тихо смеется, как будто я должна была прочесть его мысли.

— О чем? Об этом. О нас.

— Сет. — Я наклоняю голову. — Нет никаких нас.

— Ты даже не подумал? — Он прикрывает ладонью свой рот, скрывая недоверчивую улыбку. — Серьезно, Айла?

Я хватаюсь за дверь, вместо того чтобы залепить ему пощечину. Он был моим лучшим другом более года, но не может вести себя так только потому, что я не хочу с ним встречаться.

— Почему ты это делаешь? — спрашиваю я. — У нас была прекрасная дружба. И ты хочешь выбросить все только потому, что я не хочу встречаться с тобой?

Он начинает копаться в заднем кармане своих джинсов, чтобы достать сложенный лист бумаги.

— Что это? — спрашиваю я.

— Послушай, — говорит он, разворачивая его. — Я составил список причин, по которым мы идеально подходим друг другу. Номер один: нам удобно вместе. Номер два: мы заядлые читатели и интеллектуалы. Номер три: мы...

— Прекрати, — говорю я, съеживаясь. Ситуация становится неловкой, и я слишком забочусь о нем, чтобы позволить одурачить себя. — Это ничего не изменит.

Сет сминает бумагу и бросает ее.

— Хорошо. Когда-нибудь ты поймешь, что тратишь время впустую на какого-то осла, который тебя не заслуживает. Ты поймешь, что могла бы быть счастлива. Со мной. Но будет уже слишком поздно.

Он краснеет, глаза становятся стеклянными. Никогда не видела его в ярости. Я ошарашена. Все, что я могу сделать, это молча наблюдать, как он уходит.

— Ты этого не стоишь, — кричит он с тротуара, когда поворачивается ко мне лицом. Подняв палец, он указывает в мою сторону. — И, знаешь что? Этот парень, на котором ты так заиклилась, вероятно, понял это давным-давно.

Да. Может быть.

Но теперь это не имеет значения.

Я двигаюсь дальше.

Глава 49

Ремм

Я дочитываю последнюю страницу «Ледяного сердца» и опускаю книгу на колени, позволяя словам Айлы осесть в моем сознании, прежде чем кинусь звонить ей, но затем возвращаюсь к странице с загнутым уголком.

— Может, это была моя ошибка. Может, я не любила его достаточно сильно, чтобы заставить остаться. Может, он думал, что я уйду, как те, которых он любил до меня, — винила себя Ариана. Она винила себя до боли, пока не почувствовала, как ее сердце сжало, словно тисками. Она понимала, что больше никогда не станет прежней. — Поэтому я буду любить его сильнее. Буду любить его, пока он не вернется ко мне, а это обязательно случится. Потому что я знаю. Знаю, он вернется, потому что любит меня. Я чувствую это, даже если он не может мне этого сказать.

С моих плеч будто спадает камень, и появляется легкость в груди. Та самая легкость, которую я не ощущал уже много лет.

Она права.

Я люблю ее, даже если и не могу этого сказать.

Но я скажу это — при следующей нашей встрече, я скажу. Ей нужно это услышать. Она говорила мне это бесчисленное количество раз, а я никогда не отвечал ей взаимностью, потому что не хотел.

Мне не верилось, что спустя столь короткий промежуток времени после трагической потери я могу так сильно влюбиться.

Этого не должно было произойти. Люди так не поступают. Они скорбят и выжидают какое-то время, и, конечно же, не влюбляются, черт возьми, в сестру человека, который жестоко их предал.

Во второй половине книги Айлы описаны мы, поселившиеся в уютном маленьком любовном гнездышке в Манхэттене. Возможно, в

ее сознании мы никогда не покидали город. Мы оставались в том же месте, где все началось. В ее версии нашей истории у нас были взлеты и падения, но мы выстояли. Когда возникали проблемы, мы упорно их преодолевали. Когда все было хорошо, мы были на седьмом небе от счастья. Но вся прелесть была между взлетами и падениями. Чистая, безоговорочная любовь вымышленных нас — то, что я когда-нибудь надеюсь испытать с Айлой.

Признаю.

На этот раз я действительно все испортил.

И хотя мне не нравится то, что она написала обо мне книгу, не спросив моего разрешения... мне нравится она, я влюблен в нее. А это значит, что я должен простить ее. И сражаться за нее, когда возникают проблемы. На этот раз я не сдамся.

Убрав книгу и схватив телефон, я нахожу ее номер и нажимаю кнопку вызова.

Но гудков нет. Вместо этого я слышу голосовое сообщение.

— Набранный вами номер не существует.

Я вешаю трубку.

Конечно, произошла ошибка. Проблемы со связью или что-то типа того.

Я звоню снова, но получаю то же сообщение.

Глава 50

Pemm

Последний этап тура в поддержку книги Айлы проходит сегодня вечером в Вашингтоне, округ Колумбия, в магазине в Джорджтауне. Сегодня у нас была домашняя игра, и, едва она завершилась, я побросал свои вещи в машину и три часа без остановок ехал по трассе I-95.

На протяжении нескольких часов я стою в очереди, которая заходит за угол здания, и когда мы, наконец, входим внутрь, нахожу место в середине зала посреди нескольких сотен слишком возбужденных болтливых женщин.

Точно по расписанию владелец книжного магазина представляет Айлу, и дамы вокруг меня, как и в прошлый раз, будто сходят с ума. Точно так же, как и в прошлый раз, гаснет свет, Айла читает отрывок из своей книги «Жестокое сердце» и предлагает участникам задать вопросы.

Работница книжного магазина, на которой надета рубашка с зеленой пуговицей на воротнике и очки в толстой черной оправе, держит микрофон и нервно суетится, подходя к тем, кто первым поднимает руку.

Сегодня все подготовили вопросы, и я в том числе.

— Привет, Айла, я Деб из Александрии, — начинает первая женщина, сжимая микрофон обеими руками и улыбаясь, когда маленький прожектор освещает ее лицо. — Я перечитала твою книгу четыре раза, и мне интересно, когда мы можем ждать продолжения?

— Привет, Деб! Семнадцатого мая, — отвечает Айла.

Женщина передает микрофон даме, сидящей рядом с ней.

— Я Кэндис из Паркерсбурга, Западная Вирджиния, — говорит вторая женщина. Понятия не имею, почему они все чувствуют потребность представить себя, но, если так пойдет и дальше, это вопросно-ответное интервью продлится всю ночь. — Можете ли вы рассказать нам, о чем будет ваша вторая книга?

Айла улыбается.

— Конечно! Это будет история о настоящей любви, как и в «Жестоком сердце». Если коротко, в книге затрагиваются темы судьбы и того, что все в мире взаимосвязано. Ведь часто все складывается не так, как мы хотим, а так, как должно быть. Также эта книга о принятии и прощении.

В помещении становится тихо.

— Главная героиня — девушка, которая знакомится с парнем обманным путем, — добавляет она, потупив взгляд. — И практически сразу же влюбляется в него. Но он узнает, кто она на самом деле, и злится на нее. Они должны понять, как жить дальше после причиненных друг другу ран и предательства, а также что делать с болью, потому что их сильная любовь до сих пор жива и не собирается так просто исчезнуть независимо от того, как сильно каждый из них пытается ее убить.

Работница магазина берет микрофон и переходит в другую часть зала, передавая его белокурой женщине в розовом свитере.

— Айла, можете ли вы сказать, почему сделали Стэсси такой непривлекательной в «Жестоком сердце»? — спрашивает она. — Вы отличный писатель, но я не могу понять ее поведения. Почему не Джеймс? Он же идеальный.

— О, мне жаль, что вам не понравилась Стэсси, — отвечает Айла. — Я хотела, чтобы она была нахальной и неряшливой, и, возможно, немного переборщила. Знаю, иногда она была глуповатой и всегда говорила то, что было у нее на уме. Может, вам понравится Ариана? Из «Ледяного сердца»? Она немного мягче. С добрым сердцем. Очень эмоциональная. Наверное, даже слишком...

Следующая читательница берет микрофон.

— Планируется ли фильм «Жестокое сердце»?

Айла улыбается.

— Не знаю. Надеюсь, что да. Кажется, не нам это решать, ведь так? Прошло всего лишь несколько месяцев, поэтому кто знает? Все может случиться.

Сотрудница магазина сканирует тускло освещенный зал и останавливает свой взгляд на женщине, сидящей через пару мест

слева от меня, которая трясет рукой в воздухе и подпрыгивает на носочках.

— Да, Айла, привет, — говорит она, затаив дыхание и улыбаясь. — Я Николь из Балтимора, штат Мэриленд, и мне интересно, состоишь ли ты в отношениях? Потому что ты бы идеально подошла моему младшему брату!

Толпа смеется, и Айла краснеет.

— Я одинока, — отвечает она.

— Отлично! Как только закончится встреча, я дам тебе его номер, — говорит Николь.

Сердце болезненно сжимается. Не могу больше терпеть.

Я поднимаю руку и смотрю прямо в глаза сотруднице магазина, призывая ее подойти ко мне.

Через мгновение микрофон оказывается в моей руке. Сердце колотится, и все вокруг меня исчезает, кроме Айлы. Проектор направлен на меня, и я чувствую тепло, исходящее от него.

— Привет, Айла, — говорю я, пронзительно глядя через весь зал. — Ретт. Из Филадельфии.

Она застывает на месте, побледнев, как привидение. Ее взгляд прикован к моему лицу.

— Я хотел бы спросить о вашей книге «Ледяное сердце», которую мне посчастливилось прочесть, — начинаю я, чувствуя тяжесть взглядов, направленных в мою сторону. — Мне интересно, основана ли ваша книга на реальных событиях.

Ее глаза вспыхивают, а затем она прищуривается. Айла думает, это вопрос с подвохом.

— Раньше я думала, что да, — начинает она, тщательно обдумав мой вопрос. — Но теперь могу с уверенностью сказать, что эта книга плод моей фантазии. Вам будет трудно найти прототип любого из моих персонажей.

— Уверены? — спрашиваю я. — Потому что они были для меня так реальны. Мне казалось, что я их знаю. Лично.

Она краснеет и оглядывается по сторонам, ерзая на месте.

— Может быть, часть характера Рида основана на человеке, которого я давно знала, — признается она, вздыхая. — Но Рид и этот парень абсолютно разные. Как день и ночь.

— Еще один вопрос, если можно, — говорю я, когда сотрудница пытается забрать у меня микрофон. — Вы все еще общаетесь с этим человеком? С тем, на основе которого был создан главный герой вашей книги?

Айла снова прищуривается.

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— В «Ледяном сердце» Рид постоянно говорит Ариане, что любит ее, при каждом удобном случае. И мне стало интересно, говорил ли Рид — настоящий Рид — вам когда-нибудь, что любит? — спрашиваю я.

Она не моргает. Просто смотрит прямо перед собой. В зале повисает тишина, пока Айла, наконец, не прочищает горло.

— Никогда, — говорит она. — Мы так и не дошли до этого. Я говорила ему. Много раз. Но он никогда не говорил об этом мне.

— Может, — продолжаю я, — у Рида были не лучшие времена? Может, он любил вас, но не знал, как сказать об этом, потому что это означало бы потерять контроль над тем единственным, что он мог защитить — над своим ледяным сердцем?

— Все возможно. — Айла убирает свои темные пряди за ухо.

— Вы говорили с ним недавно? Может быть, он готов вам признаться? Может, хочет извиниться за то, что такой мудака? Может, он готов, наконец, строить с вами отношения.

Она опускает свой подбородок к груди.

— Я люблю тебя, Айла, — говорю я, глядя на нее. — Прости меня. Я все испортил.

Теперь все взгляды устремляются на меня. Женщина передо мной смахивает слезы счастья платочком, а другая слева от меня вопит, как будто я какой-то монстр.

— Поцелуй его! — кричит кто-то из толпы, и вдруг все уходит на второй план.

Я протискиваюсь между проходами и рядами, стульями и

женщинами, пробираясь вперед, и, поднявшись на маленькую сцену, направляюсь к подиуму. Туда, где неподвижно стоит любовь всей моей жизни.

Прижав ладонь к ее щеке, я скольжу пальцами по затылку и наклоняюсь к ее губам.

Читатели свистят, хлопают и приветствуют нас, и я чувствую, как губы Айлы изгибаются.

— Я люблю тебя, — шепчу я ей на ушко. — Для меня существуешь только ты.

— Я тоже тебя люблю.

Глава 51

Айла

— Зачем ты сменила номер? — спрашивает Ретт, когда мы входим в мой гостиничный номер после завершения раздачи автографов. Он обхватывает меня за талию и целует в шею.

— Мне нужно было двигаться дальше, — отвечаю я. — Я устала наступать с тобой на одни и те же грабли.

Он хмурится, встречаясь со мной взглядом.

— Ты действительно считала, что способна двигаться дальше, позабыв про всё?

Я вздыхаю.

— Нет. Но я решила попробовать.

Ретт проводит руками вверх по моим бедрам, забираясь под мою блузку и обхватывая ладонями грудь.

— Больше такого не повторится, — обещает он мне.

— Не повторится.

Он снова целует меня, его губы прижимаются к моим, затем он стягивает мою блузку через голову, и мы падаем на кровать.

Ретт не груб. Он не рвет на мне одежду, хотя, подозреваю, скоро мы к этому приступим. Он упивается мной, будто все, что ему нужно, это быть со мной.

— Знаешь, после всего, что произошло, я все еще дико влюблена в тебя, — признаюсь я, — но также чувствую, что почти не знаю тебя.

— Аналогично, — ухмыляется он.

— Я даже не знаю, как зовут твоих родителей.

— Барб и Чет. Хочешь познакомиться с ними?

Уголок моих губ приподнимается, а живот наполняется бабочками.

— Да. Хочу.

— У Локка есть ребенок, — говорит он.

— Что?

— Ага. Дочь по имени Джо. Ей почти год. — Лицо Ретта светится, когда он упоминает о своей племяннице. — Он отец-одиночка.

— Вау.

— Знаю.

— Тебе нравится быть дядей? — спрашиваю я.

— Еще бы. В некотором роде, Джо сплотила нашу семью.

— Дети это могут, — говорю я. — Тебе нравятся дети?

— Имеешь в виду, люблю ли я детей или хочу ли я их?

Я игриво глажу его грудь. Он видит меня насквозь.

— И то, и другое.

— Да, — говорит он. — Мне нравятся дети. И я хочу, чтобы у нас с тобой они были.

— Можно начистоту? — спрашиваю я.

— Конечно.

— На самом деле, я пока не знаю, хочу ли детей, — говорю я. — Не пойми меня неправильно, я люблю их. Просто не уверена, что уже готова к ним. Но, если бы хотела детей, то только с тобой. Вот почему я уверена, что люблю тебя. У меня никогда не было такого с другими.

Ретт ложится на меня сверху, просовывая руки под мои плечи.

— У нас есть много времени, чтобы подготовиться к этому. А пока придется практиковаться. Много.

— Думаешь? — Я хихикаю, чувствуя его твердую выпуклость напротив моего покрытого тканью холмика.

Его губы прижимаются к нежному местечку чуть ниже моего левого уха, и мое тело буквально плавится.

— Я так рада, что ты вернулся. — Я вздыхаю, глядя в потолок,

когда он опускается ниже.

Ретт расстегивает пояс моих брюк. Пальцами скользит под ткань, стаскивая их с меня. Я тянусь к его джинсам, расстегивая их и стягивая вниз.

— Я так сильно люблю тебя, Айла, — выдыхает он мне в ухо.

Ретт ложится набок, прижимая меня спиной к себе и приподняв мою ногу. Через мгновение он направляет головку своего члена в меня и скользит пальцами вверх и вниз по моим складочкам, наполняя меня.

Свободной рукой он притягивает меня к себе, и наши тела сплетаются, набирая темп и подстраиваясь друг под друга, пока большим пальцем он ласкает мой клитор.

— Я больше не позволю тебе уйти, — обещает он.

— Хорошо. Потому что я никогда не отпущу тебя, — говорю я.

Мы окунаемся в безмятежность, покрытую удовольствием.

Он принадлежит мне.

Я — ему.

А больше ничего не нужно.

Эпилог

Год спустя...

Айла

— Нервничаешь? — спрашивает меня Ретт, пока я накрываю на стол.

— Из-за чего мне нервничать, мистер Карсон? — Мне нравится так его называть, потому что в ответ обычно он зовет меня миссис Карсон, а я без ума от своего нового имени. На обложках моих книг по-прежнему красуется надпись «Айла Колдуэлл», но по закону я его жена. Миссис Ретт Карсон.

— Миссис Карсон, гости прибыли, — говорит он, подмигивая, и я улыбаюсь. — Эти двое не видели друг друга с нашей свадьбы, а мы помним, чем *это* все закончилось.

Я смеюсь.

— Так хочется, чтобы они перестали все портить и покончили со своими ссорами. На днях они поймут, как идеально подходят друг другу.

— Сомневаюсь, что Бостин нужен парень с багажом.

— Джо не багаж, а приятное дополнение.

Я заканчиваю сервировать стол и выношу из кладовой высокий стул для Джо. Мы присматриваем за ней, когда нам выпадает такая возможность, давая Локку отдохнуть, потому что всегда можем убедить его в том, что он в этом нуждается.

Когда раздается звонок в дверь, наша немецкая овчарка Грубер лает и подходит к двери. Мы еще не готовы заводить детей, поэтому решили начать с собаки. И пока все идет неплохо. Мы по очереди выгуливаем ее вечером, когда она скулит, и постоянно следим за тем, чтобы она была чиста, сыта, а также играем с ней.

Я абсолютно уверена в том, что когда-нибудь мы справимся с воспитанием детей.

Раздается сигнал таймера на духовке, поэтому я проверяю

куриную пикату, пока Ретт идет открывать дверь. Спустя секунду я слышу песню, которую напевает Бостин, и громкий цокот ее каблучков в холле.

Мы переехали в красивый дом в пригороде Филадельфии, который окружает забор и дюжина старинных дубов, вечнозеленые растения и плачущие ивы. Дом напоминает мне небольшой уютный замок своим большим количеством каменной кладки. На заднем дворе расположен небольшой бассейн, в котором можно плавать, когда становится тепло. Также там есть маленький домик, где я пишу и где нет таких отвлекающих факторов, как интернет и сексуальный муж, который хочет наброситься на меня, когда ему нечем заняться.

— Привет, девочка моя. — Бостин обнимает меня сзади, когда я ставлю блюдо с пикатой.

— Бостин! — Я поворачиваюсь, обнимая ее. Она все еще живет в городе, но видимся мы очень редко.

— Как вкусно пахнет, — говорит она, глядя через мое плечо.

Ретт несет ее сумку наверх. Сегодня она будет ночевать в одной из комнат для гостей, напротив Локка и Джо.

Через несколько минут открывается дверь в гараж. Сначала появляется Джо, а затем Локк с охапкой багажа, одеял и плюшевым слоном.

— Заходите, заходите, — говорю я.

— Привет, ребята, — приветствует всех он, устремив свой взгляд на Бостин.

— Как дела? — спрашивает она, хотя напряжение между ними можно резать ножом.

Сказать, что они терпеть друг друга не могут, это ничего не сказать. Те несколько раз, когда эти двое находились в компании друг друга, были феерией льда и пламени. Но я надеюсь, что сегодня вечером, в присутствии Джо, они сведут обоюдные оскорбления к минимуму.

Вернувшись, Ретт обнимает брата. Когда мы все усаживаемся за стол, Локк начинает рассказывать о своем новом приложении.

— Так что, да, — говорит он. — Это приложение позволяет оценивать свидания. Типа сервиса «Убер», где можно ставить оценки

водителям такси.

Бостин кривится.

— Это отвратительно.

— Нет, это не так. Разве ты не хотела бы знать, что собираешься отправиться на свидание с парнем, который уже продинамил какую-то девушку? — спрашивает он.

— Да, но все же. Это неэтично. Что, если люди просто будут лгать? — спрашивает она.

— Отзывы не анонимны. Если ты хочешь оставить отзыв, то должна опубликовать свою фотографию и настоящее имя, которое будет проверено. — Он отрезает несколько кусочков курицы и кладет на тарелку Джо.

— Тогда никто не будет оставлять отзывов, — говорит Бостин.

— Ты не понимаешь. Это отличная задумка. Люди будут помогать друг другу находить любовь, — возражает он. — Может, однажды ты пойдешь на свидание с кем-то, кто не в твоём вкусе, но решишь, что он стал бы идеальной парой для кого-то другого. Ты можешь написать, что вам было хорошо вместе, но он не твой единственный. Было бы круто, если бы давали оценки, например — любит активный отдых. Адреналиновый наркоман. Поклонник «Стилерз». Да как угодно.

Бостин тянется к бокалу с вином.

— Не знаю. Некоторые люди придурки.

— Да, — соглашается он. — Правда. Во всяком случае, стоит попробовать. Нужно придумывать что-то новое, чтобы оставаться впереди.

— Локк недавно продал свое пятое приложение, — встречаю я.

— О, правда? — Бостин смотрит на него через стол. — Повезло тебе. Еще одно приложение для знакомств?

— Неа. Приложение для родителей, — говорит он.

Ее взгляд смягчается. Она так хочет ненавидеть его, но я вижу, ее решимость ослабевает с каждой секундой. Он действительно изменился, и я надеюсь, что когда-нибудь она сможет дать ему еще один шанс. Два человека, которые цапаются друг с другом, как кошка

с собакой, должны быть взрывоопасны в постели.

И ей это нужно. Ей нужен пожар. Ее последних бойфрендов мы не просто так называли Тихоня, Ворчун и Простачок. (*Примеч.: Тихоня, Ворчун и Простачок — имена гномов из знаменитого мультфильма «Белоснежка и семь гномов»*).

Для человека, который дает советы о свиданиях, у нее худший вкус на мужчин. Я хотела бы, чтобы она просто доверилась мне, потому что я более чем уверена, что знаю, как подцепить парня, о чем свидетельствует лучший из мужей, сидящий напротив меня. И прямо сейчас он смотрит на меня так, будто в двух секундах от того, чтобы отнести наверх и отыметь, несмотря на то, что у нас гости.

Он всегда на меня так смотрит, и я надеюсь, что так всегда и будет.

Локк наклоняется к Джо, и я вижу, что Бостин наблюдает за ним, хотя не могу сказать, о чем именно она думает. Но обязательно спрошу ее об этом позже.

Мы заканчиваем ужинать, убираем посуду и отправляемся на улицу, чтобы посидеть у огня. Джо подбегает к Бостин. Ее руки вытянуты, и Бостин нервничает, будто не уверена в том, что это хорошая идея — брать ее на руки.

Джо карабкается на ноги Бостин, затем поворачивается и остается у нее на коленях. Мы смеемся.

— Похоже, у тебя появился новый друг, — говорит Локк Бостин.
— Она обычно не любит людей, которых не знает.

Джо зевает, откидываясь назад и обхватывая руку Бостин своими пальчиками, словно тонкими длинными щупальцами. Через несколько минут она засыпает, и я вижу в глазах Бостин какую-то нежность. Нежность, которой там раньше не было.

— Как она может быть твоей, Локк? — поддразнивает Бостин.
— Она такая милая. Может, отнести ее в кроватку?

— Она в первой гостевой спальне, — говорит Ретт.

Бостин поднимается. Локк следует за ними, пока мы наблюдаем за всем этим, словно ястребы.

Как только они уходят, я бросаю взгляд на Ретта.

— Это случилось, — ликую я, потирая руки, как злой гений.

Ретт ухмыляется.

— Не похоже, что ты что-то сделала. Это все Джо.

— Верно, — говорю я.

Когда они возвращаются, стоит тишина, за исключением потрескивания горящих бревен.

— Итак, — говорю я, потому что должна *как-то* заполнить это неловкое молчание. — Вы думали о том, чтобы, возможно, когда-нибудь пойти на свидание?

Локк и Бостин обмениваются протестующими взглядами, поочередно оправдываясь.

— Да ладно. Вы нас убиваете! — говорю я. — Вы были бы потрясающей парой.

— Я никогда не смогу встречаться с девушкой, которая думает, что может написать книгу об отношениях только потому, что у нее есть собственная радиопередача, — говорит Локк.

— Хм. Эта радиопередача идет на спутниковом радио, — говорит Бостин. — И это большая разница. Вряд ли они предложили бы мне семизначный контракт на пять лет, если бы считали, что я ничего не знаю о знакомствах.

— Бостин, когда ты летишь в Лос-Анджелес, чтобы участвовать в своей радиопередаче, твое эго проверяют у входа на посадку или ты складываешь его и проносишь как ручную кладь? — спрашивает Локк.

Она хмурится.

— Хочешь поговорить об эго?

— Ну вот, началось, — бормочет Ретт. — Айла, может, пойдем наверх? Пусть эти два суперуспешных человека выяснят, у кого эго больше?

— С радостью. — Я встаю вслед за своим мужем. — Спокойной ночи, ребята.

Они игнорируют нас, спорят и наносят словесные удары, вцепившись друг в друга.

Мы направляемся в гостиную, обнимаемся на диване, и я кручу свое золотое обручальное кольцо вокруг безымянного пальца. Дата нашего знакомства выгравирована внутри, как это было и в моей книге. Ретт пахнет кондиционером для белья и одеколоном. Я отдаю ему пульт, потому что не в настроении сегодня смотреть телевизор. Хочу смотреть на него.

Завтра мы вместе проведем день в центре Филадельфии, а в воскресенье, после того, как наши гости уедут, направимся в Нью-Джерси, где похоронен Брайс, потому что в этот день у него должен быть день рождения.

Ему исполнилось бы двадцать девять лет.

Ретт старался простить Брайса весь прошлый год и преуспел в этом. Я заставила его несколько раз открыться, рассказать мне о моем брате, и теперь чувствую, что почти знаю его.

На днях он сказал мне, что расскажет все. А пока просит моего терпения и понимания.

Он вообще не упоминает Дамиану, хотя ее мама и отец приходили в гости вскоре после нашей свадьбы. Кажется, он простил ее. По-своему. Ее родители хорошие люди. Добрые и сострадательные. Они хотели встретиться со мной, и, казалось, рады за него.

Раздвижная задняя дверь открывается. Входит Бостин, выдавая миллион слов в минуту, а затем появляется Локк, который явно защищается.

— Ребята, ребята, — прерываю их я. — Как насчет того, чтобы просто расслабиться?

— Тебе не следовало поднимать эту тему, — говорит Ретт, толкая меня.

— Я не могла остановиться. Когда я что-то вижу, то говорю об этом, — защищаюсь я.

— Вряд ли это применимо к ним. — Он хихикает.

Бостин плюхается в одно из кресел у камина, а Локк садится рядом с ней из-за отсутствия других вариантов.

— Если бы я и захотела пойти с тобой выпить кофе, так это только после того, как ты удалишь все приложения для знакомств на

своем телефоне, — говорит она ему.

— Никогда.

У нее отвисает челюсть.

— Я не встречаюсь с парнями, которые параллельно встречаются с другими женщинами.

— Я не использую приложения для своего удовольствия, потому что работаю с ними, — говорит он. — Я их придумал. Они как маленькие трофеи. И я проверяю их время от времени, когда люди, которые их купили, задают вопросы или хотят, чтобы я проверил глюки и прочее.

Бостин молчит, изучая его.

— Значит, ты... действительно хочешь пригласить меня на свидание? — Она указывает пальцем себе в грудь, приподняв брови и нахмутив лоб.

— Да, — признается Локк. — Хочу.

— Но... почему? — спрашивает она.

Мы все смеемся.

— Потому что считаю тебя симпатичной. И умной. И Джо ты нравишься, — говорит он. — Кроме того, я очень хочу, чтобы моя невестка перестала поднимать этот вопрос каждый раз, когда я прихожу в гости.

Ретт локтем толкает меня, но я игнорирую его. Не могу оторваться от этих двоих. Запомните мои слова, они поженятся в ближайшие два года. Я бы поставила на кон свою следующую книгу.

— Я подумаю, — говорит Бостин.

Я выдыхаю, хлопнув ладонью по лбу, и качаю головой.

— Господи, Бостин, просто сходи с ним на свидание.

Она поднимается, и я вижу намек на улыбку на ее губах, которая остается незамеченной парнями. Когда она смотрит на меня, я улавливаю озорной блеск.

Ох-х-х-х.

Совершенно ясно, что она делает.

— Я сказала, что подумаю, — говорит она мне, подмигивая, и направляется в соседнюю комнату.

Я точно знаю, что происходит: он *нравится* ей, и теперь она от него не отстанет.

Да начнется игра.

* КОНЕЦ *

Историю Локка и Бостин читайте у нас в группе
https://vk.com/kn_books